

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1831
Московский
ТЕЛЕГРАФ
№ 13-14
июль

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть сороковая.

1881 33

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Юля 31 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

—●—
ТОБОЛЬСКЪ,AP50
M644
1831:13-14

ВЪ РАЗНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ (*).

Урокъ, какой предположилъ я себѣ для заняшій загородныхъ, весь пройденъ, по мѣрѣ средствъ и свѣдѣній, а между пѣмъ подоспѣла и сѣверная суббша расшительныхъ силъ. Два великія работающія семейства распеній сдали природѣ живыя сѣмена будущихъ возрожденій, или обвивъ ихъ въ шонкія плевы, или запечатавъ въ нарочишыхъ хранцльницахъ, а сами опочили въ вѣчномъ лонѣ первобытнаго Творческаго глагола: *да произраститъ земля*. Вѣрно и

(*) Отрывокъ изъ рукописи: *Провѣлки вокругъ Тобольска въ 1830 году*, сочиненія П. А. Словцова. Рукопись сія вскорѣ поступитъ въ печать, и будетъ издана въ числѣ немногихъ экземпляровъ, по волѣ почтеннаго Автора. Не можемъ не изъявить своего сожалѣнія по сему случаю, ибо, если всѣ сочиненія П. А. Словцова носятъ на себѣ печать оригинальности ума необыкновенной, и дарованій и свѣдѣній обширныхъ, то *Про-*
Юль 1831.

1

непреложно, что земля произраститъ все насущное и въ грядущее лѣто, хотя она съ 4-го Октября замерла и одѣлась снѣгомъ. Къ сему видимому явленію присовокупимъ, что черезъ 9 дней и Иртышъ подернулся льдомъ. Обратимся-же, на досугъ, еще разъ къ судьбамъ самого Тобольска, и посмошримъ на него съ прочихъ споровъ.

1. Въ отношеніи государственномъ.

По завладѣніи Кучумовымъ Ханствомъ въ 1581 г., спановѣ сбродныхъ Казаковъ, ославаясь владыкою робкой спраны, не приняло имени Искера, резиденціи Ханской, а назвалось *Сибирью* вмѣстѣ со спраною. Ермакъ завоеватель погибъ; къ счастью ославалось на мѣстѣ одно устрашенное безначаліе варварства, доколѣ новая дружина Казаковъ, предводимая законнымъ спаршиною, не явилась на спаромъ устьѣ р. Тобола. Тогда родилось имя *Тобольска*, и То-

сцлки вокрцѣб Тобольска, кромѣ того драгоценны по своему содержанію, и попому что жизнь и душа Автора ярко въ нихъ отражаются. Такія созданія души, всегда юной и глубокой, должны-бъ бытъ, если осмѣлимся сказать свое мнѣніе, не скрываемы для многихъ, но назначаемы для круга читателей обширнѣйшаго: ими только можетъ оживляться міръ нашей Липшерапуры — безцвѣтный и однообразный.

Изд. Тел.

больскъ былъ какъ-бы спаницею ; онъ вскорѣ перенесся съ успья на гору , въ свое деревянное укрѣпленіе. Съ прибытіемъ перваго Воеводы, въ лицѣ котораго надобно разумѣть и правителя и военачальника , городъ сдѣлался военнымъ лагеремъ обороны и расширенія державы , также расправы и сбора ясачнаго. Тобольску предлежали важные подвиги въ спранѣ , по сказкамъ знаемой , но не извѣданной : по направленіе завоеваній къ р. Енисею , по рѣшеніе споровъ между сѣверными городками и оспрогами , о правѣ , кому гдѣ собирашь ясакъ , по неприязнели , оживавшіе въ лицѣ 4-хъ сыновей опочевавшаго Кучума , и союзниковъ ихъ Ногайцевъ , по мяшежи Ташаръ , волновавшихся къ юго-востоку , въ надеждѣ на пособіе Чжунгаровъ , по бунты Вогуличей на западѣ , или Оспяковъ на сѣверо-западѣ. Среди помятой борьбы , начавшейся съ 1600 г. , когда-бы надлежало уже пользоваться плодами дешеваго завладѣнія , Тобольскъ слѣдующія 25 лѣтъ проводилъ на спранѣ и въ боевомъ порядкѣ , пока оспальное гнѣздо Кучумова сына , послѣдняго Хана , не взято у *Семи-палатъ* , пока предокъ испорического Коншайши , Хана Чжунгарскаго , и другой предокъ Владѣльца Торгаушовъ (жившихъ послѣ между Яика и Волги) не присягнули на подданство Россіи. Воеводство Тобольское , окупивъ свое водвореніе цѣною воинской дѣя-

шельности, и увѣрясь въ пишинѣ сосѣдей, бросаешь любопытный взоръ на Алшынъ-Хана Монгольскаго, и обсмлаешься съ нимъ, больше для показу и развѣдыванія, чѣмъ для убѣжденія его къ подданству.

Толь скользкое положеніе дѣлъ, независимо отъ учрежденій и обычаевъ вѣка, должно было присвоить Сибирскому Воеводѣ и всѣмъ его преемникамъ характеръ военного управленія; и опшискъ сего характера гравировался въ послѣдшвіи времени пѣмъ смѣлѣе, чѣмъ пространныѣ спановилась рама Сибири. Произвольныя и безчисленныя започенія изгнанниковъ, въ спрашное десятилѣтіе *слова и дѣла*, болѣе уполномочили Сибирскихъ Губернаторовъ въ широтѣ власпи. Такъ и продолжались двѣсти лѣтъ Сибири Русской! Такъ и жили наши предки, о кошорыхъ Исторія можешь поже сказать, что сказалъ нѣкогда въ Виѣсандѣ Евангельскій слѣпецъ: *вижу челоѣки, яко древіа ходящіа*. Испинно Сибиряки пѣхъ временъ походили на деревья, не могущія съ своихъ листьевѣвъ спанушь и личинокъ, кошорыа ихъ пожирали.

Сибирь, въ сосшавъ кошорой погда входили большіе ошдѣлы двухъ западныхъ губерній, нынѣ называющихся *Пермскою* и *Оренбургскою*, разумѣлась, кажешся, у самого Правительшва колонією, и управлялась дѣйшвишельно какъ

колонія, пошому что слѣдствіе, судъ и исполненіе происходили въ Губернской Канцеляріи, гдѣ слово Губернашора было приговоромъ неоспоримымъ (*). Къ печальному предувѣренію погдашнихъ жишелей, что *Сибирь не Россія*, не мало содѣйствовало и установленіе особой мѣдной монеты, съ чеканомъ двухъ споячихъ соболей подъ Сибирскою короною; и монета сія, какъ-бы въ подшверженіе опдѣльной самобышности, не имѣла обращенія на западъ Урала далѣ Ачишской крѣпости, какъ границы Си-

(*) Генераль-Поручикъ Д. И. Четеринъ, послѣдній въ ряду самовластныхъ Губернашоровъ Сибири, впрочемъ живыми Тобояками похваляемый за быспрую расправу и безкорыстіе, наказывалъ на плѣхъ безъ всякаго суда, а умиравшихъ опъ наказанія бросали въ глубокой буеракъ въ обверпкѣ рогожаной. Онъ-же, по власти, а не по праву, дарилъ любимымъ чиновникамъ заимки около Тобольска, и производилъ въ Сибирскіе дворяне. Все это было, такъ сказать, *наканцѣ* открытія Намѣстничества въ Сибири, послѣ чего мнимые дворяне промѣняли свое имя на право вступленія въ службу. Ксташи припомнимъ, что погда-же исчезли въ Сибири *дѣти боярскіе*, вѣроятно причислявшіеся къ Тобольской Митрополіи. Помяну однакожь, что въ 1815 г., когда я былъ по дѣламъ службы въ Якутскѣ, еще попался шамъ рядовой Казакъ, писавшійся изъ дѣшей боярскихъ. С.

бирской (*). Бѣда была не въ помѣ, что монета запершая переливалась въ домовую посуду, а въ помѣ, что, когда Сибирякъ не имѣлъ никакого понятія о правахъ мѣстной власти, а власть не признавала другихъ правъ кромѣ своихъ, почетный чеканъ страны вдавливалъ въ его душу не впечатлѣніе гордости, а безущетное униженіе. Счастливымъ попомокъ поймешь-ли нынѣ, какъ тяжело было предку его или выносишь, или въ другомъ сердцѣ измѣряешь безоправданны чувствъ, какія подразумеваются въ смыслѣ народной пословицы: *до Царя (де) далеко, а до Бога высоко.*

(*) Подобное явленіе, ни мало не зависящее отъ учрежденій, замѣчается нынѣ надъ серебряною монетою, которая вовсе не имѣетъ хода въ народныхъ рукахъ по Сибири, начиная съ границы Вятской губерніи. Чему это приписать? Изобилію-ли мѣдной монеты и мѣлкихъ бумажекъ? Ограниченности-ли сдѣлокъ между жителями высшими, или опущенію предметовъ роскоши, въ другомъ мѣстѣ невзначай обязывающихъ къ карманнымъ расходамъ, или доверчивости господина двора къ покупателямъ? Если взглянуть поточнѣе, не правильнѣе-ли изъяснять это вопросъ безнаследственности родовыхъ имѣній въ Сибири, недѣльности рукъ, и слѣдственно безденежности кармановъ? Это согласовалось-бы съ практическимъ замѣчаніемъ, ш. е. съ медленнымъ сбытомъ товаровъ, для потребленія. С.

Открытіе двухъ намѣстническихъ, слава Богу, сдѣлало Сибирь недалеко отъ Царя и верховнаго Правительсва. Озаренная свѣтлымъ понятіемъ о властяхъ, ясно опредѣленныхъ во всеобщемъ, классическомъ Учрежденіи для управленія губерній, и обрадованная челоѣколюбивымъ Наказомъ философическаго пера, Сибирь-сироша, наравнѣ съ своею матерью, увидѣла для всякаго подданнаго законную защиту на судѣ, и покровительсво въ особѣ Намѣстниковъ. Съ 1782 года, съ сей благодашной эпохи, когда созданы многіе новые города, какъ поручительсва труда и людскости, когда правосудіе, дополнѣ воеводское, стало изрекашся въ приговорахъ, съ законами соображаемыхъ, припомъ съ правомъ переноса, или подъ опасеніемъ прошесша отъ особой блюстительной власти, когда уполномочились сѣзды поселянъ въ города на торги, когда крестьяне стали обмѣниваться на понятія публичныя и полмачишь о значеніи властей и цѣли общесвѣ, когда дѣши просполодиновъ знакомились съ училищами, по наилучшему способу образованными, и когда всякому нравственному существу даны право и сила дѣйствовать въ общей жизни челоѣчества — съ сей умственнo-полишической эры, Тобольскъ сдѣлался однимъ изъ 4-хъ намѣстническихъ городовъ. Казалось, что древній городъ, гордившійся властію своего началь-

ника, изъ руки котораго нѣкогда неслись грозныя предписанія, по въ Камчатку, по за Уралъ, упрасилъ въ обширности вліянія, но, съ органическимъ устройствомъ губерніи и уѣздныхъ городовъ, не могъ онъ не почувствовать новой живости въ гражданской жизни, и быспромы въ самой промышленности. Старая торговля конечно не возвратилась къ нему, но она давно и распалась съ нимъ, попому что основывалась на ложномъ порядкѣ, на взиманіи внутреннихъ пошлинъ, шакже на преградѣ сообщашья съ большими поржищами и на старомъ вкусѣ къ Кипайскимъ шелковымъ издѣліямъ. Сведемъ счеты, и заключимъ, что, когда въ послѣдствіи времени Намѣстникъ предпочелъ имѣть свое пребываніе въ Перми, и когда Тобольской губерніи надлежало по порядку зависимости обращашья за Уралъ, въ умахъ нашего края нечувствительно ошсоялась новая увѣренность; показалось, что Уралъ упалъ, что между Тобольска и Сполицы ошкрылась равнина. Поняшя возносяшья сами собою.

Я не могу распашья съ событіемъ Тобольскаго Намѣстничества, чтобы не примолвишь нѣсколько словъ, можешъ бышь, лишнихъ. Оно врѣзалось въ моей памяти небывалою торжественностію ошкрытія и новымъ содержаніемъ оды, поднесенной Намѣстнику, равно и замысловатой рѣчи, говоренной ему Рекпоромъ Се-

минаріи. Захопяшъ-ли дослушать, какъ все это ожило недавно въ душѣ? Лѣтъ за пять встрѣчаю въ Тобольскѣ невѣстку того Намѣстника, который, при важныхъ занятіяхъ преобразованія края, вѣрно принималъ равнодушно и поэзію и выпійство музъ Зауральскихъ. Встрѣчаю ее, какъ спранныцу, просящую подаянія въ пособіе злополучному ея сыну. Въ самую минушу, какъ она изъясняла свое положеніе, я невольно взглядывалъ по на нее, по на огромныя развалины Намѣстническаго Дворца, изъ кошораго знаменитый пещъ ея, за 43 года, смотрѣлъ на великолѣпное освѣщеніе и на прозрачную картину, и какъ недалеко онъ видѣлъ!

Съ 1797 г. высшія лица управленій, какъ шлягопившія Казну, упразднены, и Тобольскъ осшался въ своемъ ошдѣльномъ кругѣ, на общемъ основаніи губерній, безъ идеи о высшей степени посредничества у Прешола.

Съ началомъ новаго сполѣшія и новаго царшвованія, и съ переходомъ къ современнымъ идеямъ, Монархъ въ 1802 г., по высокимъ соображеніямъ, призналъ за благо разложить бремя государственнаго управленія на разныя рамена. Миниспершвъ; и сей-же органический духъ, усмашривая непобѣдимыя шрудности ошъ раздѣльныхъ управленій въ ошдаленныхъ краяхъ, прибѣгнулъ къ прежнему началу сосредошочива-

емой довѣренности. Почему Сибирь въ 1803 г. и ввѣряется одному блуждающему; но и сей порядокъ, какъ оказавшійся неравносильнымъ или не довольно опредѣленнымъ, самъ собою не оправдался, что и подтверждается долговременнымъ описаніемъ Сибирскаго Генераль-Губернатора.

Въ 1819 г. былъ человекъ посланъ выше, и имя его (кто забудетъ имя М. М. Сперанскаго?) останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ всей Сибири, потому что обдуманное благорасположеніе къ особѣ человека, и дѣлами засвидѣтельствованное, есть сочувствіе любви общей и славы. Три года своего управленія провелъ сей государственный мыслитель въ усмотрѣніи, соображеніи и въ систематическомъ начертаніи законной книги, для управленія страны обширной и истинно достойной благоустройства. Правительство услышало, чрезъ проницательнаго посредника, важныя истины, и въ мудрости своей издало въ 1822 г. особое Учрежденіе, для благоденствія Сибири. Учрежденіе, спѣсивъ просвѣщеніе личнаго самовластія, и обуздавъ спрасси подчиненныхъ властей преградами надзора, утвердило въ странѣ, на двухъ ея краяхъ, двѣ высшія силы возстановленія и воззванія ко благу, два высшія покровительства у Престола. Такимъ образомъ Тобольскъ сдѣлался средоточіемъ западной

половины края, мѣспомъ двухъ совѣщательныхъ совѣшовъ, и военною главою для всей Сибири. Очевидно, что городъ выигрываетъ отъ прибавочнаго приумноженія капиталовъ, какіе обыкновенно являются вслѣдъ за усиленнымъ производольствиемъ и за другими потребностями свѣтскости. Въ самомъ дѣлѣ, городъ, до 1822 г. спарѣвшійся, или по крайней мѣрѣ опустившійся (хотя купечество его и не ропшало на Кяхтинскую торговлю), нынѣ обновляется во внѣшнемъ показѣ, спроишся по лучшимъ чершежамъ, и вѣрояпно улучшишь гнилую почву, на которой пакъ давно сидишь и спрадаешъ физически.

Счетъ жишелей обоого пола долженъ проспираться не выше 20-ши тысячъ, а счетъ домовъ до 1,900, если не болѣе. Каменныхъ церквей 17, не считая двухъ крешовыхъ при домѣ Архіерейскомъ, и одной при шюрешномъ замкѣ; замѣшимъ и то, что всѣ приходскія церкви внутри украшены благолѣпно, а крешы и маковицы храмовъ блистають позолотою. Такого благочестиваго усердія, со спороны жишелей, не видно ни въ одномъ изъ Сибирскихъ губернскихъ городовъ, хотя Тобольскъ давно не въ числѣ мѣсповъ порговыхъ. Сіи чершы Христіанскія вносяшся сюда для того, что спрана Христіанская, какъ Сибирь, должна считашъ сіи народныя выраженія за истинныя основанія сво-

его политическаго бытія. Что радостнаго, что общественнаго было-бы тогда, когда-бы распространяющійся эгоизмъ, замкнувъ богатые сундуки, твердилъ такимъ-же окованнымъ хозяевамъ, какъ сундуки, опливашъ сіяніе сокровищъ не выше своихъ мезониновъ, и не далѣе своихъ оконницъ?

Вошъ сокращеніе измѣненій главнаго Зауральскаго города! Согласимся напередъ, что формы управленій въ Правительствѣ опеческомъ, гдѣ не могутъ онѣ быть спѣсительными или Макіавелическими, рѣдко дѣйствуютъ на жизнь народнои промышленности, которая пусть и живешь своею свободою и собственнымъ смысломъ; согласимся съ адептами свѣтскими и въ томъ, что не всегда опъ сдачи добрыхъ картъ, а опъ характера и благоразумія шѣхъ, кто и какъ играетъ, зависить удовольствіе игры, и попомъ спросимъ: будетъ-ли Тобольскъ богаче и торговѣе, когда окончательно усуроятся спешные округи, и заселятся прудолубивыми переселенцами? Будетъ-ли опъ общимъ мѣспомъ Сибирскаго просвѣщенія, или не иначе, какъ въ средопочіи спраны опкроется Университетъ, подъ который въ 1803 г. положенъ былъ первый камень благородною рукою Демидова? Какъ-бы ни содѣйствовали судьбѣ города начальственныя распоряженія, но, съ естественнымъ шагостіемъ людей къ мѣстамъ умѣренной шемперат-

пуры и плодородной почвы, онъ никогда не взойдешъ на спешень значащей населенности, и долженъ сочешъ себя счастливымъ, если, понявъ свой кладъ въ водахъ Обскаго Лимана, улучшишь соленіе Обской рыбы и икры, и распростиши продажу сихъ продуктовъ далѣе въ Россіи, не ограничиваясь Ураломъ.

2. Въ отношеніи археологическомъ.

Если-бъ надлежало коснуться Тобольска въ отношеніи обширно-археологическомъ, я-бы замѣнилъ двѣ важныя древности: одну, что горсть Казаковъ и другая горсть промышленниковъ, сіи, пакъ сказать, пригоршни были рассыпаны отъ Урала до Камчатки, и въ 250 лѣтъ произрастали съ другими прививками миллионъ шесть сотъ тысячъ жителей; другую, что въ этомъ долговременномъ и сложномъ поколѣніи, ежегодно подновляемомъ еще всяческими прививками, неизмѣнно продолжается первый спяжательный духъ завоевателя, какъ физическій полчекъ, сообщенный ряду упругихъ шаровъ. Можешъ бышь мысль, что съ поѣздкою въ Сибирь идущъ впереди лишенія свѣтской жизни и прианности, невольнo опиралась въ душѣ на предсмаприваніи будущихъ вознагражденій, чему надоумливаешъ и беззащитность мѣстныхъ жи-

телей. Можешъ бышь и сами жители, прежде съ избыткомъ довольные, задабривали своихъ начальниковъ приношеніями, дабы привлечь покровительство къ своимъ безвѣстнымъ лицамъ; но, что спяжательностьъ была нравственно-древнее въ Сибири повѣрье, не трудно-бы подтвердить это какъ послѣдованіемъ начальниковъ, когорые не даромъ не были на долго оставляемы царями при кормилѣ Сибири, такъ и другими прещеніями позднѣйшаго Правительсва, въ разныя времена гремѣвшими противъ сараго духа. Но я ищу въ Тобольскѣ только вещественныхъ остатковъ древности, и сему материализму археографическому жерпвую многими драгоценными воспоминаніями, въ числѣ копорыхъ были-бы первыя имена двухъ Іерарховъ XVIII-го столѣтія: Митрополипа Іоанна Максимовича и Архіепископа Варлаама. Погрѣшилъ-бы я впрочемъ противъ радости Христіанской, если-бы смолчалъ о мужахъ Евангельской жизни, о мужахъ, копорыхъ память продолжающъ чествовать и пошомки ихъ пасивы (*).

(*) М. Іоаннъ, оцъ жителей чествуемый донныя паннихидами, извѣстенъ также и богословскими трудами, копорые въ свое время были въ печати. Онъ архіерействовалъ съ 1711 г. по 10-е Іюня 1718 г. Архіепископъ Варлаамъ, достопамятный Евангельскою душею и праведною жизнію, архіерействовалъ

Въ обыкновенномъ археологическомъ понятіи, старшій памятникъ Тобольска есть самъ Тобольскъ. Онъ основанъ въ 1587 году. Внутри нагорнаго укрѣпленія, сперва деревяннаго, потомъ замѣннаго каменною зубчатою стѣною, къ площади на сѣверъ, была Троицкая церковь каменная-жъ, но при расширеніи Дворца Намѣстническаго разобрана, а стѣна крѣпостная разломана.

Прочія древности, въ *Письмахъ изъ Сибири* упомянутыя, суть слѣдующія :

4. На двухъ колокольняхъ Тобольскихъ два колокола: одинъ Углицкій съ годомъ 1593-мъ, привезенный въ започеніе за то, что при убіеніи Дмишрія Царевича били въ него набашъ, а Угличане, смущенные звономъ его, переселены въ Пелымъ, какъ будто соумышленники звучаго орудія. Могъ-ли вообразить хитрый Министръ

съ 1769 по 1803 годъ. Онъ былъ братъ Гавріила, С. Петербургскаго Мимрополипа, кешпорому Екатерина II-я посвятила переводъ Велизарія Мармоншелева. Гавріиль, сверхъ ума и уваженія своего времени, славился крапкими привѣспивенными рѣчами, Самодержидъ говоренными. Мысль и тонкость были характеромъ ихъ. Я увлекаюсь примолвить, что сей Архипаспырь извѣстенъ и нынѣ своимъ благочестіемъ въ общежительныхъ Россійскихъ монашествахъ. С.

Іюль 1831.

смиренаго Царя, что онъ испорю злодѣянїа самъ сдѣлаеть пакъ слышною? Другой колоколь Амстердамскаго лишья, съ годомъ 1699-мъ, неизвѣстно какъ достался въ Сибирь.

2. Въ Кляедральномъ Соборѣ: а), крестъ серебро-золоченый, привезенный первымъ Сибирскимъ Архипасшыремъ, б) посохъ, съ именемъ Папріарха Филарета, пакже мишра и панагія, приложенныя къ концу XVII-го столѣтія.

3. Царскія врата, въ бывшій женскій монастырь подаренныя опъ имени Царевны Софіи. Онѣ окованы серебромъ.

4. Каменные храмы Собора и Знаменскаго монастыря, поспройкою опносящіеся ко времени Петра Великаго. Обѣ сія церкви супъ 4 угольники съ 3-мя выпускными къ востоку дугами, въ копированномъ Ломбардскомъ зодчеспвѣ, чѣмъ Россія спарая обязана вкусу Италіянскихъ масперовъ, вшоричныхъ нашихъ учшпелей, послѣ прежнихъ Византійцевъ.

5. Каменное зданіе надъ спускомъ горы, между Архїерейскаго дома и Присупшвенныхъ мѣштъ, выспроенное на 3-хъ аркахъ, съ 3-мя крѣпосными ворошами. Эпо была работа Шведовъ военноплѣнныхъ, изъ подъ Полшавы пришедшихъ. Въ семъ зданіи помѣщаепся нынѣ губернскай архивъ послѣдняго времени, а не шошъ,

изъ копираго Миллеръ часпію начерпалъ матеріялы для Сибирской Исторіи: пошому что старый архивъ весь сгорѣлъ, вмѣстѣ съ городомъ, опъ пожара, въ 1788 году случившагося. Надобно добавишь для будущей археографіи, что общее злополучіе, какъ обыкновенно случается въ дѣлахъ вѣковѣчныхъ, было начальнымъ наспавленіемъ проспорной расколоники улицъ и правильной поспройки домовъ.

Успранія случайности, не лзя не поражашься всеміспною, археологическою мыслію, именно: если-бы Рускому вздумалось начашъ свое путешешвіе опъ гранишной горы, положенной въ подножіе Пепра I-го Екашеріною II-ю, и идши вплошь до Камчатки, до Берингова пролива, или далѣе, вездѣ-бы, на эпомъ необъяпномъ проспраншвѣ, нашелся памяшникъ и Перваго и Вшорой, при которомъ-бы душа путешешвенника могла опдохнуть, и въ сладоспѣ размыслишь. — О чемъ еще размыслишь? — О помъ, умный Рускій, о помъ, что вся ваша Россія и наша Сибирь, по XIX сполѣпніе, еспъ міръ, сошворенный двумя вѣчанными главами. Пепръ, какъ шворецъ, разлучилъ между шмою и свѣпомъ, и явилъ новую швердь для Россіи; разлучилъ между воды и воды, и назнаменовалъ крѣпкую сушу и каналы; повелѣлъ бышь войску и флосу: и они явились, какъ два свѣшпила въ знаменія и въ лѣша; а попомъ быспъ ве-

черъ и ушро. Велика была ночь между вечеромъ Перваго и ушромъ Вшорой, но за шо день ея былъ красенъ. Богъ создалъ челоувѣка по образу и подобію Своему, а Екашерина создала Рускаго по образу и подобію челоувѣка. Не забывай, умный Рускій, что предки швои назывались до 30 Декабря 1701 года холопами, а до 11 Февраля 1786 года рабами. Не забывай двухъ древностей: что славу Россіи услышали въ Европѣ при Пешрѣ, а имя челоувѣка услышали въ Россіи при Екашеринѣ. Признавай поманушый день праздникомъ, эрою, и съ нея начинай считаашъ свое благоденствіе, свою свободу.

3. Въ отношеніи промышленности.

Предсавляашъ оборотъ промышленности края или губерніи въ числахъ, ешъ самая льшшая проблема; всякій ариомешикъ надѣется рѣшишь ее легко, но пусть докажешъ приближительнось рѣшенія. То, что выходитъ великимъ въ ишогѣ общемъ, показывается малымъ въ раздробленіи, хотя мнимое малое чаще бываетъ величиною истинною. Тупъ-шо выкладчикъ поражается изумленіемъ, и снова увеличиваетъ ишогъ, причисленіемъ ишоговъ повшорительныхъ, подъ другимъ какимъ нибудь именемъ. Почему, чѣмъ обширнѣе объемъ Статистическихъ таблицъ,

пѣмъ подозрительнѣ ихъ достоверность; одно разсмотрѣніе входящихъ чиселъ могло-бѣ вески къ правдоподобию вычисленію оборотовъ. Съ сею недоувѣрчивостію я смогру на итоги промышленности, мало полагаю на Статистическія таблицы, не всегда съ дошточнымъ разумнѣемъ составляемыя.

а. Промышленность рукодѣльная.

Дѣленіе сей промышленности.

Она дѣлится въ Тобольской губерніи: на грубую живошную, на грубую расшительную, и на грубую минеральную.

Грубая живошная дѣлится на рыболовную и скопскую. Первая состоишь въ лѣтнемъ засолѣ на р. Оби (*), а вшорая въ салопшленіи, мыловареніи и кожевничествѣ.

(*) Для рыбной ловли отправляются, на судахъ различной величины, хозяева ихъ съ работниками на р. Обь, и опкупають у пуземныхъ Оспяковъ удобные берега, начиная съ Березова до Обдорска, и дальѣ. Предпримчивость сего рода находишь въ рукахъ промышленниковъ Березовскихъ, Тобольскихъ и Туринскихъ; занимаются и крестьяне симъ промысломъ. но дѣло ихъ, какъ незначительное, не входитъ въ насшощее соображеніе. Суда, отправляющіяся на Обь въ Маѣ, возвращаются въ Тобольскъ къ половинѣ Октября, если не застигнешъ ихъ заморозъ.

Опъ рыбаковъ спало извѣстнымъ, что иногда за-

Грубая распишешная въ выдѣлываніи писчей бумаги, въ пряденіи канашовъ и въ выкуркѣ хлѣбнаго вина. Последняя спашья не войдетъ въ наши ипоги.

Грубая минеральная въ спеклѣ зеленомъ и въ дѣланіи виншовакъ. Ломка соли озерной также не войдетъ въ ипоги.

По заведеніямъ всѣхъ сихъ дѣлений, мѣспныя искуства замѣчаются въ самой нижней степені: а пошому и руководѣльная промышленность Тобольска справедливѣе можетъ называться посадскою. Такова промышленность и по всей губерніи! Красная и черная юфть Тюменская или Тарская, и полужеленое Ялушоровское спекло не даюшъ права на другое, лучшее имя.

Величина руководѣльной промышленности.

Величина рыбнаго засола.

На 4-мъ суднѣ, вмѣщающемъ до 42 тысячъ разныхъ рыбъ, и засолъ икры, выходитъ по продажной въ Тобольскѣ цѣнѣ на 13,500 р.

На 48-ми Тобольскихъ судахъ на 243,000 р.

На — судахъ мѣлкихъ 10,000 р.

На 4-хъ Туринскихъ меньшей мѣры на 20,000 р.

ходящъ въ Обь и киповыя породы. Въ 1817 году между Обдорска и Березова появлялись дельфины близъ рыбацкихъ песковъ, и рыбаки были изумлены сполбчатымъ изверженіемъ воды. С.

Весь рыбный засоль, не считая
мѣлочнаго улова, выходитъ по
всей губерніи на цѣну. 273,000 р.

Величина скопской выдѣлки на
10-ши заведеніяхъ въ Тобольскѣ. . . 83,000 —

На 3-хъ заведеніяхъ, стекла и
бумаги по Тобольскому уѣзду на . . 22,700 —

Ружейнаго дѣла по тому-же
уѣзду на 8,000 —

Слѣдственно, изъ прочихъ
царствъ природы, не повпоря
ипоговъ живошнаго, выходитъ
по Тобольскому уѣзду на 30,000 —

На 57-ми заведеніяхъ прочихъ
городовъ, изъ 3-хъ царствъ при-
роды, на 711,000 —

На 44-хъ заведеніяхъ уѣздныхъ,
во всѣхъ царствахъ природы, на . . 98,000 —

Слѣдственно, вся руководѣльная
промышленность губерніи, въ
видныхъ заведеніяхъ являющаяся,
выходитъ на 1,495,700 р.

Присовокупля къ тому, что по всѣмъ симъ
заведеніямъ употребляется годичныхъ работни-
ковъ 680, да временныхъ въ рыбномъ промыслѣ
до 1,100 человекъ, и кромѣ сего не имѣя ни къ

себѣ ни къ другимъ сполько довѣренности, что-бы смѣшь высчитывать чистый доходъ, получаемый съ поименованныхъ заведеній, мы покрываемъ сію спашью общимъ замѣчаніемъ, что руководѣльная живошная промышленность не выходитъ изъ передѣлки, опредѣляемой указаніемъ физическаго питанія, и необходимостью одѣянія; а что-бы завладѣшь ей искусствами лучшаго преобразования въ царствахъ распительномъ и минеральномъ, къ сожалѣнію, не лзя скоро ожидать успѣховъ по причинамъ, вообще извѣстнымъ. Почему и заключимъ спашью совѣстнымъ доброжелательствомъ:

1-е, Чшобы промышленники рыбные, если хощають слѣдовать вкусу потребищелей, и съ шѣмъ вмѣстѣ распроспранить продажу своихъ промысловъ, убѣдились въ необходимости приобрѣсть искусство засоловъ.

2-е, Чшобы Тобольскимъ капиталиспамъ, вездѣ вышѣсняемымъ изъ пограничной мѣновой шорговли, пришла наконецъ добрая мысль приняшья въ сошоварищесствѣ за большіе приморскіе промыслы въ Обской губѣ; и

3-е, Чшобы въ южныхъ увздахъ, гдѣ родился прекрасный ленъ, вмѣсто винокуренныхъ заводовъ, угрожающихъ шамъ опустошеніемъ лѣсовъ, равно и вмѣсто присковъ золопоноснаго песку, донинѣ не удающихся ни въ Курган-

скомъ, ни въ Туринскомъ уѣздѣ, подумаешь о пикацкомъ искусствѣ для полошенъ большой ширины.

б. Промышленность торговая,

Направленіе ея.

Источники торговли собственно Тобольской и всей губернской могутъ быть разсмаприваемы :

По закупкѣ сырыхъ шоваровъ въ губерніи, также на ярмаркахъ Ирбитской и Нижегородской.

По участію въ Кяхтинской мѣнковой торговлѣ.

По участію въ мѣнѣ на линіи Сибирской, отъ Семипалатинска до Троицка.

По закупкѣ красныхъ шоваровъ въ Ирбити, Н. Новѣгородѣ и Москвѣ.

По продажѣ лавочной въ городахъ и на уѣздныхъ ярмаркахъ.

Именуя одни пуши движеній торговли внѣшней и внутренней, я-бы могъ только сказать относительно первой, что участіе Тобольскихъ торговцевъ на спорномъ Кяхтинскомъ поприщѣ, гдѣ соспизающія нынѣ нарочитыя капиталы Россійскіе, уменьшилось въ послѣдніе годы и въ счетѣ, и въ величинѣ.

в. Разсмотрѣніе Спаписпическихъ ипоговъ
внутренней торговли.

Въ таблицѣ Г (*) торговый оборотъ г. Тобольска написанъ въ 509,370 р. Если раздѣлимъ сію сумму на число жителей обоюго пола, по каждому лицу довелось-бы бытъ поребителемъ на 26 р, 60 $\frac{1}{2}$ к.; раздѣляя-же на число домовъ, каждый домъ издерживалъ-бы 268 р. Оспавимъ сихъ дѣлителей, и по способу другой вѣроятности попустимъ проживашъ въ годъ 50-ти духовнымъ лицамъ по 500 р., 105-ти осмикласснымъ чиновникамъ по 1500, а 149-ти купцамъ по 3,000; тогда увидимъ, что одни сіи лица,

(*) Нѣсколько Спаписпическихъ и другихъ таблицъ приложены къ рукописи почтеннаго Автора. Для объясненія вычетовъ, здѣсь упоминаемыхъ, надобно знать слѣдующія Спаписпическія подробности. Пространство земли подъ городомъ Тобольскомъ полагается до 5,305 десятинъ; жителей, мужск. пол. 9114, женск. пол. до 10,000; домовъ, каменныхъ 17, деревянныхъ 1880; купцовъ, 1-й гильдіи 5, 2-й 7, 3-й 137; мѣщанъ и цеховыхъ 2,842; ярмарка бываетъ одна; питейныхъ домовъ 29; оборотъ внутренней торговли полагается въ 509,370 р. асс. — Пространство земли подъ восьмью другими городами, уѣздными 35,622 десят.; жителей 21,264 мужск. и 22,840 женск. п.; домовъ каменныхъ 38, деревянныхъ 6,404; купцовъ, 1-й гильдіи 5, 2-й 22, 3-й 333; мѣщанъ и цеховыхъ 9,686; ярмарокъ въ городахъ 13 (въ уѣздахъ 91); питейныхъ домовъ 64; оборотъ внутренней торговли по-

кромѣ прочихъ чиновниковъ и мѣщанъ, могли бы своими расходами не только поравняться съ ипогомъ саблицы, но и превзойдши его сошней пмыщъ. Чшо-же сказаць о Спашищической саблицы?

лагаеця въ 1,719,820 р. асс. — Уѣздъ Тобольскій представляеть слѣдующія данныя: проспранство земли 1,471,374 десяш. (во всѣхъ другихъ уѣздахъ 94,154,087); изъ сего числа: пахатной 34,120, луговой 84,932, лѣсной 118,842, неудобной 1,222,392 десяш. (въ другихъ уѣздахъ пахатн. 1,252,419, луг. 22,314,950, лѣсной 43,667,900, неудобной 23,244,071 десяш.); число озеръ рыбныхъ 205 (въ другихъ уѣздахъ 1,550 и соляныхъ 108); число жипелей мужеск. п. 29,484, женск. п. 30,816, а селеній вообще 940 (въ другихъ уѣздахъ, мужеск. п. 262,023, женск. п. 279,080, а селеній вообще 3,432); скоповодство, въ городѣ и уѣздѣ Тобольскомъ: рогатаго скопа 44,963, лошадей 40,445, овецъ 29,347, свиней 15,917 (въ одномъ уѣздѣ безъ города). — Скоповодство другихъ уѣздовъ съ городами: рогатаго скопа 447,404, лошадей 410,232, овецъ 424,381, и свиней 171,700 (сіи двѣ спаши въ однихъ уѣздахъ, безъ городовъ). — Общее количество засѣваемаго хлѣба: въ Тобольскомъ уѣздѣ 40,380 чешв., а общій сборъ 158,785 чешв. (въ другихъ уѣздахъ, въ сложность — посѣвъ 592,446 чешв., съемъ 2,428,349 чешв.). — Оборощъ внушренной шорговли полагаеця: по уѣзду Тобольскому въ 30,000, по всѣмъ другимъ уѣздамъ 2,714,405 р. асс. — Всѣ сіи Спашищическіе вычешы ошносяшя къ 1828-му году. *Изд. Тел.*

По 1-му положенію, происшедшее среднее число даешь обывашелю съ женою возможность покупать изъ лавки на 53 р., да удвоивъ надобность покупки изъ земледѣльской промышленности, надлежало-бы эпою городской парѣ имѣть, для годовыхъ издержекъ, запаса денежнаго 159 р., сумму весьма возможную, при маломъ шрудѣ или при маловажномъ ремеслѣ. По 2-му положенію, происшедшее среднее число заставляешь сомнѣваться въ общей возможности, пошому что надлежало-бы каждому дому расходовать еще на покупку изъ земледѣльской промышленности, по крайней мѣрѣ столько-же, сколько на лавку. По 3-му положенію явно выказывается невозможность. Слѣдственно разсматриваемый ишогъ шаблицы можешь, въ силу 1-го положенія, бытъ признанъ за вѣрояшный, но съ шѣмъ изъясненіемъ, что не слѣдуешь въ немъ подразумѣвать ни привоза земледѣльческихъ шаптей въ городъ, ни лавочной покупки со стороны окольныхъ земледѣльцевъ, а при смѣшеніи всего ишогъ вышель-бы ложенъ и не согласенъ съ опышами. Слѣдственно разсматриваемый ишогъ погрѣшаешь въ недостапкѣ.

Возьмемъ ишогъ шорговли, показанный по Тобольскому уѣзду въ 30 тысячъ р. По числу жипелей обоого пола, выходиль-бы на каждое лицо учаспокъ въ шорговлѣ на $49\frac{1}{2}$ копѣекъ: учаспокъ немовѣрно малый; по числу-же до-

мовъ участокъ сей поднялся-бы до 3 — 16 $\frac{1}{2}$ коп. Въ обоихъ положеніяхъ среднія числа оказывающіяся равно недостаточными, потому что въ каждомъ изъ нихъ изображается частное число, происходящее изъ двойкой суммы и лавочныхъ и земледѣльческихъ спашей. Но шакъ уменьшенное участіе въ двойкомъ торгѣ совмѣстно-ли съ извѣстностію о промыслахъ крещьянъ Тобольскаго уѣзда, пользующихся изъ озеръ обильною продажею свѣжей рыбы, и получающихъ каждаго недѣльно за дрова, за деревянныя подѣлки, сѣно, рогожи, и проч. и проч., хорошія деньги? Не забывая при томъ укоризны, что они слишкомъ радѣютъ о кассѣ питейнаго ошкупа, все утверждать должно, что второй шагъ таблицы написанъ безъ основанія.

Если возьмешь изъ таблицы шагъ внутренней торговли всѣхъ городовъ, кромѣ Тобольска, то выйдешь среднее число, по которому каждый посадскій, и безъ жены, давалъ-бы движеніе торговли въ 44 $\frac{1}{3}$ р.: но шакой достатокъ уѣздныхъ горожанъ, превосходя вдвое достатокъ гражданъ губернскаго города, былъ-бы, по одному сравненію, несбыточенъ. Изъ чего явствуетъ, что или шагъ таблицы преувеличенъ, или перемѣшанъ съ другими вѣдьями народнаго богатства, ш. е. кромѣ торговли лавочною, надобно подразумѣвать земледѣльческую домашнюю и земледѣльческую въ сосѣдственныхъ губер-

ни. Догадка послѣдняя подкрѣпляется переѣздами сопредѣльныхъ жишелей въ торговые по городамъ дни.

Возьмемъ въ послѣдній разъ изъ таблицы сумму общей губернской торговли, за исключеніемъ городской, и припомнимъ, что ша сумма = 2,715,000 р. Раздѣляя сей ипогъ на число деревенскихъ домовъ, доспалось-бы каждому дому учаспвовашъ на 30 р. 36 к., а раздѣляя на число шаглыхъ душъ, ш. е. на $\frac{3}{5}$ -хъ всего мужскаго креспьянсшва, довелось-бы шаглой душѣ имѣть долю въ обращающемся богашспвѣ на 17—20 к. То и другое среднее число можешъ представляться умѣреннымъ и даже уменьшеннымъ, когда вообразимъ въ каждомъ изъ нихъ двойную или еще шройную торговлю, какъ недавно замѣчено.

Послѣ дробныхъ разспомрѣній, присовокупимъ, что креспьяне обыкновенно ѣздящъ на сельскія ярмарки не иначе, какъ везущъ съ собою спашьи продажныя, кошорья-бы содержались въ покупаемыхъ спашьяхъ больше или меньше. Уѣздный шоргъ губерніи еспь подобіе мѣны Азіашской, изъ чего и раждаешся еще вопросъ: въ какомъ смыслѣ пишущся въ губерніяхъ Станшиспическія таблицы земледѣльческой торговли? Въ одномъ-ли ипогѣ покупки, или въ цѣлности взаимной мѣны, подобно какъ при покупке дома, проданнаго за 5,000 р., представ-

ляпсѣ на обѣихъ споронахъ и продавца и покупателя по пяти тысячъ, но у Правительсва записывается сдѣлка въ 5, а не въ 40 тысячъ. Если-бы надлежало высчитывать торги уѣздныя въ семь тысячъ, а не изображанъ всю личность обращающагося обвиняго капишала, то не должно-ли сбавишь половиною ипоги уѣздныя?

Изъ всѣхъ прикинувшихъ пробъ явствуетъ, что Статистическія таблицы внутрѣнной промышленности: 1-е, пишущя не въ порядкѣ понятий, или безъ всякихъ понятий о предметѣ, по сказкамъ, на удачу; 2-е, объемлютъ обороты по смѣшанно, по раздѣльно; и 3-е, въ ту минушу, какъ хошѣлось-бы вамъ знать много торговли госпинодворской, невзначай подкладывается много земледѣльской, и напрошивъ. А дѣло въ томъ и состоитъ, чтобы различать торговлю мануфактурную отъ земледѣльской, дабы наблюдашело найдшия окинуть кругъ мануфактуръ и способности покупателей: сильны ли послѣдніе по количеству требованія, нуждаются-ли, или прихошничаютъ? Иначе-же, какая польза въ ипогахъ, когда они сказываютъ число, а не прогрессію къ повышеніямъ въ способахъ къ богатству.

Впрочемъ здѣсь мѣсто признашя, что не легко усчитывать торги уѣздныя, когда извѣстно, что крестьянинъ можетъ совершать свою

сдѣлку у ворошъ, или на полахъ избѣ. Самыя ярмарки уѣздныя, какъ колѣи однихъ и шѣхъ-же колѣсъ, попеременно вершящихся по разнымъ шоржкамъ не одной даже губерніи, не могутъ бытъ показателями богашества губерніи, а только бываютъ слагаемыми числами мѣста и времени. Такъ почто весной видишь разливъ рѣки на какое-шо разшояніе, но изъ какихъ испочниковъ и въ какую именно мѣру вода прибыла, опредѣлить невозможно. Все убѣждаетъ насъ повшорить, что числовыя выраженія народнаго богашества, изображаемыя грифелемъ скорописцемъ, и не повѣряемыя ученою методою, часто бываютъ обоюдными логогрифами.

Что касается до повѣрокъ, пробныя наши способы, пока не скажутъ лучшихъ, по видимому не излишни шамъ, гдѣ пребуется опредѣлительность; но повѣрка будетъ болѣе правдоподобною въ городахъ чрезъ число жипелей, а въ оборотахъ уѣздныхъ чрезъ число домовъ или пяглыхъ дунь. Да и шумъ надлежало-бы предварительно опредѣлить различныя значенія городовъ и различныя условія крестьянскаго быша, и сіи опредѣленія, какъ алгебраическія формулы, прикладывашъ при повѣркахъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ПЯТЫЙ и СЕДЬМОЙ ВЕЧЕРА,

Изъ повѣсти :

ЗОЛОТОЙ ГОРШОКЪ.

Сочиненіе Гофмана.

« Однажды навсегда говорю вамъ, » сказалъ Ректоръ Паульманнъ — « всѣ мои добрые совѣты , всѣ мои увѣщанія бесполезны : онъ ничѣмъ не хочеть заняться. А кажется , онъ шакъ хорошо учился , получилъ шакія пвердыя основанія въ Лашинскомъ языкѣ — началъ всякаго знанія ! » — Полно-ше , господинъ Ректоръ — лукаво опвѣчалъ Паульманну Регистраторъ Геербрандшъ , улыбаясь съ шайншвеннымъ видомъ. — Дайте Ансельму поразвернуться , почтенный господинъ Ректоръ ! О ; эшо любопытная задача ; эша голова даромъ не пропадетъ ; изъ него будешъ кое-что , а когда я говорю : *кое-то* , эшо значить : Тайный Секретарь , а , можешъ бышь , и Тайный Совѣтникъ ! — « Совѣш... » про-бормошалъ съ изумленіемъ Ректоръ , и не могъ кончить слова. — Тише , тише — продолжалъ Регистраторъ Геербрандшъ — что я знаю , по знаю. Вотъ уже два дня сидишь Ансельмъ у Архиваріуса Линдгорсна , и переписываешъ ему спа-

Іюль 1834.

3

рыя бумаги, и Архивариусъ сказалъ мнѣ вчера, въ кофейной: «Вы прислали мнѣ прекраснаго молодаго человѣка, господинъ Геербрандшъ! Въ немъ будетъ прокъ!» Такъ онъ сказалъ, а вы знаете связи нашего господина Линдгорста?.. Тише, тише, господинъ Ректоръ! Черезъ годъ, посмотрите, вы скажете другое, совсѣмъ другое! — При сихъ словахъ Регистраторъ Геербрандшъ вышелъ, сохраняя на устахъ своихъ шайншвенную улыбку, и оставивъ Ректора Паульманна онѣмѣвшимъ отъ удивленія, отъ любопытства, и неподвижно сидящимъ въ больничныхъ креслахъ, какъ будто волшебная какая нибудь сила удерживала его въ этихъ креслахъ.

Но слова Регистратора Геербрандша произвели совсѣмъ другое дѣйствіе на сердце Вероники, дочери Ректора Паульманна. «Не угадала-ли я давно,» думала она, «что господинъ Ансельмъ молодой человѣкъ очень умный и очень любезный, что онъ будетъ когда нибудь чѣмъ нибудь очень значительнымъ, важнымъ! Ахъ! какъ-бы хотѣлось мнѣ теперь знать... желаетъ-ли онъ мнѣ добра? Когда, въ прошлую вечеръ, мы вмѣстѣ переезжали черезъ Эльбу, и онъ сидѣлъ подле меня въ лодкѣ — развѣ онъ не пожалъ мнѣ руки — два раза? А когда мы пѣли съ нимъ дуэнь — онъ поглядѣлъ на меня... такъ ласково, такъ выразительно, что у меня серд-

це забилось! Да, да, нѣтъ сомнѣнiя: онъ меня любитъ! А я?...» Тушь Вероника, по обыкновенiю молодыхъ дѣвушекъ, совсѣмъ предалась мечтамъ, легкимъ сновидѣнiямъ счастливой будущности. Она была уже госпожа Совѣшница — у нея былъ премиленькiй домикъ, въ улицѣ Маврицiя, или нѣтъ — въ улицѣ Крѣпостной — нѣтъ, лучше всего на Новомъ Рынкѣ — шляпка самая модная, наспоющая Турецкая шаль... Какъ все это къ лицу ей! Она завпракаетъ въ своемъ прелестномъ домикѣ, и приказываетъ своей кухаркѣ... «Да, смотри-же, не перевари: пы знаешь, что это любимое кушанье господина Совѣшника!» И вопъ — молодые щеголи идутъ по улицѣ; они наводятъ лорнеты на окошко; она слышитъ ихъ разговоры: «Какъ хороша Совѣшница! Какое милое лицо! Какъ хороша на ней эшопъ кружевной чепчикъ!» — Это что? А! Тайная Совѣшница W. W. прислала своего слугу узнать: не угодно-ли будешь Госпожѣ Тайной Совѣшницѣ Ансельмъ вечеромъ вѣхать прогуляться, въ Линковскiя бани. — Поблагодари, мой другъ, Госпожу Тайную Совѣшницу W. W., и скажи, что къ величайшему моему сожалѣнiю, я не могу исполнить ея желанiя: я уже общалась сегодня на чай, къ Г-жѣ Президентшѣ Х***. — Вопъ и Господинъ Совѣшникъ Ансельмъ; онъ входитъ; одѣтый щегольски, по послѣдней модѣ. «Какъ?

уже десять часовъ!» говоритъ онъ, прогая репешницю своихъ карманныхъ, золошыхъ часовъ. Онъ цѣлуешь свою супругу. «Ну, какова ты, милый другъ? Знаешь-ли, что я тебѣ принесъ?» Тупъ съ улыбкою вынимаетъ онъ изъ жилешнаго кармана — дорогія серьги, послѣдней моды, и самъ привѣшиваетъ ихъ къ ушамъ своей миленькой жены! — «Ахъ! какія прелесныя серьги!».. громко вскричала Вероника, забылась, бросила работу, и побѣжала передъ зеркало — любовалась своими серьгами...

— Что это значитъ? — вскричалъ Ректоръ Паульманъ, который успѣлъ уже опомниться, и былъ погруженъ въ чтеніе Цицерона *de officiis*. Воскличаніе Вероники испугало его, и книга выпала изъ его рукъ. — Что это значитъ, сударыня? Не рыхнулась-ли и ты, какъ Ансельмъ?

И въ эту самую минуту двери отворились; явился — какъ кшаши, и какъ неожиданно — Ансельмъ! Нѣсколько уже дней, прошивъ своего обыкновенія, не посѣщавши Ректора; онъ изумилъ и испугалъ Веронику, пошому, что она увидѣла въ немъ совершенную перемѣну. Важно, съ ловкостью, дополъ въ немъ незамѣпною, говорилъ Ансельмъ о новой цѣли своей жизни, о блестящемъ поприщѣ, какое передъ нимъ открывалось, и о чемъ многіе еще вовсе ничего

не знали. Вспомнивъ главнѣйшія намеки Региспрапора Геербрандша, Паульманнъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. Онъ не успѣлъ еще промолвить ни одного слова, какъ Ансельмъ, сказавъ о необходимости поспѣшнѣе заняться у Архиваріуса Линдгорстна, учтиво и вѣжливо поцѣловалъ руку Вероники, и скрылся. Паульманнъ сидѣлъ и молчалъ. «Ну, не совершенный-ли это господинъ Совѣтникъ?» бормотала про себя Вероника. «И онъ поцѣловалъ мнѣ руку шакъ мило, шакъ ловко... не шолкнулъ меня головою, не насупилъ мнѣ на ногу, какъ бывало прежде. А какъ онъ поглядѣлъ на меня... нѣжно, прогашельно!» Опять Вероника начала мечтать; но шуть показалось ей, что какой-шо ужасающій призракъ спалъ между ею и ободришельными мечтами будущаго хозяйства росложи Совѣтника. Казалось, что этотъ призракъ улыбался, шакъ злобно, шакъ насмѣшливо... что онъ говорилъ ей: «Все это глупни и нешныя мечтанія, все это ложь; никогда Ансельму не бывашы Совѣтникомъ, а шебъ Совѣтницею; онъ не любилъ тебя, хотя глазки у шебя голубые, шалия шоненькая, а руки бѣленькія и пухлыя!»

Холодъ пробѣжалъ по шѣлу Вероники, и съ невольнымъ ужасомъ глядѣла она въ зеркало, къ кошорому подбѣжала было полюбоваться на кру-

жевный чепчикъ и модныя сережки госпожи Совѣтницы. Слезы блеснули на глазахъ ея, и громко сказала Вероника: «Ахъ! если это въ самомъ дѣлѣ правда, если онъ меня точно не любитъ, и я никогда не буду госпожею Совѣтницею!» — Чшо за романическія глупости! — вскричалъ тогда съ досадою Ректоръ Паульманнъ, схватилъ свою палку, шляпу, и ушелъ изъ комнаты.

«Только этого недоставало!» сказала Вероника вздыхая, и — ужасно разсердилась на меньшую сестру свою, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, копорая, не замѣчая ничего, что вокругъ нея происходило, спокойно сидѣла въ углу и шила.

Между тѣмъ было уже около шестехъ часовъ; надобно было поскорѣе прибираться комнаты и готовить кофейную канторку: двѣдцать Осверъ прислали сказать своей подругѣ, что они придутъ навѣстить ее. Вероника принялась за работу; но шподвигалась она споль, снимала-ли новыя пѣспради съ форшепьяно, внимала-ли чашки и кофейникъ изъ буфеша — и за столомъ, и на форшепьяно, и въ буфешѣ, и въ чашкахъ, и въ кофейникѣ — вездѣ мерещился ей страшный призракъ, ужасное чудовище, съ пауковыми ногами, изъ копорыхъ лѣзли искры, и страшный голосъ шешалъ ей: «Хорошо, хо-

рошо! дѣлай что хочешь, а онъ никогда не будешь твоимъ мужемъ, не будешь, не будешь!» — И когда бѣдная дѣвушка бросила наконецъ всю свою работу, чашки, кофейникъ, испуганная кинулась на средину комнаты — страшный призракъ спрясался за печку, выросъ до самого потолка, выпянулъ длинный, отвратительный носъ, и зарычалъ и замычалъ: «Никогда не будешь твоимъ мужемъ!» — Сестрица, сестрица! — закричала Вероника, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, не смѣя ни къ чему прикоснуться, ни на что поглядѣть — развѣ ты ничего не видишь, ничего не слышишь? — Фанни положила свою работу, спокойно и важно подошла къ Вероникѣ, и сказала: «Что сдѣлалось съ тобою сегодня, сестрица? Ты все бросаешь туда и сюда, гремишь чашками и кофейникомъ; дай я пособлю тебѣ...» Но въ это время рѣзвые подружки Вероники входили въ комнату, смѣясь и прыгая. Тутъ и Вероника замѣтила, что печная труба показалась ей отвратительнымъ чудовищемъ, а скрипъ неплошно пришиворенной форпочки ревомъ и мычаньемъ сирашиллица. Еще дрожа отъ ужаса, она не могла придти въ себя такъ скоро, чтобы спросить ее, что впрочемъ показывала блѣдность лица Вероники, не былъ замѣченъ подругами. Ославивъ забавные рассказы, начатые было ими, онѣ крикнули Вероникѣ сказать поскорѣе, что

съ ней сдѣлалось. Вероника призналась, что ей пришли въ голову спрашныя мысли, и вдругъ, среди бѣла дня, спала она бояшсь привидѣній, и бояшсь ужаснымъ образомъ. Такъ живо описала она подругамъ своимъ сѣрое чудовище, съ пауковыми ногами, съ длиннымъ носомъ, кошорое можешъ прятаться въ чашку, выросташъ до пополка, казашъ изъ каждаго уголка комнаты и изъ кофейника, мычашъ, шепташъ, насмѣхашъ, что дѣвицы Осперъ бояливо спали оглядывашъ кругомъ, и имъ показалось что-то спрашно и ужаено... И въ эту минушу, вдругъ явилась—Фанни, съ кипящимъ кофейникомъ. Три подруги опомнились, начали смѣяться надъ своею прусливостью. Ангелика (шакъ называлась старшая дѣвица Осперъ) была давно сговорена за молодого офицера. Женихъ ея былъ тогда въ походѣ, и давно не получала она отъ него писемъ. Думали уже, что онъ убишъ, или, по крайней мѣрѣ, шажело раненъ.

Мысль объ этомъ заставляла Ангелику безпрестанно задумывашъ и грустить. Но теперь казалась она шакою веселою, шакою рѣзвою, что Вероника не могла не изъявить ей своего удивленія. «Милый другъ!»—опвѣчала Ангелика—«не думай, чтобы я позабыла моего Викшора, и не думала о немъ безпрестанно; но вошъ отъ чего я шакъ весела сего дня: мой Викшоръ со-

вершено здоровъ; скоро я его увижу; онъ Капшанъ, и получилъ крестъ за свою безпримѣрную храбрость. Рана, шолько совѣтъ не опасная — его ранилъ въ правую руку непріятельскій гусарь — мѣшала ему писать, да и безпрестанные переходы полка, гдѣ онъ служилъ, препятствовали нашей перепискѣ. Сего дня, вечеромъ, онъ получилъ приказъ — ѣхать лечиться, и возвратишься въ полкъ тогда шолько, какъ совершенно выздоровѣешь. Завтра отправишься онъ сюда, и сядешь въ дорожную коляску, получишь дипломъ на чинъ Капшана.» — Но, милая Ангелика — сказала Вероника съ удивленіемъ — какъ же ты все это знаешь? — «Не смѣйся надо мною, милый другъ,» отвѣчала ей подруга, «да ты и не посмѣешь смѣяться, иди стѣрый чловѣчекъ, съ пауковыми ногами, опять останешь пугать себя... Послушай: не лъзя же намъ не вѣришь никому шайншвеннымъ вещамъ, если онѣ шакъ явы, шакъ явы... ну! скорѣе можно не вѣришь, что шеперь день, недели шому, ишо ешь, въ природѣ много скришнаго, шайншвеннаго! Особливо, никогда не казалось мнѣ ни страннымъ, ни невѣроятнымъ, что ешь люди, одаренные особенною способностію знать сверхъестественное, и проникающіе въ скрышныя для другихъ шайны духовнаго міра... Право, я не умѣю шевъ объяснить эшого, но вонъ что: въ нашемъ городѣ живешъ шеперь старушка,

обладающая удивительнымъ даромъ. Она не предвѣщаетъ ничего, какъ другія ворожеи, на картахъ, на шопленомъ свинцѣ, на кофейной гущѣ; но, посредствомъ какихъ-то спиранныхъ заклинаній, при томъ чловѣкѣ, который загадывается — вдругъ увидишь у нея, въ спальномъ зеркалѣ, гладкомъ, какъ стекло — спиранныя фигуры и рожи, и спарушка все себя изъяснить, и будешь отвѣчать на всѣ вопросы. Я была у нея вчера, вечеромъ, и отъ нея узнала всѣ подробности о моемъ Викпорѣ; я вѣрю всему этому, совершенно вѣрю, и меня никто не разувтрянитъ!» — Пока рассказывала подруга, въ головѣ Вероники пролетѣла мысль: сходишь къ ворожеѣ, и узнаешь отъ нея будущую свою участь. Выспросишь всѣ подробности у Ангелики, она узнала, чѣмъ спарушку-ворожею называюшь Г-жа Рауеръ; что она живетъ въ дальней улицѣ, за Эльбскими воротами; что ее можно видѣть только по-Винорникамъ, Средамъ и Пяшницамъ; что въ эти дни она всегда бываетъ дома, съ семи часовъ вечера до восхождения солнца, и что tonight, кто хочешь загадываешь, долженъ придти къ ней одинъ.

Тогда была именно *Среда*, и Вероника рѣшилась, подъ предлогомъ провожанья дѣвицъ Осперъ, идти къ ворожеѣ. Задумано, сдѣлано. Едва прошла она подлѣ Эльбскаго моста съ подругами — онѣ жили въ Нейшадштѣ — какъ быстрымъ

ми шагами перенла за Эльбскія ворота, и вскорѣ вошла въ опдаленную, узкую улицу, въ концѣ которой издали видѣтъ былъ красный домикъ — жилище старушки Рауеръ. Вероника не могла не почувствовать, что у нея духъ захватило, и что ей съдѣлалось смрашно, когда она оступилась подлѣ дверей домика. Но, побѣдивъ страхъ и отъвращеніе, она дернула звонокъ; дверь отворилась, и въ темномъ переходѣ, отуплю, Вероника прихонько спала искашь лестницы, ведущей на верхъ, припоминая все, что рассказывала ей о положеніи компанъ Ангелика. «Не здѣсь-ли живеть госпожа Рауеръ?» вскричала наконецъ она, громко; не вида ни кого, кто-бы вышелъ къ ней на встрѣчу. Въ это отъвѣта послышалось продолжительное, громкое мяуканье, и Вероника увидѣла большаго, чернаго котка: согнувъ дугою спину, и извивая волнами хвостъ, онъ важно шелъ впереди, до дверей комнаты, которыя расшворились отъ вѣтраго его мяуканья. — «Ахъ! дитя мое! ты уже здѣсь; добро пожаловать; войди-же, войди!» Сія слова произнесла женская фигура, подходя къ Вероникѣ. Но бѣдная Вероника стояла, какъ будто окаменѣлая, разсматривъ эту хозяйку дома, сухощавую, длинную старуху, окушанную черными лоскущьями. Когда уродливое созданіе это начинало говорить, то ея завоспрившійся, къ верху подняшой подбородокъ,

ощипленный сверху крючковатымъ, помято какъ у попугая носомъ, шевелился, и превращалъ улыбку ея въ какое-то ошвращительное кривлянье, а конзачьи глаза ея сверкали и брызгали искрами сквозь огромныя очки. Изъ подъ песпратго лоскуша, кошормиъ голова колдуньи была обвернуша, порчали клоки черныхъ волосовъ, прямыхъ, щепинистыхъ, подобныхъ гривѣ дикой лошади. Но что всего страшнѣе казалось, и дѣлало лицо спарухи чѣмъ-то ошвращительнымъ — это были два широкія ясна ошъ обжоги, переходившя ошъ лѣвой щеки, черезъ носъ, къ правому глазу. Вероника шакъ была испугана, что хотѣла вскричать ошъ спраху, и не могла. Глубокій вздохъ, вмѣсто крика, обдегидъ ея спѣсенную грудь, когда колдунья взяла ея руку своею кошпавою рукою, и ввела Веронику въ комнашу. Въ этой комнашѣ все двигалось, все прыгало и шевелилось; ошъ мяуканья, кваканья, цшщанья, мычанья, голова шда кругомъ! Спаруха ударила кулакомъ по сполу, и громко закричала: «Молчашь, мерзавцы!» И вопшь обезьяна вскарабкалась на верхъ кровати, свинья убѣжала подъ печку, воронъ сѣлъ на зеркало; цолько чернѣй большой кошъ, проводникъ Вероники, какъ будшо приказаніе совсѣмъ до него не касалось, спокойно мурчалъ, лежа въ огромныхъ, старинныхъ креслахъ, кошорми завадѣлъ при самомъ входѣ своемъ въ комнашу.

Когда все замолкло; Вероника ободрилась. Ей и не такъ спрашно было въ комнатѣ, какъ спрашно было въ пещныхъ сѣняхъ, и сама колдунья казалась ей уже не столь опврашишельною. Она осмѣлилась въ первый разъ обвесми глаза кругомъ по эшому убѣжищу ворожен.

На пополкѣ привѣшены были тучелы всякихъ нечиспыхъ, опврашишельныхъ живопныхъ. Мешпы и какіе-то спранные снаряды и орудія разбросаны были по полу. Въ каминѣ горѣлъ синій огонекъ, изрѣдка выбрасывавшій желпныя искры; при каждой такой искрѣ слышенъ былъ хриплый голось въ прубѣ камина; гадкія лешучія мыши, съ кривляющимися харями, похожими на лица человѣческія, медленно пролепали по комнатѣ; красные огоньки мелькали по спѣнамъ, покрытымъ сажею, и безпреспанно раздавались пронзительные, жалобные вопли. Вероника, испуганная снова, молчала. «Съ вашего позволенія, сударыня!» проворчала спаруха, усмѣхаясь: она взяла большую мешпу, обмочила ее въ мѣднй кошель, и начала меспи въ каминѣ.

Огонь пошухъ, комната наполнилась дымомъ, густой мракъ покрылъ всѣ предметы. Спаруха ушла въ другую комнату, и возвратилась съ зажженною свѣчею. Вероника не видала уже ни звѣрей, ни чудовищъ, ни менль: она очутилась въ чердакѣ, самомъ обыкновенномъ, и бѣд-

но убраннымъ. Спаруха приблизилась къ ней, и пискливымъ голосомъ проговорила: «Знаю, чего ты хочешь отъ меня, дитя мое, и бьюсь объ закладъ, что ты желаешь знать: женишься ли на шебѣ Ансельмъ, когда будетъ Совѣшникомъ?» — Изумленная Вероника вдрогнула, а спаруха продолжала, какъ будто ничего не замѣчая: «Ты все уже высказала мнѣ въ домѣ своего напеньки, когда кофейникъ стоялъ передъ побою на сполѣ, пошому, что эшошь кофейникъ былъ — я, да, я! Неужели ты меня не узнала? Послушай меня, дочь моя, послушай меня: брось эшого Ансельма — онъ негодяй; пущь мычется, гдѣ хочеть! Онъ ходилъ по рожицамъ милыхъ моихъ дѣтокъ, яблочковъ краснощекихъ, которые выскакивають изъ кармана у шого, кшо ихъ купишь, и снова канятся въ мою корзину. Онъ за одно пеперь съ негодяемъ-спарикомъ, Архивариусомъ; вчера онъ плеснулъ мнѣ въ лицо своего проклятаго еосшавы — да, да, я чуть не ослѣпла: смопри, какъ онъ обжегъ мнѣ лицо! Брось его, дочь моя! Пущь мычется, гдѣ хочеть! Онъ шебя не любить: онъ влюбленъ въ золошую ящерицу; онъ никогда не будетъ Совѣшникомъ, пошому, что добиваешься въ родню саламандрамъ, и хочеть женишься на золошой ящерицѣ. Оставь его, дочь моя, оставь — пущь мыкается, гдѣ ему угодно!»

Въ характерѣ Вероники не было недостатка въ пивердоспи, и она умѣла побѣждать женскую робоспъ, когда это было надобно. Вероника опспушила на шагъ опспъ спарухи, и пивердимъ голосомъ душевной увѣренности сказала ей: «Сударыня! мнѣ много наговорили о томъ, что вы можете предвидѣть будущее. Слишкомъ была я любопытна, и слишкомъ попоронила спридши къ вамъ, можете бытъ, когда мнѣ хотѣлось узнать: почно-ли Ансельмъ, кошораго я люблю и уважаю, будешь мой. Кажется, что вы почно знаете всѣ сокровенныя мысли, и могли-бы облегчить мое сердце опспъ многого; но послѣ смѣшныхъ клеветъ вашихъ на добраго Ансельма — прощайте! Я ничего не хочу опспъ васъ слышать!» . . .

Вероника хотѣла идти; но вдругъ спаруха бросилась передъ нею на колѣна, заплакала, зарыдала, и спаралась удержатъ Веронику за платье. «Дитя мое, Вероника!» сказала спаруха, «уже-ли ты не узнаешь меня, спарой Лизы, которая сполько разъ, нашивала себя на рукахъ, ласкала и любила такъ сильно?» Вероника едва вѣрила глазамъ своимъ. Не смотря на спароспъ и обожженное лицо, она почно узнала свою спарую нянюку, кошораю, много лѣтъ тому, неизвѣстно куда, скрылась изъ дома Ректора Паульманна. Вглядываясь болѣе, Вероника увидѣла, что одежда спарухи была совсѣмъ

не такова, какъ ей сначала показалось: вмѣсто гадкаго лоскута, на головѣ ея былъ простой спарушій чепчикъ, а вмѣсто черныхъ лоскушьевъ, большая юбка, съ огромными черными разводами. Словомъ: спаруха явилась точно такою, какова бывала она прежде, когда жила нянькою въ домѣ Рекшора. Она встала, обняла Веронику, и ласково сказала ей: «Все, что говорила я тебѣ, дитя мое, можетъ показаться нелѣпо, но однакожь все это сущая правда. Твой Ансельмъ много надѣлалъ мнѣ зла, хопя и по неволь. Видишь: онъ теперь въ рукахъ Архиваріуса Линдгорста, котораго спаруется женишь его на своей дочери. Архиваріусъ эпошъ — мой спрашннй непріатель; я могла-бы тебѣ разска-зашъ много кое-чего, да ты не поймешь, а если поймешь, то испугаешься. Онъ умнѣ, и я умна, и пошому-по, можешъ бышь... Но, довольно... Вижу, что ты любишь Ансельма, и охотно гошова помогаешъ тебѣ: все, что въ моихъ силахъ, все сдѣлаю, чтобы Ансельмъ на тебѣ женился, и былъ счастливъ съ тобою, какъ ты эпого желаешъ.» . .

— Но, скажи мнѣ, ради Бога, Лиза... — «Тише, дитя мое, тише!» отвѣчала спаруха. «Знаю, что ты хочешъ у меня спросишь: я сдѣлалась цѣмъ, что есть, пошому, что такъ было надобно, и иначе бытъ не могло. Но обратимся къ прежнему. Есть у меня одно средство

вылечить Ансельма отъ глупой любви его къ золотой ящерицѣ , сдѣлавъ изъ него самаго милаго Тайнаго Совѣтника , и привесши его въ швой объятія... Но шуть необходима мнѣ швая помощь...» — Говори , говори скорѣе , Лиза! Я все сдѣлаю , все . . . я очень люблю Ансельма — пробормошала Вероника , едва вняшнымъ голосомъ . « О , я помню , что ты всегда была самымъ безспрашнымъ ребенкомъ , » сказала спаруха . « Бывало , когда не спишь ты , то , какъ хочешь пугай себя домовыми и кикиморами — все понапрасну : ты нарочно , бывало , раскрываешь глазки , чтобы ихъ увидѣшь ; безъ свѣчи хаживала ты въ шемныя комнашы , и часпго , бывало , надѣнешь пудерманшель папенъки , и давай пугать другихъ мершвецами ! Но поговоримъ о прежнемъ : если ты рѣшишельно хочешь побѣдишь , съ моею помощію , Архивариуса Линдгоршпа и его золотую ящерицу , если ты непременно хочешь , чтобы Ансельмъ сдѣлался Тайнымъ Совѣтникомъ и обвѣнчался съ шобою , то — уйди шихонько изъ дома , въ ночь слѣдующаго равноденствія , въ одиннадцать часовъ , непременно , и приходи ко мнѣ . Я пойду съ шобою на перекрестокъ , что при большой дороге , вопъ недалеко отсюда ; мы пригошовимъ все что надобно... а если ты при этомъ увидишь . . . шакъ , что нибудь немножко спранное . . . что за бѣда ? Только не робѣй ! Но

Июль 1831.

4

тебѣ пора, души мое! Папенька ждетъ тебя ужинашь.»

Вероника опсправилась скорѣе домой, швердо рѣшившись придти на свиданіе со спарухой, въ ночь равноденшвія. «Спарая Лиза правду говоришь,» думала Вероника. «Ансельмъ почно въ спранномъ положеніи: золошая ящерица запушала его въ свои сѣпи — но я вырву изъ нихъ Ансельма! Онъ будетъ мой, почно будетъ мой, и *Господинъ Тайный Совѣтникъ* припомъ, а я — *Госпожа Тайная Совѣтница!*»

Наконецъ, Рекпоръ Паульманнъ докурилъ и выколопилъ свою шрубку. «Кажется, что уж и спать пора» сказалъ онъ. — Давно пора, папенька — опшѣчала Вероника, бывшая въ большомъ замѣшательствѣ, опъ шого, что опецъ ея еще не ложился спать, хотя пробило уже десяшь часовъ. Едва Рекпоръ Паульманнъ удалился въ свой кабинетъ, служившій ему и вмѣсто спальни, едва легкое храпѣнье Фанни показало, что она заснула, Вероника, принужденная раздѣшья и лечь, чтобы не подашь никакого подозрѣнія, шихонько вспала, одѣлась, накинула на себя легкую епанечку, и на цыпочкахъ вышла изъ дома.

Съ шѣхъ поръ, какъ Вероника разспалась съ спарою Лизою, она шѣлько и видѣла Ансель-

ма, и сама не понимала, какой пайный голосъ швердилъ ей безпреспанно, что странное обращеніе его происходило почно поневолю; что враждебная Вероникѣ особа держала Ансельма въ цѣпяхъ; что эти цѣпи можно разорвать Вероникѣ, если она призоветъ на помощь волшебство, съ его шайншвенными, всемогущими средствами. Довѣренность ея къ старой Лизѣ умножалась съ каждымъ днемъ; мало по малу ослабѣвали впечатлѣнія ужаса и опирающія, и пайное сношеніе съ старухою-колдуньею спало казаться ей только подъ романическимъ покрываломъ чего-то необыкновеннаго, что дѣлало его шѣмъ болѣе увлекательнымъ. Впрочемъ, пренебечь всѣми опасностями она рѣшилась непремѣнно и швердо, и если-бы даже опшущивіе ея изъ дома было замѣчено, она гошова была выперпѣть всѣ непріяшнія послѣдствія, только непремѣнно хопѣлось ей попышаться на шайншвенное волшебство, ошъ котораго зависѣло все ея счастье.

Наспала наконецъ, давно ожидаемая, ночь равноденствія, ночь роковая, въ которую старая Лиза обѣщала Вероникѣ помощь и ушѣшеніе. При наспуленіи этой рѣшимельной ночи, Вероника, издавна привыкшая къ мысли о своей ночной прогулкѣ, чувствовала совершенную бодрость. Мы уже видѣли, какъ докурить

д*

спрубку Рекшоръ Паульманнъ , какъ уснула Фанни , какъ ушла изъ дома Вероника . Быстро , подобне спрѣлѣ , пролетѣла она по опустѣлымъ улицамъ , не думая о вѣспрѣ , свиспѣвшемъ надъ ея головою , и крупныхъ капляхъ дождя , падавшихъ на ея лицо . Колоколь сосѣдней башни ударилъ одиннадцать часовъ , и еще раздавался въ воздухѣ глухой звонъ его , когда Вероника , измокшая подѣ дождемъ , спукнула въ дверь краснаго домика ворожей . « Какъ ! ты уже здѣсь ? Ты уже пришла , моя крошечка ? Подожди , подожди : сей часъ иду ! » проговорилъ голосъ съ чердака , и черезъ нѣсколько минушь , колдунья , съ корзинкою на рукѣ , и въ сопровожденіи большаго , чернаго коша своего , явилась въ дверяхъ . « Ну , пойдѣмъ , сдѣлаемъ все что намъ надобно — прекрасная , благопріятная ночь ! » Говоря сіи слова , спаруха взяла холодною своею рукою руку пренещущей Вероники , и опдала ей свою корзинку ; сама она пашила копликъ , преногъ и засшупъ . Едва наши спранницы вышли въ поле , дождь переспалъ , но вѣшерь усилился . Казалось , что тысячи голосовъ перекликались въ воздухѣ , и дикое , раздирающее спенаніе слешало съ облаковъ , шемныхъ и черныхъ , свивавшихся клубами въ быстромъ бѣгѣ , и заспилавшихъ мракомъ всѣ окрестности . Но спаруха шла швердыми , скорыми шагами , и кричала пѣпшымъ голосомъ : « Посвѣши , по-

свѣши намъ , малюшка!» И вопъ скреслились и зазмѣились передъ ними синенькіе огоньки по дорогѣ. Вероника замѣшила , что это были огненные искры : онѣ сыпались изъ чернаго коша, копорый свѣшилъ спарухѣ, прыгая самымъ уродливымъ образомъ поперегъ и вдоль дороги. Онъ мяукалъ ужаснымъ голосомъ, едва шолько перескавала свисаешь и завываешь буря. Вероника съ прудомъ могла дышаешь: ей казалось, какъ будто ледяная рука шаритъ у нея въ сердцѣ... Но , сдѣлавъ особенное усиліе надъ собою , и крѣпче прижавшись къ спарухѣ , она громко сказала : « Будь , что будетъ — надобно кончить наше дѣло!» — Вопъ , что называешься, умно сказано! ошвѣчала спаруха. — Не робѣй, дитя мое! будь все такъ безстрашна , какъ пенерь , и я подарю тебѣ что-то хорошенькое , а Ансельма въ добавокъ !

Наконецъ спаруха оспановилась. « Ну! вопъ мы и пришли!» сказала она. Взявъ свой зашупъ , вырыла она маленькую ямку , бросила шуда угольевъ , посшавила на нихъ шреногъ , а на шреногъ копликъ. Все это было сопровождено шешаньемъ и шшранными кривляньями. Кошъ безпрестанно ходилъ вокругъ ворожей , и искры , сверкашя изъ его хвоста , очерчивали огненный кругъ. Вопъ начали уголья разгараешь , краснѣшь , и — синее пламя бле-

случило наконецъ подѣ копликомъ! Надобно было Вероникѣ сбросить свою епанетку, свое покрывало, и присѣсть подлѣ колдуньи, которая, согнувшись, на колѣняхъ, крѣпко держала ея руки въ своихъ рукахъ, и глядѣла на нее горящими глазами. Тупыя чудныя снадобья и зелья, вынутыя спарухой изъ корзины и брошенныя въ копликъ — что это такое было: цвѣты, мешаллы, расшенія, живошныя? не лзя было различить!.. — начали кипѣть и шипѣть. Колдунья выпустила руки Вероники, схватила желѣзный ковшикъ, начала сильно мѣшашъ въ копликъ горячія зелья, когда въ тоже время, по ея велѣнію, Вероника должна была приспальнично глядѣть въ копликъ и думать объ Ансельмѣ. Вдругъ спаруха кинула ковшикъ, схватила какіе-то мешаллы, пучъ волосовъ Вероники, срѣзанный на макушкѣ ея головы, маленькое колечко, которое издавна носила она на мизинцѣ, и все это бросила въ копликъ, приговаривая громкимъ, визгливымъ, пронзительнымъ голосомъ какія-то слова, ужасно раздававшіяся во мракѣ и безмолвіи ночи, когда между тѣмъ черный кошъ, мяуча и мырлуча безпрестанно, бѣгалъ около, и искрами въ быспромъ бѣгѣ своимъ описывалъ огненный кругъ.

Желалъ-бы я, благосклонный чашапель, чтобы ты пушешествовалъ по Саксоніи, и двадцать *третьяго Сентября* именно, былъ на до-

рогъ въ Дрезденъ. Напрасно , при наступленіи ночи , старающа удержашъ тебя на послѣдней станціи къ Дрездену. Хозяинъ , услужливый , предупредительный , представляетъ тебѣ , что на дворъ спрашная буря и дождь льешъ ливнемъ , и что вообще безразсудно отваживашся на дорогу въ ночь равноденствія. Ты ничего слышашъ не хочешъ , и всѣ разсужденія опровергаешъ однимъ : « Лошадей , скорѣ лошадей ! Дамъ польшалера на водку , если почпальонъ привезешъ меня часомъ прежде полуночи въ Дрезденъ , гдѣ подъ вывѣскою *Золотаго Ангела* , или *Шлема* , или *Города Наумбурга* , ждетъ меня славный ужинъ и хорошая поспеля ! » Ты поѣхалъ , и между пѣмъ , какъ ты путешествуешъ во мракъ ночи , вдругъ — вдали мелькаешъ дрожащій , спранный огонекъ. Подъѣхавъ ближе , ты видишь огненный кругъ , среди кошораго замѣчашъ двѣ фягуры , подлѣ какого-шо копла , откуда валитъ спрашный паръ , и , по временамъ , проблескиваюшъ красные огоньки , и лешашъ штысячи искръ. Вправо отъ огня швоя дорога ; но лошади ржущъ , бѣяшся , упираюшся , бьющъ копытами — почпальонъ молишся и бранишся , хлещешъ бичемъ — лошади уперлись , и ни шагу впередъ ! Тушъ , неволью , ты выпрыгивашъ изъ коляски и смотришъ. Что-же ?

Ты видишь , молодую , прелешную дѣвушку , въ ночной , бѣлой , легкой одеждѣ. Она наклони-

лась къ огню; вѣшеръ разбилъ ея локоны, и длинныя, темныя волосы ея вьющя по волѣ вѣшра. Милое лицо ея освѣщено огненными искрами и огоньками, лепящими изъ подъ пренога; но — оледенѣлая опъ ужаса, она блѣдна, какъ привидѣніе, и въ ея неподвижныхъ глазахъ, ея подносящихъ рѣеницахъ, на ея прелесшномъ ропикѣ, изъ котораго напрасно хочешъ вырваться крикъ опчаянія сердечнаго — шы чышаешъ ея спрахъ, ея ужась... Судорожно подняла она свои милья, маленькія ручки, какъ будшо умоляя своего Ангела-Хранишеля защишишь опъ чудовищъ, гошовыхъ окружишь ея адскими привидѣніями, при вызовѣ ихъ, неизбѣжномъ и ужасномъ... Такъ увидишь шы эшу прелесшную дѣвшушку, на колѣняхъ, и неподвижную, подобно спашуѣ!

Прошивъ нея, скрючивши спину, сидишь длинная, сухощавая спаруха, съ рожею мѣднаго цвѣпа, крючковашимъ носомъ, кошачьими, блестящими глазами, въ черной епанчѣ, опкинушой назадъ, изъ подъ кошорой видны двѣ голыя, костлявыя руки... Она мѣшаешъ ковшикомъ чершовскую похлебку, и свистѣ вѣшра смѣшиваешся съ ея пронзительными воплями и громкимъ хохощаньемъ....

Я увѣренъ, благосклонный чышашель, что если бы шы до тѣхъ поръ не знавалъ спраха, шо —

въ эшомъ я совершенно увѣренъ , и говорю рѣшительно — при взглядѣ на шакую карпину, въ родѣ Рембрандша, или *адскаго* Брейгеля (*), но живую и движущуюся, волосы спали-бы дѣбомъ на головѣ швоей! Но взоръ швой не могъ бы ни коимъ образомъ опорваться ошъ милой дѣвушки, заняшой шакимъ дьявольскимъ вареньемъ, и элешприческое сопрясеніе въ швоихъ фибрахъ и нервахъ, съ быспропою молніи зажгло-бы въ шебѣ смѣлую мысль: не бояшся силы шаиншвенныхъ сущесшвъ, находящихся въ огненномъ, волшебномъ кругѣ! Въ эшой мысли уничтожился-бы швой страхъ, или, лучше сказашъ, мысль эша родилась-бы въ груди швоей ошъ страха, и ему одолжена была своимъ началомъ. Ты самъ себѣ показался-бы однимъ изъ шѣхъ благошворныхъ духовъ — покровишелей, копорыхъ молишъ о спасеніи погибающая дѣвушка, милая и прелесшная, и шы подумалъ-бы шогда, что ничего лучше не лзя сдѣлашъ, какъ выхвашшь изъ кармана свой дорожный писполешъ, и, безъ дальнѣйшихъ обрядовъ — убишь на мѣстѣ прокляшую шаруху-вѣдъму!

(*) Пешръ Брейгель былъ младшій сынъ *стараво* Пешра Брейгеля, и брашъ Ивана Брейгеля, прозваннаго: *аршатный*. Обыкновенные предметы карпинъ его были пожары, драки, ворожба, привидѣнія. Ошъ шого назвали его *адскимъ*, для оплачія ошъ ошца и брата. *Пер*.

Но въ поже время, благосклонный чипашель, какъ ты все эшо думаешь, ты кричишь громко: «Эй! кто тутъ?» или — «Что вы тутъ дѣлаете?» или — «Эй! что тамъ такое?». . . Почпальонъ громко прубишь въ свой почповой рожекъ — шаруха вскакиваетъ... шрръ!.. Она прыгнула въ кошель — страшный дымъ, паръ, и — все исчезло, все улешло! Не смѣю увѣрять, благосклонный чипашель, чшобы въ молодой ворожеѣ узналъ ты именно шу дѣвушку, кошпорую шакъ давно ласкалъ въ мечпахъ своихъ; но ты уничтожилъ-бы очарованіе шарой колдуньи, и разрушилъ волшебный кругъ, въ кошпорый, по своей волѣ, вспушила неоспорожная Вероника!

Но, ни ты, мой чипашель, и никшо другой, ни пѣшкомъ, ни въ коляскѣ, не явился на *Дрезденской дорогѣ, двадцать третьяго Сентября, въ полногъ равноденствія*, споль благопріятную для колдовства, и надобно было, чшобы Вероника, умирая ошъ спраха, ждала подлѣ колдовскаго кошлика, пока ворожба совсѣмъ будешъ кончена. Она вняшно слышала спенанія и вопли вокругъ себя; она различала штысячи голосовъ, рычавшихъ и щибавшихъ вокругъ нея, но не подымала глазъ, попому, чшо чувспвовала, какъ ужасныя, спрашныя привидѣнія могли при одномъ взглядѣ навсегда лишить ея разсудка. Шаруха переспала мѣшашъ въ кошликѣ; паръ

бѣсовской похлебки спановилея прозрачѣе, и, наконецъ, на днѣ кошлика угнѣздилаея шолько легкій, пріятный огонекъ.

«Вероника, дѣша мое!» вскричала спаруха, «гляди, гляди шуда; чшо ты видишь?» Но Вероника не могла опвѣчать: ей казалось, что спранныя какія-шо привидѣнія вылепали изъ кошлика и вершѣлись кругомъ. Но вопъ они яснѣе, яснѣе, образушъ какую-шо фигуру, и вдругъ, съ самага дна кошлика — выходишъ Ансельмъ, улыбаеися, и пропягиваетъ къ Вероникѣ руку. — «Ахъ! Ансельмъ!» вскричала Вероника — «Ансельмъ!». . . и спаруха быспро повернула носокъ кошлика: расшопленный мешаллъ полился опшуда, клокоча и кипя, въ форму, копорую колдунья заранѣе посшавила на землѣ. Тушъ вскочила спаруха, и, кривляеся, коверкаеся, закричала: «Кончено!.. Спасибо, малюшка! спасибо: ты славно спорожилъ!» — Мрръ, мрръ! — «Идушъ?» — Мрръ, мрръ! — «Кусай ихъ, царапай ихъ! Хорошеёшко!» — Казалось, что весь воздухъ поколебался — шакъ пахнуло холодомъ, какъ будшо безмѣрный орелъ лешѣлъ съ неба и махалъ спрашными крыльями... Раздался спрашный голось: «А! а!» — Кончено! — «А! онѣ здѣсь!» — Кончено, ко...о...нче...е... но!... заревѣла спаруха, и упала лицомъ къ землѣ... Вероника пошеряла чувшва.

Когда она опомнилась — было уже свѣтло; она лежала на своей постелѣ, и Фанни стояла передъ нею, съ чашкою горячаго чая въ рукѣ. «Что съ тобой сдѣлалось, сесприца?» говорила Фанни. «Вошь ужь болѣе часа я спую подлѣ себя, а ты какъ будшо въ горячкѣ — мещешься, плачешь, вздыхаешь, шакъ, что всѣ мы перепугались. Папенька не пошелъ въ классъ сегодня, и пошчасъ возвратишься съ господиномъ Докторомъ.»

Молча взяла Вероника чашку чаю. Но между шѣмъ, какъ она пила его, спрашныя чудища прошедшей ночи мелькали передъ ея глазами. «И шакъ эшо былъ шолько сонъ: домовою мучилъ меня всю ночь?» думала Вероника. «Но вчера, вечеромъ, развѣ не на яву пошла я къ спарухѣ? Вѣдь вчера было двадцашь шрешье Сентября? Нѣшъ, нѣшъ! Видно, что вчера я была уже больна, бредила, и мнѣ все эшо пригрезилось... Я больна, ошъ шого, что безпрешанно думала объ Ансельмѣ, и объ этой непоняшной спарухѣ, кошорая выдала мнѣ себя за бѣдную няньку мою Лизу, и смѣялась надо мною.» . .

Фанни вышла въ эшо время, и возвратилась, держа въ рукахъ Вероникину епанечку. Эша епанечка была мокрехонька! «Посмошри-ка, сесприца,» сказала Фанни — «вѣшерь ночью ошворилъ,

видно, окошко, и опрокинулъ спуль, на копоромъ висѣла швоя епанечка : ее , бѣдняжку , всю вымочило.» — Спрахъ какъ грустно сдѣлалось тогда Вероникѣ : она видѣла , что не пустой сонъ мучилъ ее ; что въ самомъ дѣлѣ врожала она въ полѣ , съ колдуньей . Ужасъ пробѣжалъ по ея жиламъ , и холодъ , какъ въ лихорадкѣ , заставилъ ее дрожать . Трепеща , закупалась она въ одѣяло , и... въ эту минушу почувствовала на груди что-то жесткое . Она прощянула руку , думая , что это медальонъ... нѣтъ! — Фанни понесла въ эту минушу епанечку изъ комнаты , а Вероника раскрыла одѣяло : въ рукѣ ея было маленькое , спальное , гладко выполирированное , круглое зеркальце ! — «Такъ вопъ подарокъ спарухи!» невольно вскричала Вероника . Ей казалось , что зеркальце сверкало молніями , пролепавшими въ ея сердце — и ей сдѣлалось такъ легко , такъ хорошо ; лихорадка перестала бить ее ; неизяснимое чувство счастья заступило мѣсто болѣзни . Надобно было подумашъ объ Ансельмѣ , чтобы видѣшь его въ зеркалѣ , и тогда какъ Вероника собирала всѣ мысли свои къ его воспоминанію — Ансельмъ , Ансельмъ появился въ зеркалѣ , какъ будто въ миніашюрномъ поршрешѣ , и ласково улыбался ! И вопъ — это уже не поршрешъ его... Нѣтъ ! нѣтъ ! Это Ансельмъ , самъ Ансельмъ!...

Онъ сидишь за споломъ , въ огромной , спран-

но-убранной комнашѣ, и пишеть прилежно. Вероника хочеть къ нему приблизиться, ударить его по плечу, сказасть ему: «Господинъ Ансельмъ! Посмотрише на меня — я здѣсь!» Но эшо невозможно: блестящая, огненная рѣка окружаеть Ансельма. Вероника вглядываепся — эшо не рѣка, а множество преогромныхъ книгъ, съ золошымъ обрѣзомъ. Ей удалось наконецъ привлечь на себя вниманіе Ансельма. Казалось, что сначала ему надобно было долго всмашривагься, пока онъ узналъ ее. Наконецъ, онъ улыбаепся, и говоришь: «Какъ! Эшо вы, милая Вероника? Но, скажише, что вамъ за мысль являгься мнѣ иногда въ видѣ миленькой ящерицы?» — При эшихъ словахъ, Вероника не могла не захохошашъ громко... Она какъ будшо пробудилась опъ глубокаго сна, и поспѣшила спряшашъ волшебное зеркальце, попому что дверь въ комнашу ошворилась. Рекшоръ Паульманнъ вошелъ съ преважнымъ видомъ; за нимъ, съ видомъ еще болѣе угрюмымъ и важнымъ, слѣдовалъ Докторъ фонъ-Экшшейнъ. Докторъ подошелъ къ кровати Вероники; долго, съ миною глубоко-размышляющаго челоувѣка, держалъ ее руку, щупая пульсъ Вероники, и наконецъ сказаль: «Хмъ! хмъ!» — Не говоря болѣе ни слова, написалъ онъ рецешпъ, снова пощупалъ пульсъ, въ другой разъ сказаль: «Хмъ, хмъ!» и ушелъ изъ комнашы. «Но изъ его хмъ, хмъ,»

подумалъ Ректоръ Паульманнъ , « какъ-же мнѣ узнашь , чѣмъ больна моя Вероника ? » — И немедленно отправился онъ разспрашивать подробности у Доктора фонъ-Экштейна.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

въ Англіи до Шекспира, и о Шекспировой Драмѣ.

Если , устранивъ крипику *формъ* , спланемъ разсматривать Поэзію въ ея *сущности* , то увидимъ , что она бываетъ , или *Философическая* , или *Историческая*. Вошь два единственныя , первоначальныя раздѣла , на кошорые можно дѣлить Поэзію. Вѣчно истинную , всеобщую , принадлежащую всѣмъ народамъ и всѣмъ временамъ , *Поэзію Философическую* понимающъ и чувствующъ всѣ люди , и шогда даже , когда родишься она ошь частныхъ нравовъ и носишь на себѣ отпечашокъ особенныхъ мѣстныхъ цвѣшовъ. *Поэзія Историческая* , если шолько она истинна , всегда бываетъ національною , даже и представляя намъ въ своей общности характеръ Философіи , высокой и всеобщей. Безъ эшой *Философіи* — нѣтъ Поэзіи , ни лирической , ни дидактической ; безъ характера *національности* , сильной , владычествующей — не существуешъ Поэзія , ни эпическая , ни драматическая.

Если человекъ гражданинъ міра , шо прежде всего онъ гражданинъ земли , гдѣ онъ родился , и сынъ своей эпохи. Разоблачишь-ли онъ себя ошь природы

человѣческой? Опречется-ли онъ опъ своего роднаго языка? Бесплодными усиліями пытаясь достигнуть источника безконечности, можешь-ли онъ заславивъ людей понимать его, не говоря ихъ языкомъ? Ни въ чье понятіе онъ не проникнешъ; огонь его генія никому не сообщится: онъ *не примется*, какъ говоришь народъ — просто, но выразительно и вѣрно. Ему надобенъ зародышъ, посредствомъ коего мысль его можешь быть пересажена въ умы другихъ. Ему надобно принадлежать къ какой-либо землѣ, и, если можно шакъ выразишься, напишашъ свой геній правами и понятіями, въ сей землѣ царствующими, дабы передать въ усладительной поэзій то, что онъ получилъ въ чувствахъ и въ идеяхъ: вѣчный законъ земли, освященный закономъ неба!

Но, чтобы достойно исполнишь долгъ, ему назначенный, Человѣкъ долженъ раздвинуть свой взоръ далѣ сего шѣснаго обзора. Да будешь онъ человѣкъ своей земли и своего вѣка: прекрасно отечество; всѣ благородныя сердца горячо его любятъ; сладостныя отношенія семейственныя, прахъ отцовъ, узы, связующія насъ съ шѣми, которые росли подлѣ насъ, все, что разцвѣчаетъ жизнь и очаровываетъ земной жребій человѣка, все соединено на родной землѣ его. Но забудешь-ли онъ, что онъ *Человѣкъ, Христіанинъ*? Будешь-ли онъ только *Французомъ, Испанцемъ, Рускимъ*? Эшо значило-бы заключить жребій свой въ кругъ шѣсный и бѣдный. Каковъ-бы ни былъ частный опшѣнокъ характера, предписываемаго намъ міромъ — Человѣчеству принадлежать высшія обязанности для выполнения, ему предназначена цѣль болѣ высокая!

Первобытная Поэзія была не мѣстной, но всеобщей. Поэтъ вдругъ созерцалъ небо и землю, какъ двойное свое отечество : онъ видѣлъ въ нихъ символъ *отца и матери* ; таинственный бракъ , въ смыслѣ физическомъ и духовномъ ; наконецъ смотрѣлъ на рожденіе *человѣка* , какъ на плодъ сего первобытнаго союза. Человѣка означали только прилагательными, и Богъ былъ обожаемъ подъ образомъ Природы, его творенія (*). Таковъ былъ духъ вѣрованій, физическихъ и метафизическихъ, который внушалъ духовные гимны, славившіе *Міротвореніе* (коемогонію), и надъ коими таинственники избранные возвышали пѣсни *Богорожденія* (еогоніи). За тѣмъ услышаны были другія пѣснопѣнія, въ коихъ соединялся характеръ духовнаго съ эпическимъ : сраженія Тишановъ съ богами, войны боговъ, исторія перваго человѣка, предвѣщанія будущей судьбы его, и, въ безчисленныхъ формахъ, все то, что находимъ мы въ древнихъ писаніяхъ Востока.

Ошпечатокъ сего генія носятъ на себѣ всѣ мифы, всѣ (мнимо) священные басни и преданія древнѣйшихъ народовъ міра.

Поэзіи *космогонической* и *еогонической* наследовала поэзія *дидактическая*-собственно — не та холодная и ученая поэзія, которую видимъ въ язы-

(*) Авторъ разумѣетъ здѣсь ходъ языческихъ понятій, когда человѣкъ не былъ еще освященъ Откровеніемъ. Далѣе это поясняется. *Пер.*

сканныхъ поэтахъ Александрійской школы, ко-
рой умно подражалъ *Виргилій*, и которую до смѣ-
шнаго довели новѣйшіе поэты, но древнія творе-
нія *Парменидовъ*, *Эмпедокловъ* и *Гезіодовъ*. Сія за-
коноположенія въ стихахъ, ошъ временъ вѣхой
Индіи, самыхъ опдаленныхъ, достигли до насъ, и
первый образецъ ихъ находимъ въ швореніи *Ману*.
Созданія сей поэзіи *Дидакшической*, все еще подъ
оппечашкомъ первобышной жреческой духовности,
вмѣщали въ себѣ сокровища первоначальнаго зако-
новѣднія, плоды первой разработкы ума человѣче-
скаго, религіозной и промышленной, первыя нача-
ла *Полишики*, общественности, *Мешафизики* и *Фи-
лософіи*.

Никогда не теряя характера *философической*
всеобщности, поэзія *Дидакшической*, болѣе или ме-
нѣе, удалялась однакожь ошъ ссей всеобщности,
принимая характеры національностей частныхъ.

Пѣснопѣнія *Лирическія*, въ формахъ безчисленныхъ,
всегда служили для выраженія внутреннихъ чув-
ствованій челоуѣка. *Лирическая* Поэзія составля-
етъ среднее между Поэзією *первобытною* и Поэзі-
єю *Историческою*. Чѣмъ далѣе идемъ мы въ древ-
ность, тѣмъ болѣе находимъ всеобщности въ ли-
рическомъ пѣснопѣніи; звуки простаго чувства
сливаются передъ нами въ священные гимны. Ка-
жется, какъ будто люди не могли выразить сво-
ихъ чувствованій и своихъ обѣшовъ безъ непосред-
ственнаго воззванія къ Богу и Природѣ.

Удаляясь ошъ временъ первобытныхъ, и прибли-
жаясь къ вѣкамъ героическимъ, *Лирическая* поэзія

смѣшивается съ *Эпическимъ* разсказомъ. Видишь, подъ тысячью формъ, до безконечности размноженіе романсовъ, кончащесея тѣмъ, что сіи роды Лирической поэзіи шановались совершенно мѣстными и національными. Когда собранія ихъ составляли уже обширную общность, когда весь народъ повсюду уже ихъ — ударили часы начала Эпопеи, являлись Омры: народы видѣли ихъ, приближающихся съ златоспрунными лирами въ рукахъ, свидѣтельствовашъ геній и образованіе своей эпохи.

У всѣхъ народовъ, первобытная Поэзія Историческая основывалась на всеобщности. Къ ней всегда присоединяли, для возвышенія оной, какую-либо общую, духовную идею. На мифологическомъ началѣ всегда, такъ скажешь, замѣшано было повѣствованіе эпическое. Сверхъ смысла Историческаго въ эпическихъ поэмахъ, всегда бывалъ еще въ нихъ глубокой смыслъ таинственно-религіозный. Такими являются намъ Эпопеи Индійцевъ, Персіянъ, Грековъ, Германцевъ. Только ученія Эпопея Александрийскихъ поэшовъ не имѣла сего характера. Виргилій, подражашель ихъ, смѣшалъ съ симъ ложнымъ родомъ Эпопеи величіе вдохновенія своей патристической души, и тѣмъ нѣсколько облагородилъ Музу, холодную и щеголеватую, предъ алшарями кошорой онъ преклонялся.

Драматическая Поэзія, вначалѣ, сближалась съ Поэзією Философическою, первобытною, и съ первоначальною Эпопеею. Мнѣ неоднократно уже случалось излагашъ свое мнѣніе о двоякой формѣ Дра-

матической поэзіи: *Комической* и *Трагической*; отсылаю читателя къ прежнимъ статьямъ (*).

Явно, что *Драматическая Поэзія* относится собственно къ *Исторической Поэзіи*. Но между тѣмъ, болѣе нежели кто нибудь воображаетъ, приближалась она въ началѣ къ Поэзіи *Философической*; доказательства: *Эсхиль*, *Софокль*, даже комедіи *Аристофана*. Подъ формою Хоровъ, формою быстрой, блестящею и народною, Драма дала и *Лирической Поэзіи* одно изъ величественнѣйшихъ ея средствъ. Чѣмъ болѣе древняя Драма заключала въ себя глубины смысла, тѣмъ болѣе принадлежала она къ *шаинственной поэзіи* первыхъ временъ. Уже вслѣдствіе упадка своего начала она изображаетъ *обыкновенную жизнь* въ *Комедіи*, какъ сдѣлалъ это мудрый *Менандръ*, и *Романъ* въ *Трагедіи*, чему нѣжный *Эврипидъ* подалъ примѣръ.

Тысячи ложныхъ направленій, изложенія коихъ не почитаю моею обязанностію, искажали поэзію *Александрійскую*, поэзію-подражательницу. Не болѣе того почитаю нужною трудную обязанность изслѣдовать всѣ подраздѣленія ложныхъ родовъ сей поэзіи, и различія, введенныя въ эту искусственную поэзію *Эпикурейскимъ* образованіемъ древнихъ временъ. Тогда, писавшій широкою кистью и яр-

(*) Мы помѣстили уже въ Телеграфѣ переводы спашей *Экштейна* о *Драматическихъ* твореніяхъ *Гёте*, *Шекспира*, и отдѣльную статью объ *Опелло Шекспировомъ* и *Дюсисовомъ* — сочиненія глубокомысленныя.
Изд. Тел.

ими красками, былъ презираемъ публикою; тысячи мѣлкихъ дарованій посвящали свое время мѣлочной обработкѣ стиховъ, очаровывающей глаза и услаждающей досуги богача — ничтожному достоинству гуаша и миніашюры. Трудъ безплодный, и для Философіи и для Исторіи!

Поэзія Древнихъ основывалась на жреческой Мифологіи, исчезнувшей при лучахъ истинной Религіи. Существованіе ея оставалось, и являлось иногда, но превращенное, или, лучше сказать, преобразованное. Героическія преданія и языческіе догматы Германцевъ и Цельшовъ, переходя изъ поэзіи Языческой въ поэзію Христіанскую, измѣнили свой характеръ. Поэзія новая явилась, и первобытными поэтическія преданія уступили мѣсто преданіямъ Библейскимъ и генію Христіанства.....

Первыя начала Рыцарства, напримѣръ, видимъ въ учрежденіяхъ Одина; поэмы Армориканскихъ и Галльскихъ Бардовъ носятъ на себѣ характеръ шаштвенности, съ тѣхъ поръ, какъ Барды сихъ народовъ узнали Норманновъ, но тѣмъ не менѣе, Рыцарство впоследствии сдѣлалось учрежденіемъ Христіанскимъ, предназначеннымъ возстановить совершенно Храмъ, земной Иерусалимъ, слабый оплебскъ Иерусалима небеснаго....

Все, что въ установленіяхъ Рыцарства имѣло смыслъ языческій, подверглось такимъ образомъ превращенію: ошдаденныя предпріятія, опасныя подвиги, спешени, обряды посвященія, все это не замедлило принять характеръ Христіанства.

Всюду царствовало Христіанство, всюду были его символы и его обязанности: подъ формами идеальными и важными, оно господствовало надъ высшими общества; подъ другими формами, приспособленными къ дѣлу искусствъ механическихъ, оно управляло низшими званіями. Общины гражданъ образовались по его догматамъ.....

Религіозныя и народныя празднества Среднихъ Временъ вѣдрили въ самые корни общественности духъ Христіанства, съ такою дѣятельностію и такимъ могуществомъ, кошорыя бесполезно было-бы описывать, и легко угадать. Но геній образованія, нами изображенный, начиналъ ослабѣвать въ то время, когда первыя драматическія увеселенія положили начало *новѣйшей Драмы*. Укажемъ на причины сей перемѣны.

Въ XIV столѣтіи, Европа видѣла медленно угасавшій духъ Рыцарства; сто лѣтъ прошло, и граждане пересилили его. Университетскія пренія перемѣнились въ Богословскіе споры: Реформація была приготовлена. Поэзія перестала быть Искусствомъ: на нее смотрѣли, какъ на ремесло. Таинства Христіанской вѣры были тогда поставлены на сцену, поэтами, не понимавшими ихъ величественной глубины. Одинъ только народъ, *Испанскій*, перенесъ на рождающуюся сцену Христіанскія таинства, не совлекая съ нихъ величія, и облекая ихъ Поэзіею очаровательною, Восточною. Испанцы, нація совершенно Католическая, одолжены были своей продолжительной борьбѣ съ Маврами неукротимую силою Рыцарской вѣры и вѣрностію къ Религіи Хри-

стіанской. Христіанскія мистеріи поддержались на шеатрѣ Испаніи, и геній Кальдерона усыновилъ ихъ себѣ, дабы передать будущности, какъ образцы искусства самаго высокаго, и воображенія, разгоряченнаго въ самой высшей степени.

Въ остальной Европѣ успѣхи Реформаціи были чрезвычайно быстры, и Поэзія отказалась отъ Христіанскихъ мистерій. Стали думать, что высокіе догматы Религіи, безъ оскорбленія ихъ величія, не могутъ бытъ вмѣшиваемы въ Поэзію національную, и, особенно, народную. Едва позволяли имъ являться въ стихахъ какіхъ нибудь педантовъ, ученыхъ стихослагателей, не имѣвшихъ никакого сношенія съ отдѣльными геніями народовъ.

Это направленіе сообщилось раждавшемуся театру Англійскому; оно отняло у него характеръ Христіанской всеобщности и идеальнаго величія, оставшихся на театрѣ Испанскомъ. Но въ замѣну сего основанія, театръ Англійскій былъ счастливъ шѣмъ, что нашелъ основаніе въ національныхъ нравахъ, достаточнo рѣзкихъ для того, чтобы геній поэтовъ великой школы могъ занять себя, во всей смѣлости независимаго полета, подъ всѣми формами, въ какія могутъ облакаться воспоргъ Искусства и вдохновеніе патриотизма. Національные Англійскіе поэты, за недостаткомъ шайнственнoй Религіи, умѣли создать себѣ *Философію*, истинно нравственную, и изумляющую своею глубиною: Шекспиръ есть выраженіе, представившее сего міра, представившее самый полный и самый всеобщій. Обозримъ крашко положеніе, въ какомъ находился

сей безсмертнй геній, и посмотримъ, кто были его предшественники, и кто ученики, образовавшіеся, во время Елисаветы, въ его школь.

Если хотимъ допрашиваться у Поэзіи рѣшенія великихъ тайнъ нашего бытія, не спрашивайте Шекспира, и еще менѣе другихъ поэтовъ старинной Англійской Драмы.

Въ семь отношеній, Эсхиль и Софокль, какъ язычники, Кальдеронъ, какъ Христіанинъ, гораздо удовлетворительнѣе. Не ищите въ твореніяхъ Шекспира непрерывно высокихъ вдохновеній Гоеліа, ни даже неровныхъ красоть Поліевкпа. Но Шекспиръ однакожъ не *Поэтъ-Протестантъ*, и еще менѣе *новѣйшій деистъ*. Ни онъ, ни его товарищи, предшественники его, и увлеченные могущею силою его генія на одинакую съ нимъ дорогу, не смотря на различіе дарованій — не носятъ на себѣ оппечашковъ такихъ характеровъ. Ничто не принадлежитъ менѣе Реформаціи, какъ геній Шекспировской Драмы.

Внимательно изучая Драматическія творенія Шекспира, глубокимъ познаніемъ ихъ удостовѣряемся, что религіозная Реформація, во время коей онъ жилъ, сягошила полеть его и противорѣчила его независимости. Въ своихъ лирическихъ и пастушескихъ твореніяхъ, онъ совсѣмъ не шеть: внутренняго чувства, ихъ оживляющаго, существенно нтъ въ его Драмъ. Платоническій мечшатель, Шекспиръ напоминаетъ пламенною задумчивостію своего вдохновенія, поэтовъ Итальянскихъ школь; сія произведенія его являютъ намъ глубокое выраженіе души

унылой, дышащей, явкъ сказашь, грустію Южныхъ странъ. Напротивъ, въ Драмашическихъ его швореніяхъ видна вся дѣятельная сила Сѣвернаго челоука! Самъ Шекспиръ выразился въ Сонетахъ своихъ, и въ швореніяхъ, которыя, какъ, напримѣръ, *Ромео и Юлія*, похожи на его Сонеты. Въ великихъ своихъ трагическихъ созданіяхъ, Шекспиръ побѣдилъ собственныя наклонности, дабы удовлетворить требованіямъ Философіи, совершенно *политической*, ежели только можно осмѣлиться на это прилагательное, единственное для изображенія глубины ея. Между сими двумя мірами, *воображенія нѣжнаго* и *Философіи мрачной*, глубоко трагической, по ея отчаянію при взглядѣ на родъ челоуческой, находятяся многія изъ комедій Шекспира.

Начала Реформаціи поразили смертельнымъ ударомъ Философію, Искусства, особенно Позію. Любовь Реформашовъ къ преніямъ заключила сначала рѣшительно все въ кругъ Діалектики, сухой, вооруженной угрюмымъ педаншизмомъ школь. Они не хотѣли, чшобы Искусства занимались священными предметами, смотрѣли на эшо, какъ на возвращеніе къ язычеству. Когда начали пошомъ дышашь свободнѣе, и первоначальное запрещеніе, наложенное Реформаціею, менѣе уже сягошѣло надъ умами, поэшы сохраняли воспоминаніе опасности, какой они подвергались: они помнили, что двойная ярость — еологовъ Реформатскихъ и спраспей народныхъ, гошова была ринушья на нихъ, если-бы на ихъ лирахъ услышаны были отголоски религіозныхъ вдохновеній. При Елисаветѣ, поэшы явили себя жестокими прощивниками Пуританизма: *Пуританъ*, пьесу,

въ которой сія секта безжалостно предана жестокой насмѣлкѣ, приписываютъ даже Шекспиру. Ни одинъ погдашній поэтъ не хвалилъ Реформаціи. Предметъ ошвращенія для Протестантскихъ изувѣровъ, Драмашическіе поэты и актеры сдѣлались предметомъ проклятія и постояннаго преслѣдованія, составляющаго одну изъ разишельныхъ и особенныхъ чертъ Англійской революціи, лишившей Карла I-го прона и жизни. Послѣ сего, не весьма-ли правдоподобно, какъ думаютъ многіе Англичане, что Шекспиръ родился и умеръ Кашолиткомъ, не смѣя признавъ открыто своихъ религіозныхъ понятій? Никогда не найдете у него возгласовъ прошивъ Кашолитской Церкви; нѣтъ никакого предубѣжденія прошивъ Кашолитизма и его служителей; нѣтъ ничего ложнаго, ограниченнаго, поддѣльнаго — чертъ характера, слишкомъ обыкновенныхъ у самыхъ великихъ писателей Протестантскихъ!

Что касается до формы, народной, національной, мѣстной, въ какой являющся шворенія Шекспира, онъ походитъ на поэтовъ нисшаго разряда, шѣснвшихся вокругъ него и шедшихъ потомъ по слѣдамъ его. Въ эшомъ одномъ опношеніи, мы сдѣлаемъ сравненіе между ими и имъ. Что-же касается до основанія поэшическихъ идей — не было и нѣтъ соперника Шекспиру! Для сравненія съ Шекспиромъ мы найдемъ только двухъ поэтовъ въ мірѣ: *Сервантеса* и *Данте*. Они и *Шекспиръ* — вошъ шри необьяшныя генія, коихъ произвела новая Европа! Для понятія ихъ, надобно каждого подвергнушь ошдѣльному и особенному размошрѣнію. Если Шекспиръ,

Данте и Серваншесъ сближаются внѣшними формами, и, шакъ скажешь, кошкюмомъ своихъ современниковъ и соошечесшвенниковъ, шо однакожь между ими нѣтъ ничего общаго въ основаніи мысли. Все, что дошодѣ служило основаніемъ Поэзіи, было шолько дополненіемъ для сихъ величайшихъ геніевъ, ошдѣленныхъ ошъ всѣхъ другихъ поэшовъ неисшощимою глубиною своихъ собсшвенныхъ созданий. Эпоха ихъ была поэшическая: въ ней скрышы были зародыши, долженствовавшіе пипашь сіи великіе умы; но независимо ошъ времени, въ кошорое они жили, для нихъ самихъ, для сущности ихъ мысли, должно изучашь безсмершныя ихъ шворенія.

Національный поэтъ, человекъ своей эпохи, геній народный, рѣзко ознаменованный умомъ своихъ соошечесшвенниковъ, Шекспиръ заслуживаль-бы вниманіе наше и въ эшомъ одномъ отношеніи. Все, истинно-національное, имѣешъ свой часшокъ истины, жизни и величія, достпойныхъ удивленія свѣта. Но мыслишель ошличилъ въ Шекспирѣ двухъ великихъ людей: *Шекспира*, обожаемаго во времена Елисаветы, идола Англичанъ, и *Поэта*, принадлежащаго міру, неисшощимаго создателя, кошорому подобный другой не нашелся еще въ мірѣ. Въ семь отношеніи, Шекспиръ уже не гражданинъ одной страны, но — живописецъ міра, *ось Человѣкъ*, во всѣхъ его одеждахъ, во всѣхъ его различіяхъ, изучившій, угадавшій самого себя, углубившійся въ самого себя, съ безпримѣрною ошвагою необъяшнной силы. Ограниченная національность Англичанъ всегда будетъ имъ препятсшвовашь произвешти другаго генія, равнаго

Шекспиру : говорю здѣсь не о *Британцахъ* время *Елисаветы*, народъ свободномъ, веселомъ, храбромъ, остроумномъ, но объ этомъ народъ, кошорый чадомъ Пуришанизма покрывся, какъ похороннымъ покрываломъ, погасивъ мрачнымъ вѣрованіемъ своимъ и воображеніе, и прелестъ жизни — навсегда.

Связанный въ свободѣ совѣсти угнетающимъ Протестаншизмомъ, гонимелемъ Философіи, Поэзіи, Искусствъ, Шекспиръ долженъ былъ представлять Человѣка неразрѣшимою загадкою. Онъ являетъ его падшимъ, раздираемымъ въ его существованіи, добычею всѣхъ страстей; никогда не видите у него Человѣка, возставшимъ отъ своего паденія, выкупившимся изъ своего рабства, вышедшимъ изъ пропасти своихъ бѣдствій. Никогда онъ не утѣшаешь его; все погибло, все кончено, все ниспровержено, ни что не возвышается къ лучшему жребію. Кромѣ Шекспира, нѣтъ писателя, кошорый позналъ-бы Человѣка до такой ужасающей глубины! Другіе поэты бывали болѣе величественны; но, можешь бышь, геній Шекспира былъ уже споль глубока, что не могъ бышь поэтическимъ, хоша ни гдѣ не шеряешь Шекспиръ своей изящности, легкости, красоты: въ самомъ ужасѣ — это образецъ гибкости; но его непреклонная мощъ выбрала Человѣка своею жертвою: она поражаетъ его немилосердыми ударами, оставляетъ разорваннаго, окровавленнаго на землѣ, добычею безсильной его ярости!

Такое изображеніе падшаго человѣка, такая ужасающая, такъ сказашъ — Микелл-Анджеловская жи-

вопись, была собственно чужда самому гению Шекспира: душа его, напрошивъ, какъ сказали мы выше, была душа Платоническая. Лирическія произведенія его доказываютъ, что страшная мечтательность покоилась, такъ сказать, въ основаніи души его. Когда онъ является самимъ собою, когда онъ уснукаетъ своимъ добрымъ вдохновеніемъ, онъ нѣженъ, какъ Пешрарка, энтузіастъ, подобно ему, и подобно Тассу сладокъ и прелестенъ. Какая нѣжность, какая неподражаемая красота въ его *Юліи*, въ его *Имогенѣ*, въ его *Корделии*, въ его *Дездемонѣ*! Какая добродушная веселость и свѣжестъ юности въ его *Беатриксѣ*! Какое благородное величіе, какая высокая, просная добродѣтель въ его *Еленѣ*! Въ сикъ-шо картинахъ находишь самъ себя Шекспиръ, и дышишь свободно гений его, на вольномъ просторѣ. Но такія сладостныя ощущенія, такое прогательное вдохновеніе, у него непродолжительны. Ему должно судить міръ, и эгошь судъ, заставляющій въ одно время шрепешать и мыслить, произноситъ Шекспиръ, ошвращая взоры свои отъ развраща чловѣческаго и бездны пороковъ нашихъ!

Таковы основанія характера, уединяющія Шекспира отъ всего, чѣмъ онъ окруженъ въ Англійской Драмѣ. Указавъ на сіи основанія, разсмошримъ внимательнѣе, что могъ онъ получить отъ своихъ современниковъ, и какое было его вліяніе на нихъ.

Когда Англичане занялись своими лишературными памятниками, что было очень не рано, то множество предразсудковъ было уже вмѣшано въ ихъ

крипику. Люди безъ генія и безъ вкуса ухватались за творенія Шекспира. Роу (Rowe), умъ изящный, душа поэтическая, совсѣмъ не годился для сей работы. Драйденъ, послѣ эпохи Мильтона, первый созналъ геній Шекспира. Но ни Драйденъ, ни Поупе, котораго убивало присутствіе величайшаго изъ геніевъ, не были способны проникнуть въ инстинкта величественной глубины Шекспира. Гордые Академическимъ, холоднымъ вкусомъ, богачествомъ стихосложенія и ловкостью рифмы хотѣли они вознаградишь недостаткомъ красноты и гармоніи, ихъ оплывавшій, и воображали, что удовлетворили всему, что требуется отъ Поэзіи; когда успѣли придашь стихамъ своимъ щеголеватость словъ, къ какой только можно достигнуть въ Англійскомъ языкѣ.

Подобно Лагарпу близорукій, но судящій не столь здраво и развязный менте Лагарпа, забавно прозваннаго Французскимъ Квинтилианомъ, Самуиль Джонсонъ, славнѣйшій изъ издастелей Шекспира, никогда не былъ въ состояніи обнять общности созданія, почувствовать дѣйствія природы богатой и могущей, еще менте понять искусство и возвыситься до идеала. И Лагарпъ и Джонсонъ, оба шарились въ разысканіи и изслѣдованіи подробностей, довольствовались требованіемъ отъ поэта безусловной покорности Академическимъ законамъ, щеголеватости, сходной съ уроками Ришорика. Въ единственныя качества, въ коихъ признавали достоинство поэтовъ, и остроумный крипикъ Французскій и шажелый полиграфъ Англійскій. Посему-то видимъ мы Джонсона, въ одно время, просякомъ,

приходящимъ въ изумленіе отъ лихтературнаго убожества вѣка Королевы Анны, и человекомъ, забавно пренебрегающимъ сокровища воображенія и мыслей, завѣщанныя потомству вѣкомъ Елисаветы.

За изданіями Шекспира слѣдовали изданія сочиненій Бомонша, Флешчера и Массингера, Шекспировыхъ подражателей, людей съ дарованіями, безъ его безмѣрнаго генія, безъ его глубины и силы, но образовавшихся въ его школь, и занявшихъ отъ него эту легкую, свободную походку, эту стремительность, эту порывъ, коими отличаетъ Шекспиръ. Не говоримъ объ изданіяхъ сочиненій Бенъ-Джонсона, современника Шекспирова: родъ его дарованій сославляетъ единственное исключеніе въ Исторіи Англійской Поэзіи.

Послѣ того, какъ Англійская революція насильственно прервала сценическія зрѣлища, помнили только блиставшихъ въ послѣднее время славы Шекспировой поэтовъ, и потомство сохраняло воспоминаніе только объ нихъ. Ихъ перепечатавали, и они избѣгли отъ жребія многихъ другихъ, своихъ современниковъ, не менѣ сильныхъ дарованіями, но погибшихъ.

Изданіе Додслея, явившееся въ свѣтъ въ началѣ XVIII-го столѣтія, заключаетъ въ себѣ нѣсколько старинныхъ пьесъ Англійскаго театра до Шекспира, писанныхъ его современниками, или нѣкоторыми изъ его послѣдователей, извѣстными менѣе Флешчера и Массингера. Изъяснители великаго Поэта часто упоминають о сихъ пьесахъ, подвергая ихъ замѣчаніямъ только въ слогъ и фразеологіи.

Поверхностныя сіи критики простерли варварство до того, что смѣшали съ сочиненіями посредственныхъ писателей многія произведенія юности Шекспира, явно запечатлѣнные знаменіемъ сего великаго человѣка, и по многому чрезвычайно замѣчательныя. Надобно желать, чтобы напечатано было наконецъ полное изданіе сихъ пьесъ, въ коихъ зорлы открывали только пятна, которыя пренебрежены на слово крипиковъ, и облудуютъ красками высшаго достоинства.

Должно было, чтобы восторгъ Англичанъ пробудило глубокое удивленіе, изъявленное Нѣмцами къ генію Шекспира. Переводъ Августа Вильгельма Шлегеля, легкостью и чистотою совершенно передавшій Нѣмцамъ подлинникъ, произвелъ въ умахъ Германцевъ страшное волненіе, поддержанное всѣми людьми дарованій отличныхъ, соединенными вокругъ А. Шлегеля и его брата единствомъ ученія. Великому генію, споль нельзя дополъ судимому, споль смѣшно дополъ перелагаемому Французами и Нѣмцами, опдали наконецъ почестъ, какой онъ былъ достоинъ! Тогда заволновался и Бришанскій папиротизмъ. Онъ началъ заниматься богатствами своей старинной литературы. Юные современники Шекспира — Деккеръ, Фордъ, Вебстеръ, Марштонъ, Роулей, соревновавшіе Массингеру и Флетчеру, были перепечатаны. Каждый изъ нихъ, сколько можемъ мы судить по сочиненіямъ, помѣщеннымъ въ Додслеевомъ собраніи, достоинъ вниманія и уваженія.

Тикъ, отличный поэтъ Нѣмецкій, одинъ изъ друзей Шлегеля, въ 1817 году нарочно ѣздилъ въ Англію, дабы изучить въ самыхъ источникахъ, ру-

кописяхъ Британскаго Музея и Кембриджскаго Университета, сочиненія современниковъ и предшественниковъ Шекспира. Тикъ хошѣлось сямъ предпріятіемъ кончить сочиненіе, съ давняго времени начашое, о геніи великаго Англійскаго поэта, котораго оцѣнку едва-ли кто нибудь можешь сдѣлать лучше Тика, посвятившаго жизнь на его изученіе. Къ сожалѣнію, сей трудъ Нѣмецкаго критика еще не изданъ. Но, подь именемъ *Предготовительной школы Шекспира* (Shakspear's Vorschule), Тикъ издалъ въ одномъ томѣ шри замѣчательныя пьесы, изъ коихъ одну (*Арденъ Февершамъ*) приписываютъ самому Шекспиру. Еще прежде того, Тикъ напечаталъ свой *Alt-englisches Theater* (*Старинный Англійскій Театръ*), или прибавленіе къ изученію Шекспира, состоящее изъ шести пьесъ, въ двухъ томахъ; нѣкоторыя изъ нихъ почитаются произведеніемъ юности Шекспира, и онѣ не совѣмъ недостойны безмѣрной его славы.

Употребляя для нашихъ соображеній всѣ сіи матеріалы, мы присовокупимъ къ онымъ внимательное чтеніе изъяснителей Шекспира, также изъяснителей Флетчера и Массингера, и замѣчанія, какія находятся у Лессинга. Не предполагая себѣ ничего полнаго о предметѣ обширномъ, удовлетворяемся вѣрнымъ изложеніемъ впечатлѣній, произведенныхъ въ насъ изученіемъ старинной Англійской Драмы. Трудъ нашъ будетъ, по крайней мѣрѣ, способствовать къ познанію генія Англійскаго народа, въ славную эпоху его бытія.

Въ землѣ, гдѣ движеніе Реформаціи причинило

Юль 1834.

6

возмущенія самыя жестокія, непосредственныя дѣйствія оной оказались прошивны поэтическому духу. У Лютера былъ геній возвышенный, порывъ краснорѣчія, совершенно народнаго. Кальвинъ совсѣмъ не обладалъ сими дарами. *Кальвинизмъ* не замедлилъ побѣднть *Лютеранизмъ*, и сѣмена ученія Виппенбергскаго монаха, брошенные на неплодную землю, не прозябли. Между шѣмъ, мнѣшество умовъ было выброшено Реформаціею изъ предѣловъ обыкновенной жизни. Долгое время вѣрныя сословіямъ, управляемымъ поэтическими идеями, не сѣсняемымъ въ свободныхъ движеніяхъ разумнія, сіи умы кинулись въ смѣлыя и опасныя пренія, указанныя имъ Реформаціею. Еще болѣе: она разсыла членовъ монастырскихъ обществъ, у коихъ безпечная лѣность, или нрудолубивый досугъ, способствовали наклонности къ наукамъ, искусствамъ и письменности. Всѣ сіи люди, введенные въ волненіе общественной жизни, сдѣлались буйными членами общества. Мрачнѣйшіе, менѣе другихъ поэтическіе умы выбрали себѣ Пурипанизмъ, прильпились къ нему, и умножили собою толпу угрюмыхъ изувѣровъ XVI-го вѣка. Не столь спрогіе, не смѣя открыто сознаться въ наклонности своей къ поприщу забавъ и любви, не имѣя возможности раскрыть всю свободу своего генія, ненавидя Реформацію, довольствовались изъявленіемъ своей неприязни въ подражаніяхъ Итальянцамъ и Испанцамъ, шо есть, югу Европы, оставшемуся Католическимъ. Робертъ Гринъ (Green), много путешествовавшій въ шой и другой сшранѣ, сдѣлаался однимъ изъ ошличныхъ поэшовъ вѣка Елкса-

вешы, и однимъ изъ основателей національнаго театра.

Крипки, отдававшіе право первородства Итальянскому, и особенно Испанскому театру, передъ театромъ сѣверной Европы, не ошибались въ своемъ мнѣніи. Надобно только прибавить, что сѣверныя страны не подражали южнымъ народамъ, но — одинакое первоначальное движеніе, съ береговъ Тага и Гвадалквивира, достигло береговъ Балтики.

Итальянская сцена была вовсе лишена національности. Одинъ Данте замѣняетъ тамъ цѣлую школу драматическихъ поэтовъ. Въ Испаніи, напротивъ, національныя идеи преимуществовали, и примѣръ Испанцевъ зажегъ геній современныхъ имъ Англійскихъ писателей. Гринъ, о которомъ мы упоминали, передалъ сіе вліяніе Англійскому театру. Между тѣмъ Англичане подражали и Итальянскимъ пьесамъ, а театры ихъ Университетовъ были самыми жалкими школами Схоластическихъ хрій, дѣлимыхъ на дѣйствія и явленія. Къ числу сихъ *Классическихъ* произведеній принадлежатъ: *Горбодукъ*, *Лорда Саквилля*, и *Феррексъ* и *Поррексъ* другаго вельможи Двора Елисаветина — пьесы, коихъ смѣшная извѣстность началась въ концѣ XVIII-го вѣка, благодаря Академическимъ похваламъ Пбпа.

Вопреки свирѣпости Реформаціи и Пуришанскимъ возгласамъ, Англійскій театръ скоро сдѣлался народнымъ. Реформація изгнала изъ общественной жизни поэзію, прежде занимавшую въ ней столько мѣста. Какъ Грекамъ необходимо было украсить

множествомъ поэтическихъ обрядовъ бытіе общественное и частное, такъ, для сего-же, Среднія времена ушановили праздники, ходы, обряды религиозные, турниры и игрища рыцарскія и гражданскія: *жизни обыкновенной* передавали характеръ *идеала*. И никогда въ шѣ времена жизнь не казалась прозаическою и бесплодною. Реформація, поразивъ проклятіемъ сіи удовольствія, гремя прошивъ смѣшенія священнаго съ свѣтскимъ, сводя религію на мрачное, фанатическое вѣрованіе, разочаровала жизнь общественную и частную. Театръ сдѣлался тогда единственнымъ поэтическимъ увеселеніемъ, какое позволяла Реформація въ Протестантскихъ земляхъ: Поэзія скрылась въ него, какъ въ свое послѣднее пристанище. Посему и не должно удивляться необыкновенному усилію раждающагося Театра во времена Елисаветы. Можно понять, отъ чего старинная Англійская Комедія, смѣло хохотавшая надъ смирностями Пуританизма, приобрѣла успѣхъ народный, за который испиль ей впоследствии непріятель ея, столь жестоко и позорно.

Съ самаго начала, Англійская сцена была *народною*: вошь ошличительная черта ея характера. Тшешно придворные, холодные нравоучители, и надушые педанты, старались ввести на Англійскій театръ подражанія Сенекъ и Греческому театру, приняшья Францією и Италією. Тщешно являлась на немъ цѣпь ледяныхъ аллегорій, и комедій, испещренныхъ *мариводажемъ* XVI-го вѣка (*). Лилей,

(*) *Marivaudage*, образъ выраженія, какой принялъ для

знаменитый своего времени (célébre de son temps), и, какъ говоритъ Тикъ, точно *человѣкъ съ умомъ*, хотѣлъ сдѣлать національною въ Англии смѣшную школу Мариню. Пьесы его, собранныя въ изданіи Додслея, суть образцы дурнаго вкуса, натяжки самой забавной, шалостей остроумнаго человѣка.

Но національный характеръ не замедлилъ воспоржесивоваться надъ усиліями ученыхъ и придворныхъ. Модный классицизмъ, перенесенный изъ Италіи, и однообразный, изысканный педантизмъ, не могли долго оставаться на Англійской сценѣ. Народъ, лишенный праздниковъ и удовольствій, претовалъ отъ Театра достачочнаго вознагражденія: все его воображеніе разыгралось на сценѣ. Самый Дворъ Елисаветы послѣдовалъ за симъ увлеченіемъ: великолѣпнѣе, рыцарская роскошь вскорѣ завладѣли имъ.

Какая-то народная веселость, разлившая въ націю, и простиравшаяся до послѣднихъ отраслей общества, характеризовала тогда Англію. Все, что тогда писано, свидѣтельствуетъ объ этой веселости, и самое разительное свидѣтельство видимъ въ тогдашней Драмѣ. Дивись, находя въ Шекспирѣ, и другихъ писателей той эпохи, геній, совершенно различный отъ генія нынѣшнихъ обитателей Великобританіи. Между тѣмъ, какъ рыцарскіе, Норманнскаго происхожденія нравы сохранялись неприкосновенно, до нѣкоторой степени, при Дво-

своихъ комедій бездарный Мариво. Ихъ довольно на Русской сценѣ, а подражаній имъ еще болѣе. *Пер.*

рѣ Елисаветы, добродушіе, сердечность, умъ древняго поколѣія Саксонскаго, царствовали въ нисшихъ званіяхъ общества. Реформація еще неполнѣ проникла тогда въ умы, и не могла опннать опъ толпы народной оппечатка "Католицизма, древняя мощь коего сильно еще боролась пропнвъ педантизма новѣйшаго мрачнаго ученія. Не народъ, но поляшика Королей ввела Пропешпаншство въ Англію; долго слѣдовало ему боротьясь съ національнымъ духомъ, и дабы привлечь къ себѣ согласіе народное, надобно было искусною уловкою соединить споръ за Кальвинизмъ со спорами о свободѣ народной. Окончательному торжеству Реформаціи въ Англіи были прямыя причины въ безмѣрной ошибкѣ перваго Сшуарта, и ослабленіи его несчастнаго преемника...

Отъ генія старинной Англіи осталась у Англичанъ какая-то странность въ идеяхъ, какой-то самобытный образъ выражашъ свой чувства, остался наконецъ, эшошъ юморъ, котораго не лзя выразишь словомъ, взятымъ изъ всякаго другаго языка, счастливое расположеніе духа, колкая особенность, испорченныя новѣйшими Англичанами примѣсю нравственной болѣзни, мизантропіи, названной *сплинн мь*, и неизвѣстной ихъ предкамъ. Можно найдши въ лицѣ Гамлета слѣды сего нравственнаго зла, при коемъ, взирая на жизнь слишкомъ важно, безъ эншузіазма, безъ возвышенія оной, безъ указанія на величественную цѣль, опредѣляемую ей Религією, человекъ находишь послѣднее убѣжище, пропнвъ дѣйствительности, стошь подожишельдой и

столь ужасной — въ самоубійствѣ. Но если разсма-
тривать съ бѣльшимъ вниманіемъ характеръ Гам-
лета, самый глубоко-метафизическій изъ начер-
танныхъ рукою Шекспира, то увидимъ, что на-
мѣреніе поэта было начертать не національный
характеръ, но человека преданнаго ничтожеству
своей слабости, усомнившася въ своей будущ-
ности, жертву жестокой грусти и бѣшенныхъ же-
ланій разрушенія, какія всегда рождаетъ въ чело-
вѣкъ удаленіе отъ другихъ. Гамлетъ врагъ обще-
ства, но не шакой, какъ новѣйшіе философы, или
какъ мрачные нынѣшніе Англичане. Въ его мизан-
тропіи нѣтъ ничего національнаго, мѣстнаго, ча-
стнаго. Не эта мизантропія есть та болѣзнь, но-
вая, причиняемая, или преждевременнымъ избыш-
комъ наслажденій, или излишкомъ наслажденій но-
вѣйшій роскоши, или отвлеченнымъ деизмомъ,
начавшимся отъ холоднаго Протестантства, не-
достаточнымъ ни для надеждъ души, ни для по-
требностей ума. Въ сокровеннѣйшихъ предѣлахъ
человѣческой природы, въ крайнихъ глубинахъ ея
нашелъ Шекспиръ нравственныя скорби, пожираю-
щія Гамлета. Это самое ужасающее изображеніе
генія человѣческаго, оставленнаго самому себѣ,
когда онъ не просиращь рукъ своихъ ни къ Богу,
ни къ Природѣ!

Во времена Елисаветы, Англійская Поэзія не
была постигнуша никакою нравственною болѣзнію,
и самобытность, юморъ славнѣйшихъ писателей
сей эпохи, не представлялъ никакой изысканной
вашижки, столь часто находимой въ новѣйшихъ

Англійскихъ поэсахъ. Особенность, самая странность лицъ, видны у нихъ безъ примѣси мизантропін. Это болѣе черты какой-то безопасности, и почти милой веселости, на которую положень только странный оптимизмъ. По всѣмъ признакамъ можно распознать, что Французская кровь текла еще тогда въ жилахъ Англійскаго народа.

Благодаря сему странному оптимизму, смѣшанному съ основаніемъ естественности, истины и добродушной силы, Англійскіе поэты создали языкъ, счастливая смѣлость коего изумляетъ насъ. Какъ лунарики, они на все отваживались, никогда не заблуждаясь. Если исключимъ Бенъ-Джонсона, то ни кто изъ нихъ не тяжель и не однообразень. Бенъ-Джонсонъ, впрочемъ весьма замѣчательный, пренебрегалъ геніемъ своихъ соотечественниковъ, и усиливался подражать ученому слогу Ламинскому. Даже, когда у старыхъ поэтовъ Англійскихъ образы гигантски, странны, выраженіе все остается счастливымъ. Вездѣ узнаемъ голосъ вдохновенія легкаго; тяжелой работы нигдѣ не видно. Неупотребительный характеръ стариннаго языка изумляетъ насъ нынѣ потому, что все похоже въ нынѣшней Европѣ, все лишено самобытности въ нравахъ. Эта самобытность дѣлается замѣтно рѣзкою, когда переводимъ мы въ новѣйшую прозу стихи поэтовъ XVI-го вѣка. Надушая щеголеватость, Академическая красота Пѣпа и его школы, не могушь бытъ соглашены съ первобытною мощью древнихъ поэтовъ, и къ подлинникамъ надобно прибѣгать, если хотимъ живымъ и дѣйствительнымъ

образомъ перенести себя въ среду нравовъ, начертанныхъ Флешчеромъ и Шекспиромъ.

Причины, нами изложенныя, придавали старинному бышу характеръ рѣзко поэтической; онъ общался и народному языку что-то живописное, свободное, смѣлое. Языкъ дѣлался богатъ намеками, напоминавшими рыцарскіе праздники, и разныя, споль блестящія учрежденія, коихъ слѣда уже не было. Рабеле и Монпанъ могушь бышь для Французовъ примѣрами сильныхъ старинныхъ выраженій. Драматическіе поэмы конца XVI-го столѣтія должны бышь судимы по симъ правиламъ, и въ сихъ отношеніяхъ къ эпохѣ. Тогда найдемъ мы изъясненіе множества смѣлыхъ поэтическихъ выраженій, которыя, по причинѣ нынѣшнихъ нравовъ и привычекъ нашихъ, кажутся спранными и чрезъ мѣру увеличенными.

Могущая, поэтическая самобытность, огромная сила, мужественная свѣжесть слога характеризировали Англійскую Драму, но дѣйствительная наклонность оной была однакожь не столько поэтическая, сколько прозаическая. Изъяснимся, что мы разумѣемъ подъ сими словами.

Проза можешь бышь дочерью генія; Поэзія можешь бышь искусственная, поддѣльная, лишенная восторга. Еще ешь Проза — чадо обыкновенной жизни, кошорую она выражаетъ, и Поэзія — чадо неба, выраженіе небесныхъ побужденій. Высшій разумъ, обыкновенная мудрость челоуѣка говорятъ языкомъ истинной Прозы, единой доспойной сего названія. Вдохновеніе небесное, восторгъ выска-

зываются Поэзією. Проза, предназначенная основываться, рѣшась, утверждаясь, есть, такъ сказать — *Поэзія земли*, и можно прибавить къ сему, что Поэзія, общій языкъ божественныхъ вдохновеній, есть *Проза небесъ*.

Вѣкъ Елисаветы не зналъ ни простонародной Прозы, ни поддѣльной Поэзіи. И въ немъ были, какъ въ вѣкъ Расиновъ и Корнелей, свои посредственные и дурные писатели, свои Падоны и Скюдери. Но ихъ сочиненія выражали частную посредственность, безъ слѣдствій; ихъ умъ не показывалъ того общаго ложнаго вкуса, котораго можешь одѣлаться характеромъ эпохи, и котораго былъ вовсе чуждъ вѣку Елисаветы.

Если у Прозы, какъ у Поэзіи, есть свое вдохновеніе (и это старались мы доказать), то Поэзія Англійская, какъ ни смѣла была она, оставалась причастною болѣе вдохновенію прозаическаго слога, нежели поэтическихъ движеній Поэзіи. Можно повторить истину сихъ замѣчаній, сравнивъ Англійскій Театръ съ Драмою Древнихъ, до Менандра и Эврипида, съ Рыцарскою Поэзією Среднихъ Временъ, съ Театромъ Испанскимъ. Ничего символическаго, ничего, что возвѣщаетъ человѣку высшее его значеніе — нѣтъ у Англійскаго драматическаго писателя; никогда не видите парящихъ надъ созданіемъ его двухъ невидимыхъ двигателей — Бога и Природы. Одно только обнимали мыслию писатели, товарищи Шекспира, и это одно — былъ *Англичанинъ*; Шекспиръ обнималъ своею мыслию также одно: это былъ — *Человѣкъ*.

Часто звуки восторженнаго вдохновенія вмѣшиваются въ поэзію Шекспира; его современники часто являются поэтами; но въ пособіяхъ, а не въ основаніи Драмы видимъ у нихъ Поэзію. Нравственная Философія, самая практическая, самая глубокая, освѣщаетъ у Шекспира мракъ Исторіи. Сильный впечатлѣніе національности замѣняешь въ его ученикахъ вдохновеніе вселенной — такъ скажешь, *Католицизмъ* истинной Поэзіи.

И тогда даже, когда разоблачаешь Шекспиръ прозаическую сторону жизни, достигается имъ невѣроятная глубина. Въ его дурачкахъ, въ его лицахъ самыхъ простыхъ и ничтожныхъ, въ существахъ, лишенныхъ чувства, или одаренныхъ неопредѣленнымъ лучемъ разума, видѣнь философскій интересъ, изумляющій умъ, и это у Шекспира только находите. Онъ сошелъ въ крайніе предѣлы человѣческой природы; онъ наблюлъ ее во всей глубинѣ ея бѣдности, и на каждый вопросъ его отвѣчалъ ему новымъ откровеніемъ геній Человѣчества. Шекспиръ поставилъ передъ нами, вызвалъ мощію своего ума всѣ лица, коихъ различная ничтожность можешь возбуждать наше вниманіе: льстеца Острика, съ его шажелостью и несносностью; грубаго Бардольфа, глупаго Шалова. Никогда, при взглядѣ на сіи характеры, нельзя-бы подумашъ, что они могутъ внушить намъ любопытство и удивленіе. Если Шекспира осмѣливаемся мы назвать прозаическимъ въ направленіи его, это пошому только, что мы судимъ его, какъ Историка Человѣчества, Историка самаго высокаго, строгаго и великаго. Прибавимъ, что его вдохновенія, даже прозаическія, сколько-же выше вдохно-

веній всѣхъ его современниковъ, сколько поэпическія вдохновенія превышаютъ всѣ подобныя вдохновенія его эпохи.

Макбетъ есть единственная пьеса Шекспирова, которая, будучи создана по духу генія Древнихъ, не носитъ на себѣ никакого слѣда глубокой ироніи, собственно Шекспиру принадлежащей, и видимой во всѣхъ его швореніяхъ, самыхъ трагическихъ. Сія безжалостная иронія есть признакъ Прозы высокой. Этошь великій поэтъ, этошь Шекспиръ, у котораго вдохновенія такъ легки, такъ предельны, очаровательны, котораго Поэзія съ такою истиною, выражаетъ ощущенія нѣжныя и меланхолическія, этошь поэтъ, мечтатель, спрасный въ высшей степени — въ своихъ угрюмыхъ идеяхъ умѣетъ соблюсти самую хладную, самую неумолимую силу: чуждый слабости и жалости, онъ смѣется надъ Человѣкомъ, своею жертвою; карая родъ человѣчскій своимъ строгимъ умомъ, и шевеля въ сердцѣ человека кровавый кинжалъ Трагедіи, онъ сохраняетъ свою насмѣшливую улыбку и горькую веселость. Иронія писателей его вѣка была болѣе безразсудна и легка; Шекспирова ужасна глубиною сердца человѣческаго, изъ которой онъ извлекалъ ее! Никогда не дрожала подъ рукою его струна живаго ощущенія, безъ того, чтобы онъ самъ съ намѣреніемъ не шогалъ ее, для разрушенія дѣйствія, своимъ движеніемъ произведеннаго. Геній высоты невообразимой, судія верховный — безстрастнымъ окомъ глядѣлъ онъ на пороки и бѣдность Человѣка, имъ изображаемые, имъ наказуемые. Онъ хладенъ не ошъ безсилія, но ошъ избытка силъ. Различныя впечат-

плѣннѣя, въ концѣ зыблется несчастное сердце человеческое — для него игра, любопытное зрѣлище, и заставляя проливать слезы, самъ онъ не плачетъ. Человѣкъ изумляющій, онъ волнуешь слабые наши умы, и обманываетъ ихъ безпрестанно, расточая имъ чувствованія, которыхъ пребуешь жадность ихъ. Самый народный изъ поэтовъ, онъ болѣе всякаго другаго писалъ для людей государственныхъ, для шѣхъ, которые умѣють оцѣнить мужественную прозу, удивительно оконченную во всѣхъ, самыхъ малѣйшихъ ея подробностяхъ.

Въ современникахъ Шекспира, находимъ внѣшнія формы, и часто пролію, его характеризующія — все, кромѣ его глубины. Множество недостатковъ безобразяетъ ихъ, но всѣ они обладаютъ однакожъ и нѣкоторыми рѣдкими качествами. Менѣе Шекспира глубокиѣ, ибо они болѣе его національны, они не являютъ ни чуждаго ума историческаго, ни Философіи обширной, знаменующихъ великій ихъ образецъ.

Оцѣнивъ въ общности Англійскихъ драматическихъ поэтовъ, и постаравшись проникнуть во внутренній смыслъ ихъ сочиненій, займемся подробностями оныхъ, ограничиваясь въ семь случаевъ предѣлами, какіе предписываетъ намъ объемъ нашей снати.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Избранный Нѣмецкій Театръ*. Переводъ Александра Шишкова 2-го. Т. I. М. 1831 г. въ ш. Университ., in-8, 317 стр.

Читая извѣщеніе, кошорое многократно было помѣщаемо въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, для ознакомленія публики съ предпріятіемъ Г-на Шишкова, мы всегда сомнѣвались въ помъ: не слишкомъ-ли огромный трудъ берешь на себя сей молодой лиштерашоръ, хотя дарованіе его и несомнительно?

Въ то время, когда понятіе о хорошихъ переводахъ поставлено — почти на недоступную степень; когда знакомство съ Германскою Лиштерашурою показало уже Русскимъ читателямъ достоинства подлинниковъ, которые рѣшился переводить Г-нъ Шишковъ — подвигъ его казался намъ весьма отважнымъ. Не говоря ни о чемъ другомъ, мы недоумѣвали даже въ помъ, какъ можно было ему взяться вдругъ за переводъ Гёте и Шиллера, Вернера и Раупаха, Кернера и Грильпарцера — писателей, столь различныхъ характеромъ поэзіи и сущностью созданій! Для этого надобно было родиться какимъ нибудь поэтическимъ Прощеемъ,

и посвятишь работу множество лѣтъ, или — напередъ знать, что не оправдаешь надежды чашашелей хорошими переводами.

Прочитавъ потомъ, въ Журналахъ и Альманахахъ, нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ переводовъ Г-на Шишкова, мы поняли, какъ онъ переводитъ, почему не устращился трудностей предпріяшя, и чего должны мы ожидать отъ его труда. Нѣсколькихъ отрывковъ довольно было для сего опредѣленія. Вышедшій нынѣ 1-й томъ переводовъ Г-на Шишкова подтверждаетъ мнѣніе наше вполне.

Чашашели припоминашъ, что говорили мы при появленіи *Германа* и *Макбета*, переведенныхъ А. Г. Рошчевымъ (Тел. 1830 г. № 21, стр. 79—82). Переводы Г-на Шишкова, какъ будто въ одну форму вылиты, какъ будто родные братья съ переводами Г-на Рошчева.

Опличная способность выражаться гладкими, часто красивыми, сильными стихами, и умѣнье писать ихъ весьма скоро; стараніе схватить только мысль подлинника, не заботясь о вѣрности выраженія; словомъ, говоря сравненіемъ: представленіе Русскимъ чашашелямъ прекрасныхъ литографическихкихъ рисунковъ, съ картинъ славнѣйшихъ художниковъ — вотъ что дѣлають Г-нъ Рошчевъ и Г-нъ Шишковъ, переводя легко и скоро Шекспира, Гёте, Шиллера, Гюго, Вернера, Раупаха и проч.

При бѣдности нашей Литтературы, мы должны быть благодарны и за такіе труды. Нѣтъ спора, что хорошая литографія имѣетъ цѣну для людей, кошорые не могутъ плащить большихъ суммъ за

копіи живописныя, и у кошорыхъ нѣтъ даже и мѣста въ домахъ, гдѣ можно-бъ было поставишь вѣрныя, огромныя копіи съ Преображенія Рафаэлева, или съ Корреджіевой Ночи, сдѣланныя какимъ нибудь Брюловымъ, или Кипренскимъ. И пакъ о переводахъ Г-на Шишкова — мы не скажемъ болѣе ни слова.

Въ 1-й части *Избраннаго Нѣмецкаго Театра*, Г-нъ Шишковъ помѣстилъ: *Пикколомини* и *Смерть Валленштейна*, двѣ трагедіи Шиллера. Известно, что Шиллеръ составилъ изъ жизни Валленштейна, героя Тридцатилѣтней войны, трилогію, началомъ которой надобно почитать: *Валленштейновъ лагеръ* — родъ пролога. Г-нъ Шишковъ не перевелъ сего пролога. Трилогія Шиллерова можеть называться среднимъ, между шѣми созданіями, кошорыя ознаменованы буйнымъ духомъ геніяльной юности Шиллера, и шѣми, кошорыя озарены полнымъ свѣтомъ его геніяльнаго мужества. Въ себя преобразуя Природу, Шиллеръ началъ драматическое поприще *Разбойниками*, и высшую степень сего направленія находимъ въ его *Донъ Карлосъ*. Онъ увидѣлъ попомъ невѣрность своего взгляда; колебался по разнымъ направленіямъ, въ *Мессинской невѣстѣ*, *Орлеанской дѣвѣ*, *Маріи Стюартъ*, и наконецъ узналъ, что не эгоизмъ генія долженъ бышь цѣлію драмы, но живая, геніяльная картина Природы и Человѣка: *Валленштейнъ* былъ первымъ явленіемъ по сему новому направленію Шиллера. Въ семъ созданіи нѣтъ уже буйнаго несогласія съ вѣшнимъ; фаншастическіе призраки исчезли; Максъ

Пикколомини едва, едва напоминает по лицу, которое прежде Шиллеръ выражалъ въ Робертъ, Фердинандъ, Донъ Карлъ, Фіэскъ, Моршмеръ; все остальное превосходно, естественно; видѣвъ уже будущій творецъ *Вильгельма Телля*! Вообще сухая идеальность, какую облечена трилогія Шиллерова, дѣлаетъ то, что пылкій юноша предпочтетъ ее всѣмъ другимъ трагедіямъ Шиллера, и именно потому, что сія трилогія близка къ нему самому. Понявъ вполне величіе *Вильгельма Телля*, *Гамлета*, *Отелло*, *Макбета*, *Лира* и *Геца Берлихингена* будешь для него гораздо труднѣе. Онъ спанетъ имъ удивляться, но Валленштейна онъ полюбитъ, а корыстное чувство любви, для юноши, конечно увлекательнѣе безкорыстнаго чувства изящной поэтической истины.

Дозволимъ себѣ одно мѣлочное замѣчаніе касательно Русскаго перевода: почему Г-нъ Переводчикъ назвалъ дочь Валленштейна *Марією*, когда она въ подлинникѣ названа *Теклою*? Мы уже привыкли къ Теклѣ: это имя, подобно именамъ Дездемоны, Амаліи, Маргариты, Юліи, Миньоны, Титаніи, образуешь для насъ поэтическую, извѣстную идею. Неужели Г-нъ Шишковъ боялся сдѣлать его смѣшнымъ, напомнивъ Русскую *Теклу*? Послѣ этого надобно было перекрестить и *Макса*, боясь, чтобы онъ не напомнилъ Рускимъ какого нибудь *Максима Меркульга*!

— Списокъ Генераламъ, Штабъ и Оберъ-офицерамъ всей Россійской Арміи, съ показаніемъ чиновъ, фамилій и знаковъ отличія. СПб. 1831 г.

Іюль 1831

7

ль п. Военной Главнаго Штаба, in-8, L, н. 1052
спр.

— *Государственная внѣшняя торговля 1830 года, въ разныхъ ея видахъ.* СПб. 1831 г. in-4, 92 спр.

Два важныя статистическія пособія: первое, для узнанія *военнаго*, второе, *промышленнаго* состоянія Россіи. Мы представили выписки изъ оныхъ въ XI-й и XII-й книжкахъ Телеграфа, въ статьѣ: *Отечественныя извѣстія.*

Тщательность, съ какою составленъ Списокъ военныхъ чиновниковъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Последняго Прапорщика въ гарнизонномъ батальонѣ найдете, безъ всякаго затрудненія, при систематическомъ порядкѣ и подробныхъ реэспрахъ, приложенныхъ къ Списку. Желательно-бы видѣть такую-же исправность и систему въ списокѣ гражданскихъ чиновниковъ, ежегодно издаваемомъ и извѣстномъ подъ именемъ *Адресъ-Календаря.*

Начавшы съ 1824-го года, Виды Торговли совершенствуются въ системѣ и полнотѣ редакціи, съ каждымъ годомъ. Въ 25-ти отдѣленіяхъ сихъ Видовъ, можете за каждый годъ собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія о торговлѣ Россіи съ иностранцами, начиная съ извѣстія о количествѣ всякихъ шоваровъ, привезенныхъ и вывезенныхъ въ теченіе микувшаго года, до именъ торговцевъ, вексельнаго и денежнаго курса, цѣны шоварамъ нашимъ за границую и на главнѣйшихъ Русскихъ биржахъ. Много разъ имѣли мы случай говорить о Видахъ Торговли, и изъявляль искреннее желаніе наше, чшобы такіе ошчесы были издаваемы не ошъ одно-

го Департамента Вѣдшей Торговли. Безъ сихъ пособій, какъ-же узнать намъ наше отечество? А что любишь, то узнаешь желаешь.

— *Одесскій Альманахъ* на 1831 годъ, изд. П. Морозовымъ и М. Розбергомъ. Одесса, 1831 г. въ Городской тип., in-16, IV и 411 стр. съ лиш. порплетомъ Герцога Ришельё, видами: Одесскаго бульвара, пристани Кучукъ-Ламбата, каршою части Крыма, и двумя листочками ношъ.

Хоть-бы въ Петербургѣ издашь такъ красиво *Альманахъ*, какъ издали Гг. Морозовъ и Розбергъ въ Одессѣ. Бумага, печать, рисунки — прекрасные.

Содержаніемъ своимъ, если *Одесскій Альманахъ* не превосходитъ всѣ другіе, на нынѣшній годъ издаваемые, то, по крайней мѣрѣ, не уступитъ ни одному изъ нихъ: такъ много въ немъ спашей хорошихъ, въ стихахъ и прозѣ. Исчислимъ главное.

Историческій взглядъ на Одессу, и Одесса въ 1830 году (П... Морозова), представляютъ намъ въ легкомъ, живомъ разказѣ Исторію и нынѣшнее состояніе Одессы — города, на мѣстѣ коего за 35 лѣтъ стояла Турецкая деревня Хаджибей, и въ кошоромъ теперь считается 4,198 домовъ, почти съ 42,000 жителей, изъ коихъ на 32 человекъ м. п. приходился одинъ учащійся, и на 77 ж. п. одна учащаяся. Дабы судить о торговой дѣятельности, надобно вѣспомнить, что въ прошломъ, весьма невыгодномъ году, въ гавань Одесскую пришло 844, а вышло изъ гавани 945 кораблей, кромѣ 682 кабошажныхъ судовъ пришедшихъ и 730 вышедшихъ.

Одесса есть живое свидѣтельство, что производящъ выгоды торговли и промышленности, въ отношеніи успѣховъ народонаселенія, богатства и образованности. Подробности въ спашь Г-на Морозова отменно любопытны. — *О предполагаемомъ мѣстоположеніи Дианина храма въ Тавридѣ* (И. П. Бларамберга) — археологическія доказательства, что знаменитый храмъ, гдѣ Ифигенія была жрицею, находился близъ Кучукъ-Ламбаша, и что съ горы Аюдага бросали въ море шрупы людей, въ жерсву принесенныхъ. — *Жизнь Говарда* (А. И. Левшина), кромѣ подробностей о жизни сего Винценшія Поля XVIII вѣка, порадовала насъ извѣстіемъ, что намѣреніе соорудить приличный надгробный памятникъ на могилѣ Говарда, приводится въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, стыдно было намъ, когда Англичане воздвигли Говарду великолѣпный кенотафъ въ Лондонѣ, обладая могилею Говарда допускать ее разваливаться, въ тоже время ставя дорогой обелискъ въ память ему въ Херсонѣ. — *Женсва и Кантонъ Женевскій* (ошривокъ изъ пушешествія А. И. Левшина) — панорама маленькаго эшого государства, отчизны Руссо, Боннета, Сисмонди, Соссюра, Декандоля, Дюмона и Нсккера; она показываетъ особенную наблюдательность Автора. Кажется, никто еще такъ хорошо не объяснилъ намъ смѣшной аристокрашіи Женевцевъ, которые, будучи республиканцами, тѣмъ не менѣ помѣшаны на аристократическихъ предразсудкахъ, и сами на себя наложили цѣпи несстерпимыхъ и пустыхъ приличій общественныхъ. — *Письмо изъ Крыма* (В. Г. Тепляко-

ва) можно почешь началомъ Записокъ о поѣздкѣ Автора по Крыму; это начало общаешъ много добраго, хотя желательнѣе-бы видѣшь въ немъ поменѣе фразъ, ни къ чему не ведущихъ. — *Письмо изъ Одессы* (Р***) писано опъ души: это очеркъ дороги опъ Москвы до Одессы. Многя мѣста истинно прекрасны (шаково описаніе перваго впечатлѣнія, производимаго видомъ моря); многя подробности замѣчательны по содержанию (шаковы: свиданіе въ Курскѣ съ необыкновеннымъ человекомъ, самоучкою-астрономомъ, Ѳ. А. Семеновымъ; балъ у Графа М. С. Воронцова; мысли объ Одесскомъ обществѣ, Одесскомъ климатѣ, и проч.).

«Но все это не *Альманатныя* статьи» — скажушь иные читатели, привыкшіе видѣшь въ Альманахахъ повѣсти, сказки, стихи и смѣсь. Кромѣ того, что почти всѣмъ, исчисленнымъ намъ статьямъ, приданъ вообще колоритъ болѣе *изысканный*, нежели *утеный*, Издатели услужили и охотникамъ до статей чисто изящнаго содержанія. *Господинъ и слуга* (А. П. Зоншагъ) — мило рассказанная сказочка о духахъ, въ Нѣмецкомъ народномъ духѣ; *Отрывокъ изъ походныхъ записокъ* (Г-на Пашковскаго) — произведеніе большаго достоинства, цвѣтокъ, показывающій свѣжее воображеніе Автора. Его *Тинка* — созданіе прелестное! Упомянемъ еще о *Турецкихъ пословицахъ*, Г-на Борзенкова, и *Скявской повѣсти* Г-на Шемпковскаго.

Въ *Стихотвореніяхъ*, помѣщенъ большой отрывокъ изъ перевода Мицкевича *Валленрода* (Г-на Вронченки). Походная жизнь, конечно, не допу-

спила этого ошличнаго переводчика обработать отрывокъ надлежащимъ образомъ, но многія мѣста переданы превосходно. Отрывокъ изъ Байронова *Серданапала* (его-же), выдержанъ ошличнымъ образомъ. Можетъ быть, этошь родъ переводовъ и свойственнѣе Г-ну Вронченкѣ, нежели переводъ поэмъ, въ родѣ Валленрода, хотя впрочемъ, какъ мы сказали, и сей переводъ имѣеть также замѣчательныя достоинства (*). Упомянемъ еще о переводѣ Гѣшева Пролога къ Фаусту, А. А. Шишкова 2-го, который прочищаетъ съ удовольствіемъ и послѣ извѣснаго перевода сего-же Пролога А. С. Грибоѣдова.

Кажетси, мы не ошибаемся, утверждая, что въ *Одесскомъ Альманахѣ* много хорошихъ статей въ стихахъ и прозѣ, и что онъ опасный соперникъ всѣмъ другимъ Альманахамъ Русскимъ 1830-го года? Двѣнадцать, тринадцать статей, подобныхъ исчи-

(*) Изъ *Одесскаго Альманаха* узнали мы, что къ спаланпу поэта, Г-нъ Вронченко присоединяетъ еще спаланпъ музыкальный. Прекрасный романсъ, имъ сочиненный и положенный на музыку, приложенъ къ Альманаху Одесскому. Кромѣ сего романса приложена еще къ Альманаху *Татарская пѣсня*; музыка оной сочинена С. А. Бороздиною, и очень счастливо сохраненъ въ ней *Татарскій народный напѣвб*. Слова сей пѣсни (Г-на Теплякова) слишкомъ фигурны. Въ примѣчаніи сказано, что это *переводбъ съ Татарскаго*. Воля Автора — намъ что-то не вѣрицца !!

сленнымъ нами, найдете не во всякомъ Русскомъ Журналѣ, въ цѣлѣй зодѣ, а для *Альманаха*, особливо въ *Одессѣ* изданнаго — это богатство!

Прибавимъ, что сверхъ того въ *Альманахѣ* Одесскомъ можно найдти еще нѣсколько хорошихъ стиховъ Подолинскаго, Ротчева, Шишкова, и проч. Ко всему этому, разумѣется, прилипло еще нѣсколько прозанческой и стихотворной пѣсени разныхъ господъ... — Съ ними нечего дѣлать! Подспавляйте имъ зеркало, доказывайте имъ, какъ угодно, крипикуйте ихъ — они пишушъ вѣчно одно и то же, и все у нихъ старая пѣсня!

Оставимъ сихъ поэтовъ, и лучше обратимъ вниманіе читателей на любопытное стихотвореніе, находящееся въ *Одесскомъ Альманахѣ* — отрывокъ оды Державина, подъ названіемъ: *Человѣкъ*. Кто станеть писать о великомъ поэтѣ Сѣвера, тотъ долженъ разсмотрѣть сей небольшой отрывокъ внимательнѣе. Въ этомъ, ни гдѣ донинѣ не напечатанномъ отрывкѣ, написанномъ въ бытность Державина въ Тамбовѣ, не должно искашь тѣхъ вдохновенныхъ звуковъ, коими гремѣла пошомъ лира Сѣвернаго Барда. Нѣтъ! Здѣсь Державинъ еще робкій ученикъ Ломоносова; въ самомъ порядкѣ стиховъ онъ подражаетъ одной изъ пѣснь Ломоносова (Предложеніе изъ *Іова*). Но уже видѣнъ собсвенный полетъ Державина; еще не сознавшій себя, геній его уже чувсвуетъ свою силу. Видно, что мысль оды Богъ зрѣла уже тогда въ умѣ Державина. Онъ написалъ оду *Человѣкъ*, и, вѣроятно, былъ ею доволенъ, а пошому оставилъ ее; но мысли, даже

выраженія изъ сей Оды можемъ найди въ послѣдовавшихъ за шѣмъ швореніяхъ Державина. Такъ, на примѣръ, въ стихахъ:

Ты спроишь, рушишь, созидаешь,
 Какъ Богъ, всемошною рукой,
 Міры десницею попрысаешь,
 Громами правишь, пишиной;
 Ты мыслью бездны проникаешь,
 Ты персть — и съ перстью исплѣваешь,
 Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ;
 Ты прахъ, пы мощный Энкеладъ!

Замѣчаеше-ли основную мысль превосходной сшрофы:

Я шѣломъ въ прахъ исплѣваю,
 Умомъ громамъ повелѣваю,
 Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ?

Другіе стихи изъ оды *Человѣкъ* найдемъ въ *Видніи Феліцы*. Но главное — Ода *Человѣкъ* была явнымъ зерномъ, изъ коего возрасла попомъ идея Оды *Богъ*. Ода *Человѣкъ* была написана Державинымъ въ 1785-мъ, а Ода *Богъ* не прежде 1793 года, слѣдственню, нѣсколько лѣтъ зрѣла мысль объ ней. Державинъ сказывалъ, что онъ написалъ Оду *Богъ* въ нѣсколько часовъ восторга; вѣримъ, но онъ самъ не понималъ, что въ эти часы восторга слились у него идеи и неясные звуки многихъ годовъ прежней его жизни. Поэшь есть психологическая задача. Благодаримъ Г-дъ Издашелей Одесскаго Альманаха за доставленіе нѣсколькихъ *данныхъ* къ рѣшенію задачи, кошорую, на обыкновенномъ языкѣ человѣческомъ, означаемъ мы словомъ: *Державинъ*.

Но — нѣтъ худа безъ добра, нѣтъ и добра безъ худа! Надобно было и Издашеямъ Одесскаго Альманаха заплашить дань слабостямъ человѣческимъ. Среди прекраснаго цвѣтника ихъ мы нашли одно рѣшишельно негодное растеніе, въ родѣ болиголовъ, или бѣлены. Это спихошворное, или лучше сказать, смѣхошворное произведеніе названо: *Отрывокъ изъ трагедіи Марѳа Посадница!*

Уже нѣсколько времени носится въ заднихъ рядахъ Русскаго Парнасса слухъ объ этой новой шрагедіи. Уже нѣсколько разъ безобразные клочки ея высшавлялись на посмѣшище читашелямъ. Новый шрагикъ щцашельно скрываетъ свое имя. Не проказы-ли это Г-на Орлова? Чего добраго! Не даромъ одинъ изъ Русскихъ Журналовъ — убѣжище оспашковъ Галашей, Московскаго Вѣспника, Вѣспника Европы и Г-на Недоумки — является другомъ Авшора *Дуняшки, Московской междуумогки*, и сердито ошсашиваетъ лишшерашурную его славу. Развѣ не видали мы поэта, кошорый былъ освистанъ всѣми Журналами за плохую поэму, изданную имъ подѣ своимъ именемъ, а пошомъ скрыль себя подѣ именемъ *Трилунаго*, и допущень въ высшую Аристокрашію Русской Лишшерашуры? — Но Господинь-ли Орловъ Авшоръ *Марѳы Посадницы*, или шалишь кшо набудь другой — а эша шрагедія, судя по ошрывкамъ, весьма нелѣпа и безобразна. Въ *Одесскомъ Альманахѣ* помѣщена изъ нея сцена Новгородскаго вѣча. Вся эша сцена состоить изъ брани Новгородцевъ другъ противъ друга. Новгородцы выражающяся ужасными стихами, напримѣръ:

« Во всѣхъ концахъ народъ нашъ закипаетъ...

Ужъ на меня косящся, подзрдевая...

Чѣмъ возьмешь, коли на то пошло ужъ...

На счастье я шамъ переходилъ, и въ шемъ

Прогналъ всѣхъ прогъ...

Вотъ безтолотъ какая!

ошвѣчаетъ другое лицо. Наконецъ дѣйствующія лица начинаютъ ругаться, кричать: «*Распрясемъ ихъ — Поспустимъ жиру — Дратся, дратся — Уймитесь, сорванцы! — Что смотрѣть имъ въ зубы — Шарать, шарать, ребята! — Суньтесь, суньтесь!*». . и все что было на сценѣ, принимается за волосы и за кулаки, а шѣмъ и кончится опрывокъ. — Если это не швореніе Г-на Орлова, то мы не понимаемъ, кто еще грозился на Русскую Липшерашуру новою бѣдою!

— *Котъ Бурмосько*, любимецъ Халифа Аль-Мамума. *Восточная повѣсть*, изданная Васильемъ Ушаковымъ. М. 1831 г. Въ ш. Спенанова, при Театрѣ, in-16, 288 стр., съ заглавнымъ гравир. листкомъ.

Сколько разъ удавалось добрымъ людямъ, шушя, высказывашъ своей собратіи благія истины! Люди не устаютъ однакожъ слушать ихъ, потому что каждый разъ попадаются они на уду шушки, и тогда шолько видятъ истину, когда самолюбіе ихъ спыдился уже признанія, что сначала они не поняли шушки. Г-нъ Ушаковъ сдѣлалъ новый, удачный опытъ въ доказательство нашихъ словъ. Его волшебный Бурмосько — страхъ и ужасъ взяпочниковъ—судей, невѣждъ—вельможъ и ханжей—шариковъ, ешь добрый урокъ не однимъ подданнымъ

Халифа Алъ-Мамума, но и современникамъ нашимъ, Арабскимъ и Алжирскимъ судьямъ, вельможамъ и старикамъ. Нѣкошорые поршрешы, спрахъ какъ сбиваются на знакомыя намъ (по описаніямъ путешественниковъ) рожи Сапраповъ, Шейковъ и Кадіевъ! Впрочемъ, не станемъ угадывать и разгадывать шайнъ Автора. Онъ увѣряетъ, что сказку о Кошѣ-Бурмосѣкѣ рассказывала ему бабушка одного изъ его знакомыхъ. Можемъ увѣришь нашихъ читателей, что рассказъ зашѣйливой бабушки доставитъ имъ чтеніе пріятное, и — не безъ пользы; а если кто ошъ него поморщится. — шѣмъ лучше!

— *Полная Нѣмецкая Грамматика*, содержащая въ себѣ: произведеніе, сочиненіе и правописаніе словъ, *расположенная на Нѣмецкомъ и Россійскомъ языкахъ*, по руководству Геинзіуса, Аделунга, Гейдеке, Шлишпергарба, Гейзе, и другихъ, съ дополненіемъ, заключающимъ въ себѣ: собраніе *самонужнѣйшихъ* существительныхъ и прилагательныхъ именъ и глаголовъ; *употребительнѣйшіе* въ общешій разговоры, *много* нравоучительныхъ анекдотовъ, басенъ и повѣстей, почерпнушихъ изъ лучшихъ писателей, для упражненія въ переводахъ съ Нѣмецкаго на Россійской, и съ Россійскаго на Нѣмецкій языкъ. Въ 4-хъ частяхъ. М. 1831 г. въ ш. Университ. in-8, 280 стр.

Видна пипада по полету, а книга, хошя и не всегда, по заглавію. Спранно, что въ этой Нѣмецкой Грамматикѣ мы не могли отыскать *трехъ* первыхъ частей. Сначала идешь Грамматика Нѣмецкая, *безъ раздѣленія на части*, и вдругъ — на

156-й страниць является листочикъ, съ новымъ шишудомъ: *Дополненіе къ Нѣмецкой Грамматикѣ* (ш. е. собраніе разговоровъ, вокабуль, и проч.), *часть четвертая!* Впрочемъ — не все ли равно для чашателей: *четыре части*, или *одна часть*, копорую веляшь счищать *за четыре?*

— *Избранныя герты изъ Исторіи государства Россійскаго*, содержащія въ себѣ характеристическіе анекдоты, отъ Рюрика до нашихъ временъ; равнымъ образомъ: важныя Историческія событія; разныхъ вѣковъ различные обряды; въ замѣчаніяхъ, крашкую Хронологическую Исторію Россіи, и сокращенныя біографіи ошличныхъ мужей, прошедшаго и нынѣшняго вѣковъ. Заимствованы, частію изъ Н. М. Карамзина, частію изъ другихъ Историковъ, а частію переведенныя съ иностранныхъ писателей, И. Гурьяновымъ. 4 части. М. 1831 г. въ ш. Унив., in-8, 100, 89, 109 и 88 стр.

Историческій сборникъ, въ родѣ, такъ называемыхъ, *красотъ, духовъ, картинъ* Исторіи шого или другаго государства.

— *Американскій Пуританинъ*, или долина Вистон-Вигская. Соч. Фенимора Купера. Пер. съ Французскаго, 4 части. М. 1831 г., въ ш. Н. Степанова, при Театрѣ, in-12, 212, 226, 248 и 210 стр.

— *Похожденія Мирзы Хаджи-Бабы Исфагани*, въ Персіи и Турціи, или Персидскій Жилбазъ. Соч. Морьера; пер. съ Англійскаго, 4 части. СПб. 1831 г., въ ш. Смирдина и Глазунова, in-12, IV, 287, 275, 316 и 308 стр.

Два превосходныя произведенія новыхъ романшювъ Европейскихъ, изъ коихъ *первое* передано по Русски довольно плохо и неопришно, а *второе* довольно хорошо, но, не понимаемъ почему, съ выпусками, перемѣнами и измѣненіями, лишившими его во многихъ мѣстахъ оригинальности и многихъ прелестныхъ подробностей, коими осплещается Англійскій подлинникъ. Неужели чья нибудь щекотливость была этому причиною? Но кто-же не знаетъ, что въ романѣ говорять и дѣйствуютъ *Персіанцы*? Неужели на нихъ спалъ-бы кто нибудь сердиться?

Романъ Купера совсѣмъ не подражаніе *Шотландскимъ Пуританамъ*, В. Скопша, какъ иной чиншатель подумалъ-бы, судя по названію Куперова романа. Названіе: *le Puritain d'Amérique*, далъ ему Французскій Переводчикъ. Куперъ назвалъ свой романъ просто: *Обитатели границь, или долина Вишъ-тонъ-Вишъ* (*Wish-ton-Wish*, что по-Русски превратилось въ *Вишъ-Тонъ-Вишъ*). Герой романа, *Mark Heathcote*, совсѣмъ и не былъ Пуританинъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ *Семейниковъ* или *Минтелей*, кошорые не признавали внѣшней Церкви, и молились отдѣльно, каждый въ своемъ семействѣ. Въ 1643 году выгнали нѣсколько сихъ раскольниковъ изъ Новой Англій, и они поселились на оспровѣ, въ заливѣ Наррагансетскомъ. Это было началомъ нынѣшней обласши Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ — *Роде-Исландъ*. Заселеніе Роде-Исланда сосшавляетъ содержаніе романа Куперова, изданнаго имъ въ 1829 году, и нынѣ явившагося въ Русскомъ переводѣ.

Намъ кажется, что это одинъ изъ лучшихъ ро-

мановъ Куперовыхъ. Онъ издалъ ихъ донынѣ около десяти. Всѣ они могутъ раздѣлены бытъ на три рода: одни, по содержанию своему, относятся къ заселенію Сѣверныхъ Американскихъ областей и борьбѣ Европейцевъ съ дикими шутемцами Америки (*Пионеры, Степи, Последний Могиканъ*); другіе къ борьбѣ Сѣверной Америки съ Англіею (*Шпионъ, Лионель Линкольнъ*); третіи къ жизни Американскихъ моряковъ и походамъ на морѣ (*Красный Корсаръ, Лоцманъ, Пѣвитель моря*). Американскій *Пуританинъ* принадлежишь къ первому изъ сихъ трехъ родовъ. Тутъ являющагося сопротивленіе независимости Американскихъ шутемцевъ Европейцамъ, и столкновение пороковъ и добродѣтелей Европы XVII-го вѣка съ пороками и добродѣтелями дикой природы обитателей Америки. Христіанскій, суровый спонцизмъ Европейскихъ героевъ романа, живописныя сцены и картины природы Американской, при искusstвѣ Купера, при одушевленіи, какимъ исполнено его швореніе — превосходны!

Еще въ 1827 году, мы говорили чашапелямъ нашимъ о походахъ Хаджи-Бабы, и даже предшавили имъ въ Телеграфѣ отрывки изъ этого Азіятскаго Жилблаза. Долгое время живши въ Персіи, Морьеръ, Авшоръ Хаджи-Бабы, употребилъ романтическую раму, для того, чтобы вшавить въ нее свои очерки и наблюденія. Совершенно зная нравы, обычаи, мнѣнія, образъ мыслей, понятія Персіанъ о всѣхъ предметахъ, Морьеръ предшавляешъ намъ картину полную и превосходную. Разумѣется, что романъ, какъ и во всѣхъ Жилблазахъ, начиная съ

прадѣдушки ихъ Саншилланы, здѣсь только одна придирка, чтобы связать разнообразныя сцены. Хаджи-Баба ѣздишь, ходишь, женишься, нищенствуетъ, плутуешь, становишься значительнымъ человѣкомъ, и — вездѣ не онъ, а Персія, и Персіяне всѣхъ званій, отъ Шаха до послѣдняго нищаго Курда, составляютъ главный предметъ Авшора.

Такія книги, если онѣ писаны знашоками, имѣюшь предметомъ не только *Изящное*, но и *Полезное*. Ни какая Спампспика и Географія не покажутъ намъ такъ ясно Персію, какъ показываетъ ее романъ Морьера. Прибавимъ, что и въ отношеніи *изящной обдѣлки*, Морьеръ является большимъ мастеромъ. Комическое и прогашельное въ его Персидскомъ Жилбазѣ доведено до такой степени, что не льзя невольно не смѣяться при изображеніяхъ смѣшнаго, и не быть пронушымъ въ шѣхъ мѣсахъ, гдѣ Авшоръ говоришь сердцу читателей.

ОБЪ УМЕНЬШЕНИИ

ЗОЛОТА И СЕРЕБРА ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ, И О ДѢЙСТВІИ,
КАКОЕ ДОЛЖНО ОТЪ СЕГО ПРОИЗойДИТИ НА БЛАГОСО-
СТОЯНІЕ НАРОДОВЪ И ТОРГОВЛЮ (*).

Произведенія золошыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Европѣ сдѣлались менѣе обильны въ эпоху открытія Америки. Количество драгоцѣнныхъ металловъ, бывшихъ въ обращеніи въ то время, не увеличилось послѣ завоеванія Мексики въ 1529 году, ни послѣ завоеванія Перу въ 1533 году. Только тогда, какъ Помозскіе рудники начали разрабатываться, съ 1545-го, а особливо послѣ начала работы въ рудникахъ Гуанахуапоскихъ, въ 1556 году, сокровища Нового Свѣта разлились въ Старомъ, и въ такомъ обилии, что произвели дѣйствіе замѣшное. Въ Англіи, это дѣйствіе явно было по возвышенію продажной цѣны разныхъ товаровъ, въ послѣдней четверти XVI-го вѣка. Въ половинѣ XVII-го столѣтія, относительная цѣна драгоцѣнныхъ металловъ упала на четверть противъ того, какою была она до открытія Америки, и цѣна разныхъ предметовъ употребленія учешверилась.

Одинъ ученый путешественникъ полагалъ ежегодное полученіе сокровищъ изъ Америки въ Европу,

(*) Спашья изъ *Quarterly Review*, переведенная въ *Revue Britannique*. Мы сохранили при ней примѣчанія Французскаго переводчика. *Изд. Тел.*

между 1546-мъ и 1600 годами, въ 11 милльоновъ піаспровъ ежегодно (58,300,000 франковъ), а между 1600-мъ и 1700 годами, въ 16 милльоновъ піаспровъ ежегодно (84,800,000 фр.). Умноженіе ихъ постепенно возрастало, и съ 1700-го по 1750-й годъ надобно полагать, среднимъ числомъ, ежегодное полученіе въ Европу изъ Америки золота и серебра въ 22½ милльона піаспровъ (119,250,000 фр.). Но требованіе возрастало въ соразмѣрной пропорціи. Адамъ Смишъ весьма удовлетворительно доказалъ, что упадокъ цѣнности (dépréciation) драгоцѣнныхъ металловъ остановился между 1640-мъ и 1775 годомъ, и что цѣны различныхъ товаровъ не только были почти неизмѣнны въ сей періодъ, но еще была склонность къ пониженію оныхъ (*).

(*) Намъ кажется, что причины сего изъяснить не трудно. Если, съ одной стороны, количество драгоцѣнныхъ металловъ безпрестанно увеличивалось въ Старомъ Свѣтѣ, то и произведенія промышленности прибавлялись не мѣнѣе быстрымъ образомъ, вслѣдствіе механическихъ усовершенствованій, которыя начинала принимать болѣе и болѣе промышленность мануфактурная. Кромѣ того, многія земли, допослѣ не бывшія въ числѣ поребителей, напримѣръ: Россія, мало по малу вступали въ кругъ Европейской образованности, и требовали отъ западной Европы драгоцѣнныхъ металловъ, въ обмѣнъ за свои произведенія. Наконецъ, золото и серебро, огромными количествами, было вывозимо въ Индію, ибо Англичане не умѣли еще тогда замѣнять его своими собственными.

Съ сей эпохи, вслѣдствіе обилія произведеній
нѣкошорыхъ прежнихъ рудниковъ, и открытія

издѣліями, а напрошивъ сами вывозили съ береговъ
Инда и Ганга бумажныя шкани, кошорыя—по спранны-
му обороту дѣль — возящъ пеперь въ Индію, въ ве-
личайшемъ множествѣ. Драгоценныя металлы непре-
мѣняемо теряли свою цѣнность въ Индіи, ибо, одна-
жды ввезенныя шуда, они навсегда шамъ оспавались.
Еще при Траянѣ, по свидѣтельству Плинія, Римляне
принуждены были прекратить свою торговлю съ Ин-
діею, попому, что кромѣ драгоценныхъ металловъ
шуда нечего было возить, а накопленіе шамъ драго-
цѣнныхъ металловъ болѣе и болѣе понижало ихъ цѣн-
ность. Но чего не могъ никто и ничѣмъ отвратить,
по сдѣлала Великобританія, вспушивъ въ соперниче-
ство съ промышленностью Индіи, и побѣдивъ ее, при
посредствѣ паровыхъ машинъ и удивительныхъ сна-
рядовъ Ватша и Арквейша. Она переворопила весь
балансъ Индійской торговли, и ввозитъ пеперь въ
Индію, ежегодно, на 30 милліоновъ франковъ однѣхъ
бумажныхъ шкачей своихъ. Впрочемъ, кажется, что
Индія вскорѣ уничтожитъ выгоды временной побѣды.
Тамъ открыли пеперь богатѣйшіе рудники землянаго
угля, и уже везуть шуда паровыя машины, чтобы
ввести Европейское мануфактурное производство. Съ
Бенгальскою бумагою подъ руками, съ Европейскими
машинами въ мастерскихъ, и при дешевой цѣнѣ ра-
ботниковъ, Индійскіе фабриканты рѣшительно дол-
жны побѣдить Англійскихъ, и сбытъ Манчестер-
скихъ и Глазговскихъ издѣлій, по крайней мѣрѣ, въ
Азіи, мы увидимъ сильно упадающимъ, въ самомъ
непродолжительномъ времени. *Прил. Франц. Пер.*

новѣхъ — Гвалкайаскаго въ Перу, и Каторскаго въ Мексикѣ, также другихъ обшюпельствъ, возбуждавшихъ сію вѣтвь промышленности въ Америкѣ, общность произведенія серебра и золота значительна усилилась. Ежегодный привозъ Американскаго серебра и золота въ Европу, съ 1751-го по 1800-й годъ счисляющъ въ 35 милліоновъ піаспрровъ (185,500,000 фр.). Достоверно можно полагать, что въ началѣ нашего столѣтія, ежегодное произведеніе рудниковъ различныхъ странъ Америки было слѣдующее (счисляя піаспрами):

Мексика	23,000,000
Перу	6,240,000
Буэносъ-Айресь	4,850,000
Хили	2,060,000
Новая Гренада	2,990,000
Бразилія	4,360,000

Всего 43½ милл. піаспр. (230,550,000 фр.)

Послѣ шого, какъ дѣланъ былъ сей вычепъ, Мексика еще болѣе усилила выработку золота и серебра. Среднимъ числомъ, съ 1800-го по 1810-й годъ, онъ простирался ежегодно до 22,564,722 піаспрровъ (119,593,026 фр.). Присовокупивъ *шестую* долю на незаписанное у Правительсва произведеніе металловъ (и эшо, конечно, небольшая мѣра), можемъ оцѣнить производсво Мексиканскихъ рудниковъ въ 27 милл. піаспрровъ ежегодно, а общую сложность произведенія рудниковъ Новаго Свѣта, каждый годъ, до 1810-го, въ 47 милл. піаспрровъ (249,100,000 фр.). Въ шожее время, какъ быспро увеличивалось

произведеніе мешалловъ, системы кредитовъ, банковъ, бумажныхъ денегъ, шли въ гору, безпримѣрно противъ прежнихъ временъ. Отъ сего произошло, что въ теченіе продолжительнаго періода, съ 1775-го по 1810-й годъ, цѣны товаровъ начали повышаться.

Вліяніе такого порядка дѣлъ на Великобританію, кажется, донынѣ было худо наблюдаемо. Въ началѣ онаго, мануфактурная промышленность Британская показала безмѣрные развитія дѣйствіи, изумляющія свѣтъ. Въ 1767 году Гаргривъ изобрѣлъ машину *женни*; въ томъ-же году Арквейшъ упростилъ свои удивительныя прядильныя машины; въ слѣдующій годъ, Ваттъ получилъ привилегію на паровую машину. Благопріятствуемая увеличеніемъ цѣнъ, означавшихъ сію памятную эпоху, и поддерживавшихся потомъ въ теченіе сорока лѣтъ, не только всѣ сіи удивительныя изобрѣтенія, но и всякое промышленное и торговое предпріятіе, веденное съ нѣкошорымъ благоразуміемъ, успѣвали выше всякаго ожиданія. Такіе постоянныя, и иногда изумительныя успѣхи, создали и укрѣпили духъ предпріимчивости — главную причину высокаго благосостоянія, торговаго и промышленнаго, коего достигла Англія.

Большею частію въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ сего періода были ведены войны, начавшыя Французскою Революціею. Сіи войны еще болѣе усилили дѣйствіе непрерывно возрасшавшаго обилія драгоценныхъ мешалловъ, распространявшагося кредита, и развитія системы бумажныхъ денегъ,

способствуя также возвышенію продажной цѣны шоваровъ.

Tolluntur in altum

Ut lapsu graviore ruant.

Съ 1810-го года начались волненія въ Испанской Америкѣ. Начало ихъ всего сильнѣе было въ обла- стяхъ, гдѣ разрабатывающіяся рудники драгоценныхъ металловъ; многіе изъ богатѣйшихъ рудниковъ бы- ли тогда-же преданы опустѣнію и залиты во- дою, ибо никто имъ не занимался. Отъ сего по- слѣдовало, что произведеніе драгоценныхъ метал- ловъ вдругъ уменьшилось *деумя третими* прошивъ прежняго.

Мы одолжены Г-ну Варду (умѣвшему воспользо- ваться средствами, какія давало ему званіе Англій- скаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, въ Мексикѣ, съ 1825- го по 1827-й годъ) выводами о количествѣ произ- веденія Мексиканскихъ рудниковъ съ 1810-го года, болѣе вѣрными, нежели выводы о всѣхъ другихъ руд- никахъ Южной Америки.

піастры.

По счету Г-на Варда, количество монеты, выбитой въ Мексиканскомъ мон. дворѣ, и въ 6-ти областныхъ съ 1811 по 1826 г. простиралось до . . .	168,297,400
Въ Мексико, съ 1826 по 1829 годъ . . .	5,700,853
Въ чешырехъ областяхъ, гдѣ били монету въ сіи два года (1827, 1828) . . .	6,001,747
<hr/>	
И шого, въ 18 лѣтъ, съ 1811-го по 1829-й, всего	180,000,000
Средняя годовая сложность	10,000,000

Если, дабы достигнуть вывода болѣе шочнаго, надобно съ одной стороны прибавить къ означенной суммѣ 1,000,000 піаспровъ (5,300,000 франковъ) мешалла, незаписаннаго у Правительства, то, съ другой стороны не должно шеряшь изъ вида, что не все золото и серебро, перебишее въ сіе время въ монешу, было непосредственнаго произведеніе рудниковъ. Золото и серебро изъ церквей и изъ частныхъ домовъ несли на монешные дворы во все сіе время, и эпошъ новый источникъ приращенія мешалла въ монешъ, конечно должно оцѣнить не менѣе мильона піаспровъ въ годъ, что вознаграждается въ ишогахъ ушайку при разработкѣ мешалловъ. И это еще не все. Суммы, полученныя по первому Мексиканскому займу, при посредствѣ Англійскаго Общества Мексиканскихъ рудниковъ, надобно положить въ 2 мильона піаспровъ. Наконецъ, монеша, бияшая съ 1811-го по 1821-й годъ, была столь низкой пробы, что ее принимаютъ шолько съ вычетомъ, ошъ 15 до 20 проценшовъ. Слѣдственна: болѣе 10,000,000 піаспровъ не лзя оцѣнять средняго количества ежегоднаго вышода драгоценныхъ мешалловъ въ Мексикѣ, съ 1810 года.

Что касается до ежегоднаго произведенія другихъ земель Южной Америки, то вошъ вычетъ, сдѣланный Г-мъ Якобомъ (сумма исчисляется піаспрами):

Перу	2,000,000
буэносъ-Айресь	1,500,000
Хили	800,000
Новая Гренада	2,000,000
Бразилія	1,736,000

Всего 8,036,000

Годовую сложность выхода металловъ въ Перу, по замѣчанію Г-на Якоба, должно считать только предположительною. Съ 1811-го года, разработка многихъ рудниковъ была тамъ оставлена, и произведеніе рудниковъ Паскоскихъ, съ 1752-го по 1801-й годъ, проспировавшееся за 2,000,000 п. ежегодно, въ послѣднее время было весьма слабо. Области Буэносъ-Айресскія сдѣлались позорищемъ опустошительныхъ войнъ съ 1810 года, особливо тѣ, гдѣ находились рудники. Когда Пюиредонъ, въ 1811-мъ году, былъ провозглашенъ главнымъ Диктаторомъ республики, и завладѣлъ Пазомъ и Пошозою, тамъ не было разрабатываемъ ни одинъ рудникъ!

Изъ числа ста шестидесяти двухъ рудныхъ мѣльницъ (*ingenios*), которыя, въ періодъ цвѣтущей разработки Пошозскихъ рудниковъ, были непрерывно заняты, только 12 работало въ 1826 году (по извѣстіямъ Капитана Андрыуса). Народонаселеніе города, отъ 130,000, уменьшилось тогда до 9,000. Ужасный признакъ бѣдствій, испытанныхъ тамошнюю несчастною страню! Другой путешественникъ рассказываетъ намъ, что въ одной области, изъ 40 *ingenios*, бывшихъ въ непрерывномъ дѣйствіи, за нѣсколько лѣтъ до революціи, и производившихъ еженедѣльною сложностью, по малому размѣру, 8,000 маркъ серебра (около $3\frac{1}{2}$ миллионъ пиастръ въ годъ), только 15 оставались въ дѣйствіи, и производили въ недѣлю не болѣе $1\frac{1}{2}$ тысячъ маркъ (около 663,000 п. въ годъ). По извѣстіямъ Генерала Миллера, въ 1810-мъ и 1811-мъ годахъ Пошозскій монетный дворъ выбивалъ въ годъ монеты не болѣе,

какъ на полъ-милльона піаспровъ. Въ 1826 году сдѣ-
 лалось приращеніе въ произведеніи мешалловъ, и
 Пошозскій Банкъ купилъ изъ рудниковъ Пошози,
 Португалепше и Чапайанша чистаго серебра (plata
 репа) 177,127 маркъ (почти $1\frac{1}{2}$ милльона п.).

По новѣйшимъ извѣстіямъ, сообщеннымъ Г-мъ
 Міерсомъ, годовой выходъ Хилійскихъ рудниковъ
 уменьшался до 200 пысячь піаспровъ, и количество
 выбиваемой монеты, въ 1827 году простиравшееся
 до 1,163,283 п., составляло въ 1824 году не болѣе
 193,000.

Изъ ошчета, предъставленнаго Конгрессу Испол-
 нительнымъ Правительствомъ Новой Гренады, яв-
 ствуешь, что разработка рудниковъ, вновь нача-
 шая въ 1822 году, доставила въ сей годъ не болѣе
 1,270,000 піаспровъ.

Въ Бразиліи, по извѣстіямъ Гумбольдта, коли-
 чество золота, съ котораго плашили *плитну* (quinto),
 съ 1811-го по 1825-й годъ простиралось только до
 755,000 піаспровъ; къ сему должно еще присовоку-
 пить четыре пятыхъ, съ коихъ ничею не плашили.
 Потомъ было сильное уменьшеніе, и, по извѣсті-
 ямъ Барона Ешвега, выходъ 1824 года, и съ неза-
 писаннымъ золошомъ, должно полагать только въ
 136,000 піаспровъ. Г-нъ Вальшъ говоритъ, что по-
 шлина съ золоша, заплаченная въ Casa da Fundação
 da Sabara, въ послѣдніе три мѣсяца 1825 года, со-
 ставляла всего *одну* унцію, и что цѣнность всего
 золоша, добытаго въ Comarca de Rios das Mortes
 въ 1827 году, не превышала 104,000 п. — За 1828-й
 годъ, оцѣняешь онъ однакожь произведеніе въ 5,200

маркъ , или 680,000 піаспровъ. Успѣхи въ разработкѣ Гонгосотоскихъ рудниковъ, Императорскимъ Бразильскимъ Обществомъ, прибавили еще 7,664 ф. золота къ выработкѣ трехъ послѣднихъ лѣтъ. По соображеніи всѣхъ сихъ данныхъ, можно оцѣнить ежегодное произведеніе Бразильскихъ рудниковъ, съ 1811 по 1821-й годъ въ 1,350,000 п., съ 1822 по 1826-й въ 400,000 , а за три послѣдніе года въ 1,000,000 піаспровъ; средняя сумма будетъ, за прошедшіе 18-ть лѣтъ , 1,240,000 п.

Составляя свою таблицу, Г-нъ Якобъ руководствовался свѣдѣніями, какія были ему особенно доставлены, и шѣми, какія нашлъ онъ въ извѣстіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. Но онъ полагаетъ однакожъ , по спрогому разсмотрѣніи , что ишогу, имъ представленный , слишкомъ великъ, и думаетъ, что рѣшительно должно свести на 12,000,000 піаспровъ все годовое произведеніе рудниковъ Южной Америки, включая сюда и Мексику; сія послѣдняя можеть почеспья здѣсь въ 8-мь, а вся остальная Южная Америка въ 4 милльона. Намъ кажется сіе предположительное исчисленіе довольно вѣрнымъ, и если, принявъ въ усмошрѣніе, что въ послѣдніе годы произведеніе мешалловъ вновь усплилось, мы положимъ выходъ ежегодный въ Мексику въ 10, а въ другихъ частяхъ Америки въ 5 милльоновъ піаспровъ , то средняя сумма съ 1810 года предшавишь 15 милльоновъ , то есть: *двумя третями* менѣе пропшявъ того, что выходило до 1810 года!

Цѣнность ежегоднаго произведенія серебра и золота въ Европѣ и въ Сѣверной Азіи, въ началѣ

ХІХ-го столѣтія полагаѣи въ 4,000,000 піаспрровъ (21,200,000 франковъ). Не говоря о маленькомъ приращеніи (около 6,000 маркъ) серебра въ рудникахъ Саксонскихъ, съ 1810 года мы находимъ приращеніе только въ рудникахъ Россіи. До 1810 года, ежегодное произведеніе золота на Уралѣ ограничивалось 20-ю пудами; съ 1818-го по 1823-й годъ возвысилось оно до 50 пудовъ, а съ 1824-го до 1829 года возрасло до 250 пудовъ. Въ сложность, производство драгоцѣнныхъ металловъ въ Россіи, съ 1704-го по 1829-й годъ составляешь — 1,726 пудовъ золота и 61,000 пудовъ серебра. Въ 1823 году надобно полагать его въ 318 пудовъ золота и 1,093 пуда серебра. Кажется, безъ ошибки можно оцѣнить въ 5,000,000 піаспрровъ (26,500,000 фр.) общность произведенія рудниковъ Европы и Россіи Азіяской, то есть, въ *треть* того, что нынѣ производишь Америка. И это будетъ самый высокій учетъ, котораго выгоды принадлежать почти исключительно одной Россіи (*).

По вычесамъ Г-на Кравфорда, надобно полагать въ 2,980,000 піаспрровъ (15,794,000 фр.) ежегодное произведеніе золота въ Борнео, Суматрѣ, и во всей осальной части Азіи, доступной Европейцамъ.

Произведеніе Сенегамбіи, Гвинси, и вообще Африканскихъ береговъ, оцѣняюшь въ 1,000,000 піас-

(*) Для соображенія сихъ извѣстій, см. далѣе, спашью о добываніи золота и платины въ Россіи (Отечественныя извѣстія). *Изд. Тел.*

провъ. — О произведеніи драгоцѣнныхъ металловъ во внутренней Африкѣ, Средней Азій, Тункинѣ, Киптаѣ и Японіи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Слѣдственно: ежегодную общую сложность произведенія драгоцѣнныхъ металловъ, ш. е. серебра и золота, въ цѣломъ мірѣ, можно опредѣлить слѣдующими суммами (счишая на піаспры:)

	до 1810 г.	послѣ 1810 г.
Европа и Сѣв. Азія .	4,000,000 —	5,000,000
Вост. Азійскій Архипел.	2,980,000 —	2,980,000
Африка	1,000,000 —	1,000,000
Америка	47,000,000 —	15,000,000
	<hr/>	
	54,980,000 —	23,980,000
Счишая франками . . .	251,394,000 —	127,094,000

(До слѣд. книжки).

П И С Ь М О

МОРСКАГО ОФИЦЕРА КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТЕЛЕГРАФА.

Исполняя желаніе ваше, излагаю письменно то, о чемъ говорили мы съ вами на сихъ дняхъ — помните: о значеніи слова: *кляузъ*, находящагося въ старинныхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ. Но мнѣ, прежде всего, надобно начашь извиненіемъ.

Многіе морскіе чиновники имѣють шепради, замѣчая въ нихъ все, что видѣли они, дома и за границую. Тешради сіи часто бывають очень любопытны. Другіе ведутъ не менше интересныя записки обо всемъ, что происходитъ въ томъ кругѣ дѣятельности, къ которому они принадлежать. Мнѣ случилось читать нѣкоторыя сказы *Кронштатскаго Пустынника* (задолго до появленія въ нашей публикѣ *Пустынниковъ* иноземныхъ): увѣряю васъ, что въ сихъ сказкахъ найдете вы весьма интересныя событія прошедшаго столѣтія и доселѣ гадательные случаи въ Исторіи флота; найдете и новыя картины. Если вамъ угодно и (важное условіе) если Авторъ согласится, то къ вамъ будутъ доставлены нѣкоторыя сказы (*).

(*) Любезный морякъ весьма обяжетъ меня, попросить о доставленіи въ Телеграфъ, хотя небольшихъ

Къ стыду моему, я не принадлежу къ числу такихъ дѣшелейныхъ людей: принимался подражать имъ, но безъ успѣха. По дружбѣ нѣкоторыхъ товарищей, читаю ихъ записки, и утѣшаюсь, встрѣчая иногда въ оныхъ собственныя мысли. Мнѣнія о словѣ: *кляузъ*, сообщаемыя вамъ шеперь, по желанію вашему, почерпнушы мною изъ подобныхъ источниковъ, о которыхъ не должно заключать невыгодно, если въ моемъ описаніи и встрѣшите въ что-либо несообразное, ибо онъ челоуѣка затѣжато, не имѣющаго для повѣрки пособій, какія могли бы имѣть дома, и пишущаго на память, почти должно ожидать промаха! За всѣмъ тѣмъ, желаю обратитъ вниманіе ваше на предметы, могущіе ускользнуть изъ вида, и принимаюсь за перо. Исслѣдованіе ихъ, можетъ быть, не стоить и труда вашего, но оно ознакомитъ васъ съ источниками, которые не повсе ничтожны. Еще разъ прошу снисхожденія, и обращаюсь къ моему предмету.

Россія, заимствовавъ отъ Западныхъ народовъ просвѣщеніе, обычаи, нравы, заимствовала и самыя названія многихъ вещей, введенныхъ въ употребленіе. Отъ того номенклатура военныхъ и коммерческихъ судовъ Русскихъ, и самая архитектура оныхъ, тѣ-же, какія находимъ въ судахъ другихъ державъ. Но отъ чего произошло нѣкоторое сходство названій иностранныхъ судовъ съ нашими

опрыжковъ, которые напечатано съ большою благодарностію. *Изд. Тел.*

рѣчными, издревле плавающими по рѣкамъ, внутри Россіи прѣтекающимъ? Не должно оставлять безъ вниманія слѣдующихъ словъ, напримеръ: *barque*, *bark* — *барка*; *lighter* (*), *ledeship* — *лодка*, рыбацья и для груза; *grames*, *gram* — *паромъ*; *coqris*, *korbis* (кузовъ, судно безъ мачтъ) — *карбасъ*, плавающей по Бѣломорской системѣ водъ (*couibes*, въ Нормандіи, и образомъ строенія подобенъ карбасу (**)); *shallop*, *shallowness-boat*, суда, употребляемыя на мѣлководіяхъ — нашъ *гѣльнъ* (*товнъ*, на Днѣпрѣ, есть однодеревка, надстроенная до 4-хъ аршинъ въ высоту); *sholing* — *пригаль*, пристань, или мѣсто, гдѣ лодкамъ удобно сподать; *ketch* — *кога* (*ковга*, говоряшь, происходитъ отъ *ковтега*?!); *retten-schiff*, *rettschiff*, старинная военная лодка — наша *расшива*.

Вы подумаете, что такимъ приноровленіемъ *ладья* обращаются въ *лайбы*, а корабли въ *caravelle*; но вошь примѣры, взятые, такъ сказать, съ самой природы: спросите солдата, бывшаго въ Пруссіи, или на сѣверныхъ берегахъ Германіи: какъ шамъ называютъ военныя суда? Услышите: *Расшива* — (*Kriegs-schiff*). Спросите у матроза, корабль кошораго чинился въ Англійскомъ доктъ: гдѣ онъ жилъ въ то время? « На *расшивѣ* (*Receiving ship*), на *блокшивѣ* » — (*black*, *block-ship*), или, вообще скажете: « На *ахлынь*. » Спросите: почему чужая военная лодка, одной конструкціи съ нашею, на-

(*) Gh не выговаривается.

(**) И въ Сибири. *Изд. Тел.*

зывается *рашивою*? «Ошвѣтитъ: Ребяша сказывали, что она похожа на шаринную ладью» (произнося: *старинную*, букву и онъ распрянешь, выражая тѣмъ давнопрошедшее время).

Основываясь на разсказѣ семъ, сохранившемся между ими, и на сходствѣ звуковъ, не можно-ли заключить, что *расшива* есть шаринная Германская *Rettschiff*?

Если слово: *корабль*, и происходитъ отъ глагола: *коробить*, то отъ чего-же простой народъ въ Голландіи и Норвегіи иногда (какъ замѣтили нѣкоторые офицеры) парусныя суда называетъ: *крабли*?

Оставимъ безъ изслѣдованія *будару*, *стругъ*, *каторгу*, и другія рѣчныя суда, и замѣтимъ, что прежде упомянутыя названія пождественны со звуками сѣверныхъ народовъ, исключая *ахлыни*: это слово, можешь бышь, зашло съ юга, ибо въ Греціи небольшое военное судно называлось: *Хеландія*.

Послѣ сего не можно-ли предположить, что предки наши, названія судовъ приняли отъ Нордманновъ, передавшихъ оныя и народамъ Франціи, Англіи, Германіи, между коими они также водворились? Альфредъ Великій и Карлъ Великій, вынуждены были учреждать собственныя морскія силы отъ набѣговъ Нордманнскихъ, и держали на жалованьъ вапаги сихъ удалцовъ. Наши лѣтописи не ранѣ половины IX-го вѣка упоминають о появленіи сихъ отважныхъ мореходцевъ между Славянскими племенами; должно-ли изъ сего заключать, что Нордманны, уже три вѣка громившіе запад-

ную Европу, оставаясь дошолъ спокойною нашу древнюю ошчину?

Изъ лѣтописей Скандинавскихъ видно, что мореходцы ея, въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х., имѣли сообщеніе съ прибрежными народами Каспійскаго и Чернаго морей, будто-бы по водамъ, значительно покрывавшимъ нынѣшнюю Европейскую Россію. Ошкинувъ послѣднее, какъ неимовѣрное, можно вѣрить, что Скандинавы имѣли плаваніе по великимъ рѣкамъ, въ поминушья моря вливающимся, за долго до перваго о семъ сказанія нашихъ лѣтописей. Народы, населявшіе тогда Россію, вели жизнь кочевую; при переселеніяхъ, рѣки переходили они по льду, въ бродъ, или вплавъ, имущество-же переправляли на плахахъ. При первой осядлости, не должны-ли они были заимствовать употребленіе судовъ, и названія оныхъ, отъ пришлецовъ, учреждавшихъ на рѣкахъ припоны, и самыя городки срубавшихъ по берегамъ?

Съ 860-го года Варяго-Руссы рѣшительно покорили Ильменскихъ Славянъ, и въ 20 лѣтъ шакъ прочно утвердили свое господство надъ ними, что отразилось на морское предпріятіе: они, на судахъ своихъ, чрезъ Ловашъ, проникнули въ Днѣпръ, поработили Кіевскихъ Славянъ, и чрезъ другія 20 лѣтъ, разгромивъ селенія и города, лежавшіе на берегахъ Чернаго моря, явились подъ стѣнами Константинополя. Олегъ покатился и по землѣ въ лодкахъ. О семъ послѣднемъ одно изъ двухъ: или Норманны покушались перетаскать часть судовъ своихъ въ городскую гавань, *Золотой роги*, и для об-

легченія шруда подводили кашки подъ свои лады; для прикрытія воиновъ, влекущихъ суда, ошъ стрѣль, подымали парусы, и растягивали оныя такимъ образомъ, что воины шѣ не были видны — обычная хитрость Норманновъ, совершавшихъ подобныя предпріятія въ виду непріятеля — или, извлеки суда на сушу, ограждали они ими спань свой, а для скрытія движеній въ ономъ, распускали парусы. Въ обоихъ случаяхъ, мнѣ кажется, оправдывается поэтической разсказъ о судахъ Олеговыхъ, по суху кашащихся подъ парусами.

Успрашенные Греки согласились дать по 12 гривенъ на *ключъ* ! Всѣ наши Исторіи и читатели оныхъ изъясняютъ значеніе *ключа* каждый по своему, по черпая доводы изъ нынѣшнихъ понятій, въ самомъ словѣ заключающихся. Въ *Словарѣ Россійской Академіи* (который, къ чести Академіи, и — къ выгодѣ книгопродавцевъ, стоить дороже 100 рублей) *ключъ* означаетъ: принадлежность къ замку; укрѣпленное мѣсто, перенимающее нѣсколько дорогъ; источникъ, родникъ; а за всѣмъ симъ слѣдуетъ огромное семейство словъ: *заключить*, *исключить*, *приключеніе*, и проч. — Въ Исторіи Малороссіи находимъ: *сельскій войтъ*, старосша; *городской войтъ* — голова. Посему: *ключъ войтовъ* долженъ быть начальникъ округа, или, по крайней мѣрѣ, прихода. Въ народѣ сохранилась пословица: *какъ ключъ ко дну*; по этому ключъ былъ *нѣчто плавающее на водѣ*? Ни одно изъ сихъ значеній вполнѣ не можешь объяснить тайншвеннаго слова.

Если вспомнишь только, что всѣ предпріятія Руссовъ, всѣ ихъ походы, были совершены водо-
 Июль 1831.

ходными ополченіями, по невольню подумаешь, что рѣшеніе загадочнаго ключа должно скрываться въ самомъ составѣ Нордманнскаго ополченія. Но лѣтописи наши передали объ ономъ весьма темное понятіе, или, лучше скажешь, никакого, ибо изъ словъ: *сѣли на суда*, ничего извлечь не лзя. Для сего должно обратиться въ Нордманнамъ, ибо морскіе походы Руссовъ отражались въ почвнхъ копіяхъ съ каршины набѣговъ сихъ народовъ, да и самъ Олегъ и дружины его были выходцы Скандинавскіе. Вотъ, что я вспомнилъ шеперь, и разскажу вамъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ.

1. Г-нъ С... учился Англійскому языку; я читалъ его переводы охотно, ибо знакомился въ нихъ съ Нордманнами, въ подробностяхъ весьма любопытныхъ, и совершенно новыхъ для меня. Какъ шеперь помню слѣдующія строки: « Варвары имѣли лодки, называемыя *клюгами* (key, keyle). Если названіе сіе дано въ томъ смыслѣ, что они по средствомъ сихъ лодокъ вторгались въ самое сердце Англійи и Франціи, и не знали неприступныхъ мѣстъ, то они вполне оправдывали роковое свое назначеніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда даны врывались въ Гумберъ, Темзу, или Сену, имъ сопустшествовали ужасъ и опустошеніе, и притомъ не жели образумившійся отъ страха народъ могъ преслѣдовать ихъ, варвары, обремененные добычею, уже возвращались изъ Лоары, изъ Мерсея и Авона.»

2. Clutch — означаешь соединеніе нѣсколькихъ лодокъ. « При встрѣчѣ двухъ враждебныхъ флотовъ,

« варвары съ яростію устремлялись другъ на друга, « и часто были жершвою своей запальчивости, ибо « столпившись на бортахъ собственныхъ судовъ, « они опрокидывали ихъ; для отвращенія сего, « принимали они слѣдующія предосторожности: « коль скоро легкія лодки, высланныя для поисковъ, « извѣщали главное ополченіе, что непріятель въ « виду, тогда лодки ополченія дѣлали *klutch* (плош- « но соединялись бортами), по двѣ и по три въ « рядъ, клали поперегъ мачты,» и проч. (слѣдуетъ « подробное описаніе).»

3. Г-нъ Б., которому вмѣнено было въ обязан- носшь занятіе подобнаго рода, полагалъ, что Французское слово: *clou*, можетъ быть равносиль- но сему значенію, но признавался, что никогда не встрѣчалъ онаго въ чпеніи.

4. « Селеніе, одно или нѣсколько, смотря по « многолюдству, обязаны были изгошвлять лодки « къ назначенному сроку, снабжать ихъ всѣмъ нуж- « нымъ, и изъ собственныхъ жителей комплекшо- « вать вопнами, а сіи изъ среды себя назначали « *vota* (*vote*), начальника, избраннаго голосами,» и проч.

Vote, *войтъ*, *фогтъ*, *войвода*, не имѣюшъ-ли об- щаго происхожденія, и первоначально не былъ-ли онъ *нагельникомъ лодки*? Если шакъ, то *клягъ войтовъ* не должно-ли почестъ за начальника нѣ- сколькихъ лодокъ, ш. е. за начальника *clutch*? Званія сіи, по мѣрѣ пріобрѣтаемаго уваженія на морѣ, не могли-ль сохранить своего вліянія и по возвра- щеніи въ дома, а попомъ совѣмъ обратишься,

шакъ сказать , въ чины гражданскіе , какъ въ Малороссіи ?

5. « *Клюнкеръ*, Шведско-Норвежское, оспроконечное , широкое , плоскодонное судно , могущее выходить въ бурную погоду, разбиваетъ отъ стариннаго шѣмъ, что строится изъ членовъ; оно не имѣетъ ни одного гвоздя желѣзнаго крѣпленія (слѣдуетъ описаніе обоихъ). Мы неправильно выговариваемъ сіе названіе, какъ и всѣ слова, кончающіяся на *скеръ*, напримѣръ: *богскеръ*, *когскеръ*, *родскеръ*; должно произносить: *богшеръ*, *родшеръ*, *клюншеръ*. »

И въ Даніи есть шакія суда. Копенгагенскіе лодчана ушвердительно называютъ ихъ: *клюнкеръ*; Агентъ-же въ Гельсингеръ, начертаніемъ: *slenscard, shkeer*, ясно показалъ, что въ окончаніи ихъ ничего нѣтъ общаго, и что слово сіе не можетъ быть произносимо: *клюншеръ*. Г-нь Г., узнавъ объ этомъ, ошвѣчалъ: « Можешь быть, но, при случаѣ, справьшесь въ Гошенбургъ: авось-либо найдете и *клюншеръ* ! »

6. Если *клюгъ*, Неспоромъ упомянутый, есть лодка IX-го столѣтія, то войско Олега простиралось отъ 30 до 40,000, ибо Нордманскій *Keu* вмѣщалъ въ себя отъ 15 до 20 человекъ, а Нордманскій *Keule* отъ 20 до 40. Если соединеніе 2 и 3-хъ лодокъ составляло *клюгъ*, въ такомъ случаѣ, число войскъ то-же; число ключей отъ 700 до 1000; Греки выдали Олегу отъ 8 до 12 тысячъ гривенъ, т. е. отъ 200 до 300 пудъ серебра.

Вѣроятность сего вшраго предположенія подкрѣпляютъ слова :

а) *Уклюгина*, какъ-бы въ означеніе , что весло для гребли выкидывается у *кюга*, шо есть, у мѣста , назначеннаго къ соединенію , или скрѣпленію лодокъ.

б) *Склюжить*, шо есть , связать лодки для паромъ , на скорую руку изгошоваемаго : выраженіе, *говорять*, упошребительное на Днѣпрѣ.

в) Г-нъ Б. , при ошѣздѣ моемъ изъ Спбурга , снабдѣлъ меня инструкціею (*ушеною*, говорилъ онъ въ шушку), однимъ пунктомъ кошорой желалъ знать : « Правда-ли, что выраженіе : *стоять кютемъ*, означаетъ ряды барокъ, стоящихъ возлѣ шлюза , буяни , или пристани ? »

Въ бытность мою въ Вышнемъ Волочкѣ , и въ проѣздѣ нѣсколькихъ десяшковъ верствъ по берегу Тверцы, я ничего не узналъ, хошя многочисленныя караваны барокъ покрывали рѣку. На обратномъ пуши , думалъ было спуститься водою, не будетъ-ли тогда удачи — не удалось исполнить !

г) Тамъ-же : « Болѣе сша барокъ , съ пшеницею « и другимъ хлѣбомъ , ежегодно приходишь внизъ « по Дону ; барки сіи , по безлѣсью Придонскихъ « земель , возвращающагося назадъ ; хозяева , чшобы « сохранишь издержки , знатную часть разобрать , « нагружаютъ въ осшалныя. Узнашь : возвращеніе « сихъ барокъ называется-ли : *барки идутъ съ кюгами* ; или , даже нѣшь-ли шермна бурлацкаго — « *идти съ кюгами* ? » — На Воронежскомъ шлюзѣ , усшроенномъ Пешромъ Великимъ , для проводки ко-

раблей чрезъ мѣлководія, нынѣ спойшь сукновалляная мѣльница Гг. Т., а въ недалекомъ разстояніи отъ оной нѣсколько мукомольныхъ. Любопытствуя узнать о *оклюгѣ*, нарочно старался я, распросами своими, додести мѣльниковъ и рабочихъ людей, чтобы они сами упомянули объ ономъ, и отъ всѣхъ слышалъ почти одно и тоже: «Здѣсь каждое лѣшо спускается болѣе 40 барокъ, назадъ-же возвращается 10; съ шоварами немного, а болѣе съ *кокорами* да досками разломанныхъ въ низу барокъ.» — На вопросъ мой: «Не слыжали-ль они, не проходяшли здѣсь барки съ *клюдгами*? — Съ ключами? Нѣтъ баринъ, не слыжали; а что это за *клюдги*? — Я объяснилъ имъ. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Спу-
«пай-же ты, баринъ, въ Чижовку (селеніе, между
«шлюзомъ и городомъ Воронежемъ), спроси ста-
«рика мѣльника — его всѣ знаютъ; онъ тебѣ ска-
«жетъ правду, а мы, чего не слыжали, такъ не
«знаемъ!» — Со шлюза, я поѣхалъ въ Тавровъ, а отшуда возвратился другою дорогою. Сожалю,
что не удалось побывашъ въ Чижовкѣ.

7. Адмиралъ Спиридовъ, достойный сподвижникъ Чесменскаго, выраженіемъ — «*Экой клюгъ!*» изъяслялъ свое неудовольствіе на корабль, неисправный въ наружномъ порядкѣ, или медленно исполнявшій сигналы.

8. Въ журналъ 15-ти лѣшняго юноши, Барона В. записано: «*Клюгъ* есть *клюдгъ*, *голосъ*, или, лучше
«сказать, нѣкоторое число войскъ, судовъ, упра-
«вляемыхъ командою голоса. Я основываюсь на
«шомъ, что величина Французской колонны и Рус-

«скаго батальона опредѣляется пространствомъ, «которое пробѣжитъ: голось (обыкновенной ком-«плекціи челоуѣка), сохранивши явственно звуки «свои» (за симъ слѣдуешь подробное исчисленіе «шеренгъ, рядовъ, и проч.). Не трудно было догадаться, что это опголосокъ сужденія Гвардейскихъ офицеровъ, сослуживцевъ братьямъ молодого В.

9. На фрегатѣ М., нѣсколько офицеровъ разсуждали между собою, что ключъ, достоверно можно почтывать за лодку Олегава ополченія; что симъ предположеніемъ объясняется и самый смыслъ пословицы: *какъ клютъ ко дну*, въ прошивномъ случаѣ безшолковой. Въ самомъ дѣлѣ: чего болѣе плаваешь и понешь на водахъ, какъ не лодокъ, и при томъ военныхъ, къ гибели самымъ служеніемъ предназначенныхъ? Воинъ-побѣдитель, пущившій *клютъ ко дну*, возвращаясь въ домъ, безъ сомнѣнія, могъ хвалиться своимъ удалствомъ, и это впоследствии обратилось въ пословицу. — «Ergo!» вскричалъ Медикъ, досель слушавшій со вниманіемъ, «Карамзинъ правъ: *клютъ* есть точное значеніе *челоуѣка*, хотя темно, и даже недоспойно объясненное Исторіографомъ! Древніе философы называли челоуѣка *Малымъ міромъ*, а Гиппократъ называлъ его — *клютъ*! и въ доказательство, что челоуѣкъ есть точный ключъ, онъ имѣетъ *клюгевую кость*...» Громкое: *Ура!* и продолжительное рукоплесканіе всѣхъ случившихся въ каюшъ-компаніи, прервали исполкованіе, и чтобы сохранивъ начало сей рѣчи для потомства, молодые офицеры положили: «Запишешь его на обвершкѣ шканочнаго

журнала 44-хъ пуш. фрегата М., и сообщить издателямъ газеты: *Кубрикъ*, на 74-хъ пушечномъ корабль.» (Извлечено изъ сей газеты).

Изъ цѣлой связки сихъ ключей, если одинъ окажется годнымъ къ употребленію, то я вполне буду награжденъ за то непріятное чувство, которое происходитъ отъ неисправности моего слога и ошибокъ на сихъ страницахъ. Но мнѣ пришло въ голову еще одно слово, которое находится въ Новгородскихъ граматахъ, именно: *Оздада*. Оно казалось для многихъ непонятно.

Оздада, *Зздада*, есть мѣстечко, на лѣвомъ берегу Новой Ловаши, въ 6 версахъ отъ устья ея, и въ разстояніи около 15 вершъ отъ Старой Русы. Мѣстечко это нынѣ портъ для флота Спиро-Русскихъ военныхъ поселеній; отсюда отправляется пароходъ въ Новгородъ. Сказываютъ, что *Зздада* стояла на рѣчкѣ Псковкѣ, (прошокъ, отдѣлившійся отъ Ловаши къ западу), въ разстояніи отъ Старой Ловаши на 3 или 4 версты, по видимому, среди огромныхъ лѣсовъ, и гораздо ближе къ озеру. Но ежегодные сильные разливы Ловаши, извергающей множество наносной земли, отдѣлили оную отъ береговъ Ильменскихъ; разливы сіи измѣняютъ взаимное положеніе острововъ, доказательствомъ чему служитъ Новая Ловашь (въ давнемъ времени), къ западу отъ Старой прорывшая себѣ русло въ самомъ маширнкѣ, потомъ расширившая верхнюю часть рѣчки Псковки до самой *Зздады*, откуда пролегла она черезъ острова, и близъ сшараго устья впадала въ озеро.

Разсказъ весьма вѣроятный, пошому, что всѣ острова, устьями Ловаши образовавшіеся, кажутся, происхожденіемъ своимъ одолжены наносной землѣ.

Острова сіи низменны, болошисты, покрыты лѣсами, наполненными всякаго рода дикими птицами. При разливіи, рѣки и озера почти всѣ понижаются водою.

У начальника флотиліи Новгородскихъ военныхъ поселеній, Г-на Капишана-Лейшенанша и Кавалера, Николая Евграфовича Измайлова (онъ живетъ въ Новгородѣ) есть *Атласъ* (помнишь ли, въ двухъ книгахъ) *озера Ильмена*, и всѣхъ рѣкъ, въ него впадающихъ, съ означеніемъ селеній, имена копорыхъ, подобно *Озвадъ*, могутъ служить къ чему нибудь въ Исторіи. Онъ долженъ имѣть и журналъ, веденный при описаніи сихъ водъ, мѣстами довольно любопытный. Полагаю, что если вы обратитесь къ нему, съ просьбою вашею познакомитесь съ симъ Атласомъ, то онъ пришлетъ его для разсмотрѣнія, или доставитъ вамъ генеральную карту озера Ильмена, на которой старыя имена написаны красными чернилами.

Вашъ, и проч.

А. Тр.

Москва.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

По отчету Министра внутреннихъ дѣлъ видно, что въ самой сѣверной полость Сибири, одинъ ревностный ко благу ближнихъ человекъ, купецъ Нижегородцевъ, рѣшился начать земледѣліе, и по два года дѣлаешь уже опыты земледѣльческіе въ окрестностяхъ *Березова* (подъ 64° широты). Яровой ржи, ячменя, овса и конопянаго сѣмени посѣялъ онъ въ 1829 году 15 пудъ, и получилъ въ сложность 59 пудъ; въ 1830 году 10 пудъ, и получилъ 25 пудъ; просо вовсе не родилось; ошь 2 пудъ 20 фуншовъ пшеницы получено 9 пудъ 30 фуншовъ. Такіе опыты любопытны, хотя важныхъ польвъ никакихъ ожидаешь не льзя.

Число земледѣльческаго званія въ Россійской Имперіи, въ 1829 году, просширалось до 37 мильионовъ душъ (18,324,149 м. п., 18,660,712 ж. п.). Они посѣяли озимаго хлѣба на 1829-й годъ 19,662,090 четвершей, да яроваго въ 1829-мъ году 28,854,480 четвершей, всего 48,516,570 чеш. — Сложный урожай по всей Имперіи составлялъ яроваго самъ-трешей съ $\frac{2}{3}$, озимаго самъ-трешей съ $\frac{1}{4}$.

Казанскій Соборъ въ С.Пешербургѣ предположено украсить серебрянымъ иконостасомъ. Восемь извѣстныхъ архитекторовъ занимающія проектами

для сего изящнаго произведенія: Г-да Мѣльниковъ, Шарлемань, Геше, Тонъ, Оннершъ, Дилонъ, Монферанъ и Глинка.

При управленіи Калмыцкими народами, обитавшими въ Россіи, чувствуемъ боль недоспашокъ въ хорошихъ переводчикахъ. Посему, въ 1829 году, при находящейся на Апшекарскомъ островѣ, въ С. Петербургѣ, Медицинской школѣ учреждено было *Отдѣленіе для образованія толмачей*. Мысль счастливая: соединишь съ знаніемъ языка полудикаго народа изученіе Медицины. Десять Рускихъ и пять Калмыковъ составляютъ нынѣ число учениковъ Отдѣленія.

На основаніи шракташа, заключеннаго съ Турціею, въ 1830 году вышло въ Россію изъ Булгаріи и Румелии болѣе 50,000 человекъ Христіанъ, мужскаго и женскаго пола, съ имуществомъ, домашнимъ скотомъ и капиталами денежными. Имъ позволено поселиться въ Бессарабіи, гдѣ живущіе тамъ Булгары уступили новымъ пришельцамъ земли по 10 десятинъ съ семейства. Кромѣ того, свободной земли дано еще имъ до 190 тысячъ десятинъ, и особые учаски въ земляхъ казенныхъ.

Въ 1830 году закрыто было изъ числа прежнихъ вольныхъ апшекъ 11, и дано позволеніе на открытіе 19 новыхъ. Число вольныхъ апшекъ во всей Россіи, въ 1831 году, просширалось до 444.

Недостапокъ земли для помѣщенія земледѣльцевъ, въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, заставляешъ Правительство позволять переселенія казенныхъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній въ шакия, гдѣ земли обильно. Подобныя переселенія производятся по взаимному разсмотрѣнію Министра финансовъ и Министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1830 году дано разрѣшеніе на переселеніе такимъ образомъ 4,494 душъ, а именно: изъ Орловской 1160, изъ Рязанской 89, изъ Тамбовской 750, изъ Воронежской 1670, изъ Пензенской 415, изъ Слободско-Украинской 71, изъ Тульской 339 душъ. Сія земледѣльцы переселяются въ слѣдующія мѣста: *Кавказскую область 1637, Бессарабію 196, Оренбургскую губернію 1533, Саратовскую губернію 1161, Омскую область 67.*

Добываніе золота и платины въ прошломъ году, на Уралѣ, превзошло количествомъ выработки всѣ прежніе годы. Золота добыто, на казенныхъ заводахъ 150 пудъ, 22 фунта, на частныхъ 204 пуда, 17 фунтовъ. — Платины, на казенныхъ 4 п. 15 ф., на частныхъ 100 пудъ, 25 фунтовъ, и шого: *золота около 355 пудовъ, и платины 105 пудовъ.* Считая золото по 50 тысячъ рублей за пудъ, а платину по 11,520 рублей асс., составился сумма около 19,000,000 рублей. Въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1821 года) добыто на Уралѣ: *золота болѣе 2,054 пудовъ, платины болѣе 330 пудовъ, что составляетъ капиталъ болѣе ста шести съ половиною миллионъ рублей!*

С М Ъ С Ъ.

Ипоги Англійской шорговли невольно изумляютъ своею огромностію! Пишущъ, что *въ 1830 году* вывозъ Англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, во всѣ страны міра, превосходилъ вывозъ 1829-го года. Бумажныхъ издѣлій Англійскихъ вывезено было на 32 *милліона ф. ст.*; персшяныхъ издѣлій на 5½ *милліоновъ*; шелковыхъ издѣлій на 250,000 *ф. ст.* — Суммы необьяшныя! Надобно сообразишь только одно для понятія ихъ огромности, что весь оборотъ привоза и вывоза товаровъ въ Россіи, въ 1830 году, составлялъ съ небольшимъ *милліонъ фунтовъ стерлинговъ*, т. е. 32-ю долю той суммы, на какую Англія опшусшила однихъ бумажныхъ своихъ издѣлій!

Еще въ Январѣ мѣсяцѣ, вышелъ въ Парижѣ переводъ 3, 4 и 5-го шомовъ *Записокъ Лорда Байрона*, изданныхъ Т. Муромъ. — Января 22-го 1824 года, за при мѣсяца до своей кончины, Байронъ написалъ стихи — можешь бышь, *последніе* въ своей жизни! Это былъ *день его рожденія*; Байрону совершилось тогда 36 лѣтъ. Трогательнъ послѣдній голосъ поэта, души великой и спрадающей! Вошь *смысль* этихъ стиховъ (не смѣемъ сказать: *переводъ*, ибо списываемъ — съ *Французскаго перевода въ стихахъ!*) —

«Время замолчать моему сердцу: оно перестало пѣннать; но если меня любишь не можешь — дайше мнѣ волю любишь, любишь еще!

«Дни мои поблекли, какъ листья осенніе; цвѣты, плоды любви — все погублено; черви и гусеницы, пожравшіе мой вѣнокъ, остались, остались одни!

«Какъ среди отдаленныхъ морей пылаешь одинокая огнедышащая гора, шакъ горишь огонь души моей, ничего не зажигая, и, подобно погребальному костру, сжигаешь меня — и гаснешь!

«Боязнь и надежда, и ихъ ревнивое упоеніе, эни усладительныя скорби, эша сила любви — покидають меня, оставляя цѣпи и желанія!

«Но должно-ли — на эшой-ли благородной землѣ Греціи, шаяшь сердцу моему въ шакой думѣ, когда лавръ, или вѣнчаешь чело героя, или зеленѣешь на его гробъ?»

«Мечъ и знамя, поле битвы, слава, Греція, древнія времена — все предо мною; возродились шѣ древніе вѣки, когда каждый Грекъ, принимая щипъ, восклицалъ: *«Или на немъ, или съ нимъ!»*

«Возстань — не Греція: она уже возспала горделивая! — Возстань, пробудись ты, душа моя! Вспомни, позъшь, въ какихъ сердцахъ шекла кровь швоя! Да кипишь она и въ шебѣ, какъ нѣкогда кипѣла въ предкахъ швоихъ!

«Слабое, робкое мужество! Попирай, отшвергни сии страсти, непрерывно возраждающіяся; проши-вопосшавъ улыбокъ и слезамъ увядшей юности — безшрасшіе!

«Если ты жалѣешь объ юности, съ ея розовыми вѣнками — *затѣмъ жить?* Смерть — вошь она, смерть прекрасная, благородная! — Никогда за дѣло болѣе славное не лъзя было положишь души своей!

«Иди, ищи шого, что здѣсь можешь найдши каждый: славнѣйшей изъ гробницъ! Стань въ ряды защитниковъ Эллады, укажи на мѣсто своей могилы, и — успокойся на вѣки!»

По вычесамъ извѣснаго Спашиспика А. Бальби, число всѣхъ языковъ, коими говоряшь на земномъ шарѣ, проспирался до 860; слѣдую вычесамъ новѣйшихъ изслѣдовашелей, всѣ сіи языки дѣляшся на 30 коренныхъ языковъ: въ *Азій* 7 коренныхъ, съ 153 производными; въ *Европѣ* 5 коренныхъ, съ 53 производными; въ *Африкѣ* 5 коренныхъ, со 114 производными; въ *Полинезій* 2 коренныхъ со 117 производными; въ *Америкѣ* 11 коренныхъ, съ 423 производными.

Забавны объявленія Парижскихъ шарлашановъ о разныхъ лекарстввахъ, непрерывно печашаемыя въ Парижскихъ Газетахъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ такъ, въ *Journal des Débats*, ошъ 26 Іюня, 1831 года: «Три шысячи извѣстій ошъ больныхъ, излеченныхъ *бѣлою горчицею* (*la moutarde blanche*), принимаемою въ зернахъ, находяшся у насъ, всегда въ готовности, если только кому нибудь угодно посмошрѣшь ихъ. Именемъ Бога Всемогущаго — повѣрь-

ше сія извѣстія, господа Медики! Вошь все, чего мы ошъ васъ просимъ! Драгоцѣнное лекарство наше, справедливо называемое Докшоромъ Кукомъ: *благословенное лекарство*, удивительно чиститъ кровь, а когда кровь чиста, шо и всѣ болѣзни прекращаются. Возьмите у насъ этого лекарства, начните опыты, и вы вскорѣ убѣдитесь, что Бѣлая Горчица превосходитъ все, что естъ въ мірѣ цѣлительнаго! Фуншъ стоишъ — только 1 франкъ; наспавленіе 1 фр. 50 санш.» — Другой шарламанъ крупными буквами напечаталъ: «Исцѣленіе совершенное.» За шѣмъ: *Прежде вылегитесь, а потомъ заплатите; напередъ нитого не беремъ,*» и послѣ шого объявляешъ онъ о леченіи по методѣ Докшора Фері; метода эта исцѣляешъ подагру, хирагру, ревматизмъ, геморрой, и проч. и проч. — Объявленіе о какой-то *растительной помадѣ для волосовъ*, написано шакъ: «*Воззваніе къ плѣшивымъ головамъ.* Люди, лишенные волосовъ! Если вы чувспвуете, какъ неудобно, нездорово, некрасиво бытъ плѣшивымъ, или замѣнять плѣшивость свою парикомъ, возрадуйтесь: двадцашъ лѣшъ шрудился я, и изобрѣлъ шаккой составъ, што на головѣ, голой какъ ладонь, выросшающъ густые, прелестные волосы — черные и русые, по желанію,» и проч. — Одни смѣются надъ такими объявленіями; другіе — шакъ слабъ человекъ! — смѣются, но покупающъ! Слова: *авось, если, и въ самомъ дѣлѣ, можетъ бытъ* — всегда прокормяшъ человекъ, имѣющаго въ рукахъ шарламанскую спекуляцію на здоровье людское. И на одно-ли здоровье!

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 13. *Июль* 1831.

К О Н Т О Р А

МАКЛЕРА И НОТАРИУСА.

У меня есть одинъ знакомый — почтенный гражданинъ Москвы, милый, любезный въ обществѣ друзей. Онъ много путешествовалъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Испаніи, до слабости любилъ прекрасный, гармоническій языкъ Данше, Петрарки, и — едва-ли это не единственная его слабость. Добрый отецъ, добрый другъ, добрый хозяинъ, тихо и мирно живетъ онъ въ шумной, обширной Москвѣ, какъ смиренная маргаритка цвѣтеть уединенно въ великолѣпномъ саду. Поутру идетъ онъ въ свою должностьную келью, возвращается домой обѣдаешь, послѣ обѣда опять идетъ въ свою келью, и вечеромъ опять онъ дома: въ своей семьѣ, всегда веселъ и спокоенъ, безъ грозы въ будущемъ, безъ раскаянія въ прошедшемъ, за чайнымъ спо-

ликомъ , съ правомъ располагать остальнымъ вечеромъ по волѣ. Такъ сегодня , шакъ завтра , шакъ каждая будни ; праздники онъ рѣшительно посвящаетъ отдыху и гуляню. Занятіе его неушомишельно , шихо , но разнообразно , не безплодно для души и сердца ; существованіе его обезпечено ; есть свободный часъ и досугъ подумать и повеселиться. Догадались-ли вы , читатель , что шакое значить мой знакомый ? Если еще нѣтъ , то я скажу вамъ , что мѣсно , гдѣ проводитъ онъ время съ утра до обѣда , и съ обѣда до чаю , и которое называлъ я *кельею* , не монастырская клѣшка , но свѣтлая , опрятная комната , въ самой шумной , живой части Москвы , въ *Городѣ* , на Ильинкѣ , и каждый день моего знакомаго перебиваетъ въ ней множество народа. — « Вашъ знакомый *Маклеръ* ! » скажете вы , читатели. — Точно шакъ , Мм. Гг. , *Маклеръ* и *Нотариусъ* , человекъ , принадлежащій къ одному изъ счастливейшихъ состояній въ мірѣ .

Говорю не шутя . Принцъ Делинь , который бывалъ , что называется *на конѣ и подъ конемъ* , живалъ въ шалашѣ солдата , подъ окуркою порошомъ , при Дворахъ Фридриха , Екаперины , подъ картечью ума и остроумія , былъ богатъ , знаменъ , уменъ , любимъ — Принцъ Делинь уверяетъ , что самое счастливейшее состояніе , по его мнѣнію , есть — состояніе *Узданаго Поттмейстера* . Не споря съ любезнѣйшимъ свѣтскимъ че-

ловѣкомъ XVIII-го столѣтія, признаюсь, что смотря на моего добраго знакомаго, Маклера и Нотаріуса, мнѣ думается, будто Принцъ Делинъ неправъ, и что счастливѣйшее состояніе въ мірѣ есть — *званіе Маклера и Нотаріуса въ Москвѣ*. Я не говорю о Нотаріусѣ Часпномъ, или Маклерѣ слугъ и рабочихъ людей, обязанномъ копшишься въ душной, запачканной хороминѣ Часпнаго Дома, общипанномъ, озабоченномъ, но о шакомъ Маклерѣ и Нотаріусѣ, которыи имѣешь Коншору въ городѣ, и какъ почешный, избранный челоувѣкъ, знаменуешь взаимныя обязательства людскія ручательствомъ закона. Прекрасно его состояніе, чашатели! Посмотрише, какъ величественно и весело ѣдетъ мой знакомый въ свою Коншору; какъ разнообразенъ кругъ людей, въ которомъ онъ живетъ; сколько различныхъ впечатлѣній получаетъ онъ каждый день! Входи во всѣ богатые дома открывъ ему при его шипулѣ, и каждый ласкаетъ его, ибо, рано или поздно, но каждый будешь имѣшь до него дѣло. Взглянише, когда онъ явился на биржѣ: сколько рукъ жмешь его руку изъ подъ богатыхъ яношовыхъ шубъ, сколько собольихъ шапокъ снимается при уклоненіи его карпуза А шайны, открываемыя передъ нимъ, шайны важныя и близкія къ сердцу, ибо онѣ заключающся въ деньгахъ? А разговоры и совѣщанія богатей, которые послѣ обѣда выдающся у него въ

Конпоръ , и опъ удара рука въ руку движущъ цѣлыя обозы въ Кяхшу , въ Архангельскъ , въ Одессу? Какъ все эшо любопышно , какъ все эшо развлекательно! Иногда Русскій *магарытъ* осуществляется среди веселыхъ словъ покупателя и продавца — и искривное благословеніе Шампани кипитъ въ бокалѣ , выпиваемое мимоходомъ , какъ радость , сорванная мимоходомъ на шерняхъ жизни , и шѣмъ болѣе милая и драгоценная!

Но жизнь , и все въ жизни парадоксъ! И въ счастіи Маклера и Ношариуса я нашелъ было шѣнь , копорая падаетъ на блестящія цвѣты Маклерскаго счастія , но попомъ я снова разувѣрился , и теперь болѣе не сомнѣваюсь.

Недавно встрѣчился я съ моимъ счастливецемъ , Маклеромъ и Ношариусомъ , и провожая его до города , говорилъ ему все , что сказалъ моимъ чашателямъ. Счастливецъ улыбался , соглашался со мною , и мы наконецъ договорились до шѣни , копорую омыскалъ я въ его счастіи. Онъ просилъ изъясненія.

«Тѣнь эша соспоишь въ самомъ основаніи вашего званія» — сказалъ я.

— Развѣ оно предосудительно?

«Совсѣмъ нѣтъ , не предосудительно , но почтенно , какъ и всѣ другія званія въ обществѣ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ званія, должности и обязанности я раздѣляю на двѣ части: *тяжелыя и легкія, пріятныя и непріятныя*, по сущности ихъ. Есшь *тяжелыя и пріятныя, тяжелыя и непріятныя, легкія и пріятныя, легкія и непріятныя*. Всѣ почтенны — ни слова; но счастье бѣжитъ ошпуда, гдѣ *тяжело и невесело*. Ваше званіе, по сущности своей, *легко, но — непріятно*.

— Объяснишься; я не совсѣмъ понимаю.

«Возьмемъ въ примѣръ — всякаго полицейскаго чиновника: бывши ремесленникомъ, кошорый мирно, весело проработашъ день, шихо, спокойно засыпашъ на ночь, я не помѣнялся-бы на званіе — даже *Частнаго Пристава!* Невыгоды заключающя въ самой сущности сего званія. Среди людей, полицейскій чиновникъ живешъ, какъ Немезида; по обязанности долженъ надѣдашь другимъ, искашь просроченныхъ паспорировъ, смошрѣшь за прубами и дворами жшпелей, идиши на гулянье не для наслажденій, но для наблюденія и наказанія. Когда другіе спяшъ, онъ бодрствувешъ; ошкуда другіе бѣгушъ, онъ шуда и дешъ. Нѣшъ! *Квартальный и стастіе* — супъ двѣ идеи, кошорыхъ не лзя помиришъ! Такъ *военному* пріятно, но не легко; накъ *Уголовному Судѣ* легко, но непріятно; вамъ — шоже!

— Но, любезный другъ, послѣ сего нѣшъ

званія и соспожня , гдѣ сливались-бы легко и крѣпко ?

« Почему : нѣшъ ? *Потальонъ* , напримѣръ . Чшо за счастливое , прекрасное дѣло : лешапъ съ вѣспями , разноситъ радость , шо ешь нисѣма , по городу...

— И ломашъ шею скакавши на почповыхъ , и привошитъ горестную вѣспь о смерти , или несчастьи милаго ближняго ?

« Правда , но въ одномъ непріяшности больше , въ другомъ меньше... По сущности вашего званія , вы принадлежите къ шѣмъ , у кошорыхъ...

— *Меньше ?*

« Нѣшъ — больше !

— Помилуйте ! Развѣ Маклеръ шакже Немезида челошеческаго общества ?

« Не Немезида ; но если каждая замочная скважинка ешь , какъ говоритъ , эпиграмма на чешность челошечка , шо векселя , закладныя письма , обязашельства , коншракты , условія , все , чѣмъ вы занимаетесь — самыя спрашныя саширы на челошечка ! Бывши Маклеромъ и Ношаріусомъ , и совѣшилсѣ-бы за людей . Подумайте : всѣ возможные предосторожности принимающъ люди , чшобы не быть другъ отъ друга обманушыми ! Какъ бездѣльники , какъ раз-

бойники сходяпся они между собою, и тогда полько вѣрапъ одни другимъ, когда по рукамъ и по ногамъ сковали другъ друга цѣпами условій! Маклерская книга — кузница, гдѣ куютъ эти цѣпи; Маклерская конпора — будка, посшавленная подлѣ совѣспи человѣческой!..

— А мы, Маклера и Нопаріусы, будочники совѣспи?... — Онъ захохоталъ.

«Вы хошите смѣхомъ опдѣлаться опъ моихъ доказашельствъ?»

— Совсѣмъ нѣпъ: я хочу вамъ доказашъ, что все сказанное вами о несчастномъ назначеніи Маклеровъ и Нопаріусовъ — совершенно несправедливо!

«Но въ Аркадіи, идеалѣ земнаго счастья, конечно Маклеровъ не было?»

— Да была-ли ваша Аркадія когда вибудъ? Полно-те, господа, поэшизировать. Если Аркадія и существовала, то, право, счастье Аркадскихъ паспушковъ было не слишкомъ-то завидное, и едва-ли сыскалось-бы пеперь въ Москвѣ много охощниковъ въ Аркадію. Человѣкъ тогда полько сдѣлался счастливымъ, когда усшановилъ и уредилъ общеспво и общеспвенныя обязанности. И въ семъ случаѣ всѣ исполнители и понуждающіе къ исполненію обязанностей, супъ, не злоупощребленія, но опоры и ушвер-

жденія общеспвеннаго счаспія. — Ну! о полицейскихъ я не спору; а происхождение Маклеровъ и Ношаріусовъ совсѣмъ не сапира на людей: оно рѣшипельное доказательство ума чловѣческаго. Зачѣмъ почишаете вы векселя, обязательства, коншракты и условія цѣпами? Это замѣшки, записныя книжки людскія. Люди совсѣмъ не шакъ дурны, какъ многіе говорятъ объ нихъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ недоспапковъ людскихъ еспъ — *забытливость*. И при множествѣ обязанностей, дѣлъ, отношеній людскихъ, маленькій эпосъ недоспапковъ кажется намъ иногда весьма великимъ, пошому, что въ самомъ дѣлѣ иногда слишкомъ далеко заходитъ, и въ иныхъ случаяхъ довольно справедливо называютъ его *измѣною, неблагодарностью, эгоизмомъ*. Если-бы во всѣхъ дѣлахъ и связяхъ, люди шакъ умно придумали себѣ *напоминанія*, какъ придумали они ихъ касательпо денегъ, шо половина зла исчезла-бы изъ общеспва чловѣческаго. Въ семъ отношеніи, мы, Маклера и Ношаріусы, супъ звѣзды, предвѣщающія упро счаспія, шо время, когда чловѣкъ во всемъ и вездѣ будеспъ подведенъ подъ власть обязательства и закона. *Le leggi fanno gli uomini buoni*. Вообразише полько силу выдумки ума надъ дикою волею чловѣка, въ отношеніи денегъ! Вообразише, какъ сходяшся два владыки живошпныхъ, два чловѣка; одинъ беретъ у дру-

гаго деньги, ѣдетъ Богъ вѣспъ какъ далеко; другой ошдаешъ, не безпокоишк, спитъ себѣ спокойно, и въ назначенный день, какъ будно невидимая, непреодолимая сила влечешъ взявшаго къ ошдавшему, изъ за горъ, изъ за рѣкъ, изъ за морей. Эша сила — клочекъ бумажки, который ушвердилъ Маклеръ и Ношариусъ! Какъ важно, какъ велико послѣ сего лицо посредника, предъ копорымъ смиряешся гордая воля человекъ, копорый заснавляетъ всѣхъ бытъ вѣрными исполнишелями слова, добрыми людьми, или, что все равно, добрыми плашельщиками. — И вы назовеше послѣ шого насъ злоупотреблиемъ, саширою на людей? Какая несправедливосшь! Нѣшъ, мой почшенный другъ! Вексель ешъ свидѣшельсшво на умъ человекъскій, конпакшъ ешъ ручашельсшво, что когда нибудь люди будутъ рѣшишельно всѣ добры, а Маклеръ — предсавишель просвѣщенія и образованности шого времени, когда уже не сила, не кулачное право управляютъ людьми, но взаимное уваженіе правъ и обязанностей....

«Хорошо, хорошо, краснорѣчивый предсавишель просвѣщенія; но, говоряшъ, что когда всѣ условія сосшояли въ словахъ: *«Если я не исполню этого, да будетъ мнѣ стыдно,»* а вмѣсто векселей и обязашельсшвъ были *нарѣзки*, и весь взыскъ ограничивался шѣмъ, что кредишоръ шоржешвенно ломалъ нарѣзку, объявляя,

что какой-то ему не плашится, тогда въры и честности было между людьми болѣе. Умноженіе Маклерскихъ коншоръ едва-ли доказываетъ совершенствованіе людское.

— Всѣ эти рассказы о нарѣзкахъ и честности спариковъ нашихъ едва-ли не Аркадія, никогда не существовавшая. Исключенія ничего не доказываютъ. И теперь есть люди, векселя которыхъ *вѣрнѣ денегъ*. А *правежи*; бывшіе у праѣдковъ, едва-ли доказываютъ, что всѣ вспарину боялись ломанья нарѣзокъ.

« Хорошо, но исполняешься-ли всегда то, что представители просвѣщенія, Маклера и Нопариусы, заявляютъ и заручаютъ въ свою книгу? И вопъ темная спорона вашего званія: вы спановишесь безсильны, превращаетесь изъ посредниковъ въ преслѣдователей, и ваша обязанность дѣлается скучною, шажкою... »

— Ни мало: здѣсь-то находишся рѣшишельное доказательство важности векселей и обязанность, того, что они суть свидѣтельство просвѣщенія и образованности, и ясно открывается величіе Маклеровъ и Нопариусовъ. Какъ безспасный посредникъ договора, онъ спановишся грознымъ привидѣніемъ для опспунника и нарушителя. Какъ совѣшь, онъ шепчетъ ему: « Ты не плашишь; я объявлю это всѣмъ — я *протестую* прошивъ швоей лживости, и шы

раскаешься!» — Виновный слышитъ, исправляется; если-же нѣтъ — горе ему! Маклеръ кладетъ бумажку, у него заявленную, въ *охладецъ*, и опъ словъ: «Я нижеподписавшійся . . . ходилъ къ такому-то, и не заспалъ его дома, а посему . . .» и шакъ далѣе . . .

«И вы начинаете терзашъ неплащаго, какъ пресшупника?»

— Совсѣмъ не какъ пресшупника, но какъ опсшупника опъ даннаго имъ обѣщанія, какъ нарушилеля уваженія къ общешвеннымъ условіямъ, въ силу коихъ, *взявшій* долженъ *отдать*. Бѣдноспъ не еспъ порокъ, но она и не добродѣпель. Человѣкъ безъ денегъ поже въ полишпическомъ опношеніи, что человѣкъ не оказавшій подвиговъ добра, въ моральномъ. Человѣка не плащаго долга лишаютъ шолько средспвъ вредитъ другимъ, и наказываютъ за шо, что онъ покусился нарушашъ спокойствіе другихъ. И шущъ, посмошрите: какъ величешвенна обязанность Маклера и Ношаріуса! Не смотря на имя и званіе, онъ *протестуетъ*, что шакое-то не сдержалъ своего слова, и въ великолѣпные чершоги не плащаго приходитъ показашъ роковую бумажку, въ силу коей общество опредѣляется опъ него, и лишаетъ его покровительсшва законовъ. Какъ громъ, пролетѣвшій мимо опсшупника, Маклеръ удаляется опъ него,

но не унижаешь себя мщеніемъ. Другіе, особенныя люди являюся перзашъ должника, берутъ и ведутъ его шуда, гдѣ можно сказашъ —

Lasciate ogni speranza, voi ch' entrate !

— Слѣдственно — продолжалъ мой любезный Маклеръ — мнѣніе ваше о Маклерахъ и Ноцаріусахъ во всемъ было несправедливо.

« Опшасши согласенъ; но послѣ этого вы легко докажете, что нѣтъ ни одного званія и общественаго состоянія, которое было-бы тяжеле и непріятнѣе другаго, но что все происходитъ отъ злоупотребленій той или другой должности ?

— Нѣтъ, этого я не скажу. Конечно, состояніе каждое имѣетъ свои неудобства и невыгоды, свои удобства и выгоды; но вообще, тѣ званія и обязанности, которыя созданы для преслѣдованія зла, вообще-тяжеле и невыгоднѣе другихъ. Пришомъ всѣ нѣтъ состоянія, гдѣ болѣе человекъ долженъ дѣйствовать своимъ умомъ, выгоднѣе и счастливѣе, нежели другія, гдѣ болѣе для него механическаго занятія. Въ основѣ званія Маклера и Ноцаріуса — продолжалъ онъ, возвышая голосъ — вы видѣли доказательствъ просвѣщенія и образованности; въ исполненіи сего званія — только предупрежденіе зла. Прибавлю, что званіе Маклера есть

одно изъ пѣхъ званій, гдѣ всего болѣе по-
требенъ умъ, потребна особенная проница-
тельность, тонкость соображеній, прямоша
души...

«Я согласенъ, что вы имѣете право гор-
диться, будучи посредниками денежной совѣсти,
и духовниками умирающаго кредита.

— Совсѣмъ нѣтъ. Намъ потребно умствен-
ной дѣятельности весьма много, ибо съ нами
сражается вся возможная хитрость выдумокъ и
изобрѣшеній; на насъ возлагается охраненіе по-
го, что многіе почишаютъ дороже всего на
свѣтѣ, и чѣмъ почи все оцѣняется на свѣтѣ.
Маклеръ и Нотариусъ необходимо долженъ быть
уменъ, честенъ, знающъ въ законахъ... Изви-
ните: я не себя хвалю, но такъ какъ вы ска-
зали, что считаете званіе Маклера и Нота-
риуса счастливѣйшимъ состояніемъ въ мірѣ,
то я, говоря вообще, хочу показать вамъ,
что счастье въ этомъ случаѣ падаетъ не

На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А тогнo, тогнo на людей!

«Прошу васъ, мой любезный другъ, дока-
зать, что счастливѣйшіе изъ смертныхъ супъ
достоиные сего счастья люди. Вы меня обжа-
сте — разсѣйте мои сомнѣнія.

— Прекрасно! Мнѣ пришло въ голову повесити васъ къ себѣ, въ мою Маклерскую Контору, на мѣсто бывшя моея съ умами и совѣщью другихъ. Если вы свободны нынѣшнее утро, то просидите его у меня. Я выдамъ васъ за своего писаря, и вы увидите прелюбопытныя явленія, смѣшныя сцены, пашепическое и высокое вмѣстѣ; увидите, какъ размыгриваешся умъ человѣческой на самомъ интересномъ для него предметѣ — деньгахъ.

« Охотно. Пойдемше.

Для незнающихъ Москвы, я долженъ изъяснить, что *Городомъ* называющъ въ Москвѣ собственно *Китай-городъ*, проспранство подлѣ Кремля, обнесенное каменною стѣною въ 1535 году. Тушъ опъ Кремля пролегающъ три большія улицы: *Никольская*, *Ильинка* и *Варварка*. Все проспранство *Города* можно раздѣлить собственно на двѣ части: *Ряды* и *Зарядье*. Первые, съ господнимъ дворомъ, составляютъ безчисленное множество лавокъ, прилавковъ, кладовыхъ, магазиновъ, амбаровъ, погребовъ, палашокъ; вторымъ именемъ означающъ кучу домовъ, гдѣ расположены поспольные дворы, въ которыхъ живутъ прїѣзжіе въ Москву купцы. Кромѣ *Рядовъ*, гдѣ всегда кипитъ торговая дѣятельность, и *Зарядья*, гдѣ, въ шношѣ жилья, едва могутъ развѣзжашся обозы,

представляющие собою нѣчто въ родѣ *вѣчнаго движенія* (perpetuum mobile), въ Городѣ есть нѣсколько монастырей, церквей и огромныхъ домовъ: и въ нихъ вездѣ видны слѣды шорговли и промышленности. Палашки, лавки, кварширы ремесленниковъ, масперовыхъ, купцовъ, купеческихъ комиссионеровъ, прикащиковъ, разсыяны повсюду. Нѣтъ мѣстечка, уголка, гдѣ бы не лежалъ поварь, не жилъ масперовой, или шорговецъ, не продавалось-бы чтонибудь, или не споялъ хоть разнощикъ съ корзиною.

Такова картина *Города*, по есть,шой части Москвы, которую называютъ *городомъ*. Прибавимъ къ этому непрерывное движеніе пѣшеходовъ, и экипажей всѣхъ родовъ, отъ моднаго ландо до шѣлеги, отъ ломоваго извозицьяго воза до щегольскихъ купеческихъ дрожечекъ; шумъ народа въ лавкахъ, спракирахъ; шасканье поваровъ со всѣхъ спранъ свѣша; вѣчную толпу на биржѣ и въ рядахъ, и вы получите полное понятіе о мѣстѣ, куда мы пришли съ моимъ знакомымъ.

Съ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ началъ нарушаться порядокъ, въ какомъ находилось прежде все въ Городѣ. Никольская улица, гдѣ была прежде Московская Славено-Греко-Лашинская Академія, издревле считалась улицею книжныхъ лавокъ; каждый рядъ заключалъ въ себѣ лавки из-

вѣснаго рода шоваровъ. Теперь все испеприлось и перепуhalось. Магазины, лавки успроивающа вѣ рядовъ; книжники разсѣивающа по всей Москвѣ. Маклерскія Коншоры слѣдуютъ сему же общему направленію; но однакожъ доннѣ главное мѣсто ихъ замъ, гдѣ они прежде были соединены всѣ вмѣстѣ.

Это небольшая площадь, между Богоявленскимъ монастыремъ, Посольскимъ подворьемъ, Троицкимъ подворьемъ и Госпинымъ дворомъ. Тутъ съ обѣихъ сторонъ стянута и ннѣ зашворы и двери, съ орлами и надписями: *Контора Маклера N. N.*, съ прописаніемъ далѣе, что въ ней записывающа векселя, и проч. — Тутъ находиша Коншора и моего добраго и любезнаго Маклера и Ношариуса. Мы вошли къ нему.

Кшо видалъ купеческія коншоры, пошъ знаешъ какъ успроены коншоры Московскихъ Маклеровъ. Теплая комната, въ которой стоишъ большая коншорка и нѣсколько столовъ, нѣсколько стульевъ. Небольшой диванъ, стѣнные часы, стѣнной календаръ составляющъ украшеніе, съ прибавленіемъ росписанія почтъ, таблицы проценшовъ; нѣсколькихъ книгъ печашныхъ, множештво книгъ коншорскихъ, переплешенныхъ въ шершавую кожу, и куча бумагъ, писемъ. Вошъ принадлежношти коншоры купеческой, и

коншоры Маклерской. Нѣсколько молодыхъ людей, въ рабочихъ, будничныхъ сюршукахъ, иногда между ими какой нибудь оригиналь спарикъ, въ очкахъ, сосшарѣвшійся за коншоркою — пишущъ, въ глубокомъ молчаніи, не обращая вниманія ни на какіе поспоронніе предметы. Эшо увидише вы въ каждой купеческой коншорѣ, эшо увидѣлъ я и въ коншорѣ моего пріятеля.

— Садитесь за письменный столъ — сказалъ онъ мнѣ. — Возьмите вамъ бумага; не говорите ни слова, смотрите и слушайте. — Я исполнилъ приказаніе.

(Окончаніе въ слѣд. N°).

17

Изъясненіе мемуара въ 1831. N. 14

Воспріемъ 18 Октября 1831.

MM. Storch	_____	19	_____
Zakharoff	_____	20	_____
Zagorsky	_____	21	_____
Krug		26	
Petroff	_____	28	_____
Frähn	_____	21 Nov.	
Gräfe			
Lenz	_____	46	_____
Schmidt	_____		_____
Sjögren	_____	7	
Wisniewsky	_____	7 ^{re}	
Collins	cop. of 8, with of 8. —		
Parrot	_____	9	_____
Kupffer	_____	9	_____
Hamel			
Tarkhanoff	_____	11	
Bouniakovsky	_____	13	_____
Hess		24	
Ostrogradsky	_____	15	
Brandt			
Köhler			
Trinius			
Bongard			
Herrmann			

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1831. № 14. **ЮЛЪ.**

- I. Тобольскъ, въ разныхъ отношеніяхъ (*оконтаніе*)..... 145
- II. Опрывокъ изъ новаго романа В. Гюго: *Notre Dame de Paris*..... 14
- III. О Драмагической Поэзіи въ Англіи до Шекспира, и о Шекспировой Драмѣ (*оконтаніе*). 214
- IV. Современная библіографія (*Приложеніе Алеебры къ Геометріи*, соч. Біона, пер. Ф. Меца—*Геометрія для мастеровыхъ*, соч. Маршена, пер. А. Андреева—*Руководство къ сѣлкѣ плановъ*, соч. Д. Милюшина—*Исторія Шотландіи*, соч. В. Скнпша. ч. 1-я—*О неблагоразумноиъ и превратноиъ домашнеиъ воспитаніи дѣтей*, 2 ч.—*Искусство быть счастливыйиъ*, соч. Дроза—*Способъ обучать дѣтей гитать по-Русски*, соч. А. Гуслиспаго—*Французская Грамматика*, Ломона и Лешелье—*Дополненіе къ Франц. Грамматикѣ—Прописи—Вѣ прозѣ и стихахѣ—Венера*, или собраніе спихотвореній, 4 ч.)..... 242
- V. Объ уменьшеніи золота и серебра въ наше время, и о дѣйсвіи, какое должно опъ сего

*Въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, состоящей
на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Г-жи Артемовой
подъ № 27, продаются слѣдующія книги :*

СТРАННИКЪ. Сочиненіе А. Вельшмана. Часть первая.
М. 1831 г.; въ бумажкѣ 5 рубл. асс.

ВЪГЛЕЦЪ, повѣсть въ стихахъ. Соч. А. Вельшма-
на. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 5 рубл. асс.

КРЕСТНАЯ МАМЕНЬКА, комедія-водевиль въ одномъ
дѣйствіи, Скриба, Локруа и Шабо. Съ Французскаго
перевелъ Дмитрій Ленскій. Съ порптретомъ М. Д. Льво-
вой-Синецкой. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 3 р. 50 коп.

**ЖИЗНЬ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ЦЕ-
САРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПА-
ВЛОВИЧА,** или полное и вѣрное описаніе Его дѣяній
съ 1799 года по самую кончину, собраніе писемъ, въ
разныя времена и къ разнымъ особамъ писанныхъ,
анекдотовъ и проч. 2 часпи. Съ Его порптретомъ. М.
1831 г.; въ бумажкѣ 5 рубл. асс.

**ЖИЗНЬ ВЪ БОЗѢ ПОЧИЮЩЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕ-
РАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.** 2 часпи. Съ Ея пор-
птретомъ. М. 1829 г.; въ бумажкѣ 5 рубл.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА РОССИИ, составлен-
ная Василіемъ Андросовымъ. М. 1827 г.; въ бумажкѣ
6 рубл.

**МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ И ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ЖЕНЩИ-
НА.** Въ двухъ часпяхъ, съ карпинк. М. 1831 г.; въ
бумажкѣ 8 рубл.

АНЕКДОТЫ О БАЛАКИРЕВѢ, бывшемъ при Дворѣ Петра Великаго шушомъ, съ его порприешомъ, соч. А. Д. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 2 р. 50 коп.

ТУАЛЕТНАЯ ХИМИЯ, или Химическій Альманахъ на 1831 годъ; съ гравированною карпинкою. Соч. Т. Г. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 3 рубл.

КОНОВАЛЬ ОПЫТНЫЙ, или, Новѣйшій Сельскій Конскій Лѣчебникъ и подробное изъясненіе всѣхъ наружныхъ и внутреннихъ болѣзней; выбранъ изъ сочиненій, какъ-то: Г-дъ *Цорна*, *Эвеста*, *Лафосса*, *Ганекера*, *Бейера* и другихъ, и основанный на многолѣтней опытности и охотничьихъ запискахъ. М. М. Москва, 1831 г.; въ бумажкѣ 4 рубл.

Всѣ вышеозначенныя книги также продаются въ Москвѣ у книгопродавца Николая Николаева Глазунова.

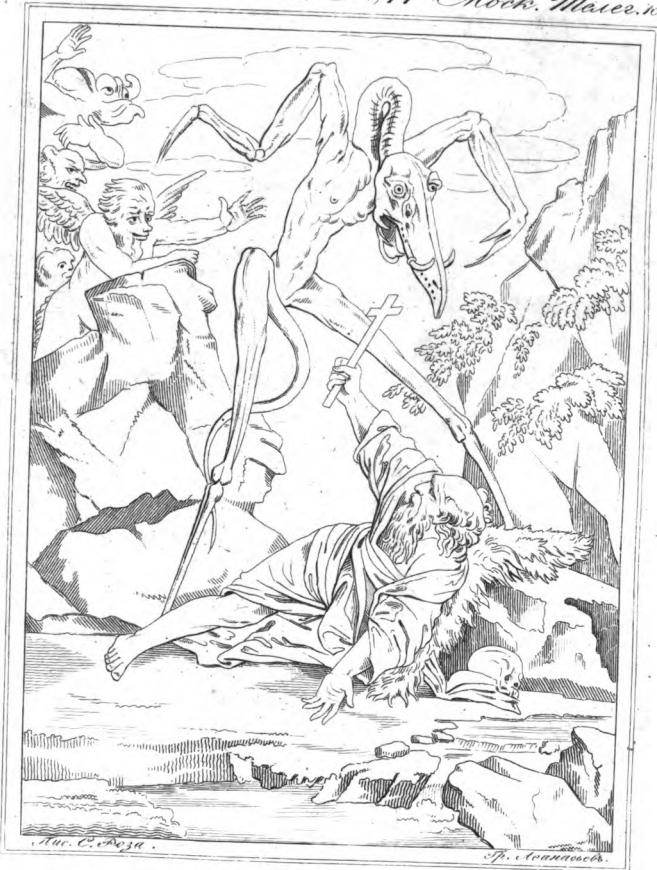
произоидши на благосостояніе народовъ и торговлю (<i>продолженіе</i>).....	260
VI. Двѣ граматы Царя Михаила Феодоровича, посланныя къ Курмышскому Воеводѣ.....	274
VII. Историческія замѣтки.....	282
VIII. Изъясненіе каршинки (С. Розы: <i>Видніе Св. Антонія</i>),.....	284
IX. Отечественныя извѣстія (Государственныя оппечеты и новыя постановленія по кредитной части гдѣ Россійской Имперіи).....	287
X. Смѣсь.....	293

Новый Живоп. общества. и литт. № 14.
 Контора Магера и Нопариуса — Парижскія моды.

При сей книжкѣ приложенъ: *отеркъ съ картины С. Розы; къ Живописцу приложены двѣ картинки Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ.*

Подписка на *Московский Телеграфъ* 4834-го года, состоящій изъ 24-хъ книжекъ, съ 24-мя Прибавленіями, подъ названіемъ: *Новый Живописецъ общества и литературы*, съ 36-ю каршинками, дамскихъ и мужскихъ, Парижскихъ модъ, 24 каршинками мебели, экипажей, очерковъ съ каршинъ, и 6-ю особыми каршинками, каршами, портретами, снимками, принимающи: въ Москвѣ, *объ Конторѣ Телеграфа, на Большой Дмитровскѣ, съ долѣ Г-жи Артемовой*; въ С. Петербургѣ, у Г-дѣ книгопродавцевъ: И. В. Слѣнина и А. Ф. Смирдина. — Цѣна: въ Москвѣ 40 рублей ассигнаціями, съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 45 рублей ассигнаціями. Г-да Иногородные благоволяще адресоваться *объ Контору Телеграфа, или объ Газетную Экспедицію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Почтамта.*

№ 14 Mock. Maier. 1831.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ

ТОБОЛЬСКЪ,

ВЪ РАЗНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

(Окончаніе.)

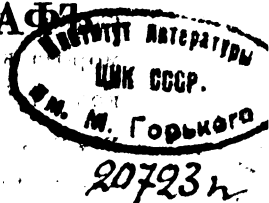
4. Въ отношеніи физическомъ.

а) *О средней температурѣ и магнетизмѣ.*

Разсмашивая Географическое положеніе мѣста, очень естественнo начинаеть дѣло съ *теплоты*, какъ краеугольнаго камня всѣхъ силъ и вліаній, какими она дѣйствуетъ на жизнь разсмашиваемой почки. Теплота есть вторичная причина шворенія живошнаго, расшипельнаго, и, бышь можеть, даже ископаемаго; она есть мать и мачиха человѣческой раждаемости, смершности и всей жизни органической. Благоговѣя къ неизрѣченной премудрости Зиждителя, къ сей неизмѣримой пучинѣ сущностей и бышій, смѣю-ли произнестъ, что и повивка и пеленаніе умственной способности благословляюща на рукахъ шой-же вѣчной няньки?

Юль 1834.

40

Въ Тобольской широтѣ $58^{\circ} 14' 43''$, жипель, въ печеніе почти каждаго года, совершаетъ чрезвычайное путешествованіе въ термометрическомъ пространствѣ 60-ти градусовъ, отъ мороза къ жару, и обратно, пошому что шакво, бываешъ наибольшее измѣненіе въ термометрѣ, хотя въ 1830 г., по необыкновенной мягкости температуры, измѣненіе и не выходило за предѣлы 56° -ти. Не будь шубы зимою, и легкой шкани лѣтомъ, легко-бы, кажешся, сердцу человѣческому обледенѣть, или распопишся, на подобіе воска. При всей важности сужденія, можно принимашъ непомѣрную разницу тепла и холода за шу физическую причину, которая и измѣняетъ органической первообразъ жипеля, и увлекаешъ къ небреженію правилъ діететическихъ. Если въ этомъ заключеніи нѣтъ опромешчивости, не шрудно будетъ разгадать, отъ чего Самоѣдъ нашъ, сберегаемый своею широшю отъ насильственнаго перехода между мороза и жара, оспаешся свѣжъ и румянъ, и отъ чего шакже всѣ сѣверные инородцы бываюшъ шакъ падки къ горячимъ напиткамъ. Они, кажешся, и физически и психически, ищущъ перейдши въ пропорціональный климашъ шеплошны.

Имѣя въ предметѣ одно разсмотрѣніе Тобольска, я собираю свое вниманіе къ сей шолько шочкѣ. Почему и дѣлалъ себѣ вопросъ предва-

рипельный: какъ глубоко промерзаетъ здѣсь земля зимою? Нашлись условія промерзанія шаковы :

- а. Въ зиму ранняго снѣга
 на горѣ 6 четвертей.
 подъ горою 5
 подъ горою въ иловашой почвѣ . . . 9
- б. Въ зиму малоснѣжную
 на горѣ 8
 подъ горою 7
 подъ горою въ иловашой почвѣ . . . 12

Во второмъ случаѣ земля подъ верхнимъ слоемъ оспадаетъ не палюю до 20-хъ чиселъ Мая. Симъ-то обстоятельствомъ надобно объяснить наблюдение надъ 3-мъ колодцемъ (*), взятое 3-го Апрѣля, когда температура колодца сполна — 0°, 5. Дѣйствительно, подгорная земля Тобольска, какъ иловашая, глубоко промерзнувъ зимою, поздно превращается въ шѣспо жидкое.

Изъ сего легко заключишь, какъ неблагоприятна для живельства атмосфера и почва подгорная. Смертность подгорная къ нагорной содержится въ Тобольскѣ, какъ $\frac{6}{5}$, при равныхъ

(*) См. Записку о температурѣ колодцевъ, въ концѣ сей книжки. *Изд. Тел.*

числахъ , въ то время , когда изъ 10-лѣтней сложности (если только она выведена вѣрно) извлекается самая печальная достоверность , т. е. что общая Тобольская смертность содержится къ рождаемости какъ $\frac{17}{13}$. Что-жь такое нашъ городъ , какъ не предмѣстье кладбища , если только таблица статистическая безошибочна ?

Присупимъ къ дѣлу. Изъ метеорологической выписки , извлеченной изъ наблюдений 1830 г. , веденныхъ подъ надзоромъ Г-на Кунавина , можно видѣть , что средняя воздушная температура цѣлаго года выходитъ въ Тобольскѣ по термометру Р. (*) $+4^{\circ}, 5$, по вычисленію того же Кунавина географическая температура Тобольска $+3^{\circ}, 04$, а почвенная , чрезъ весь годъ наблюденіями преслѣдованная $+4^{\circ}, 04$, о чемъ

(*) Наблюденія въ здѣшней Гимназіи нѣсколько лѣтъ вѣдены были по ртутному термометру Р. мастера Кони ; но въ настоящемъ году , возложивъ на себя строгую оппеченность по изданію сей книги , я доставилъ случай Г-ну Кунавину повѣрить гимназическій термометръ съ двумя термометрами , однимъ ртутнымъ Р. и другимъ спиртовымъ споспешенникомъ , изъ коихъ первый былъ оставленъ одному медицинскому чиновнику , для наблюдений , опъ Доктора Эрмана , соповарица Ганстеенова , а другой опъ Барона Гумбольдта. Сообразно повѣркѣ , дѣланной въ разныхъ предѣлахъ температуры , введена поправка въ

подробно излагается въ особой запискѣ. Слѣдственно, разница между температурой воздушной и почвенной выходитъ $+2^{\circ}$, 54, а между географической и почвенной $+0^{\circ}$, 97. Результатами сіи не противорѣчаютъ нѣмъ заявленнымъ требованіямъ, что въ большихъ широтахъ температура почвенная должна быть выше противъ воздушной, и что температура воздушная на сѣверѣ должна упадать къ востоку, какъ это и подтверждается извѣстными сравненіями температуръ, какія на западѣ и востокѣ, относительно къ меридіану Тобольской долготы, определены въ Казани, на сѣверномъ Уралѣ, и въ Иркутскѣ Г. Шукінымъ.

Не вдаваясь въ велерѣчіе, ушоминельное по сей часи даже подъ перомъ самыхъ ученыхъ,

прежнія наблюденія сего года, а въ наблюденіяхъ почвенной температуры иногда употреблялись термометры Гг. Эрмана и Гумбольдта.

Когда-то придетъ время, чтобы жили наши надумались выписывать изъ столицъ физическіе инструменты по примѣру, какъ выписываютъ наряды модные? Не лзя сказать, чтобы здѣсь не имѣли термометровъ и барометровъ: но какіе? Не ближе-ли Университету Казанскому залучить мастера для дѣланія вѣрныхъ инструментовъ, и распроспранять ихъ въ продажу, на пользу наукъ, и для ознакомленія жителей съ ними? Гдѣ-же мы найдемъ книги и инструменты, если не будемъ ихъ въ продажѣ?

я прибавлю, собственно для своей почки, два замѣчанія: а) что средняя воздушная температура здѣсь должна быть ниже той, какая вышла въ наслоящемъ шепломъ году, и что впрочемъ она со временемъ можешь опять повыситься, когда осушатся окрестныя болота, какъ охлаждающія атмосферу, особливо въ Августѣ и Сентябрѣ; б) по моему мнѣнію подлежащъ еще вопросу: можешь-ли температура почвенная, выведенная изъ наблюдений родника желѣзиспаго, а не прѣсноводнаго, почипаться прямою указательницею истинной почвенной шеплошы? Надобно для опчета сказать и то, что воздушная температура около колодца 5-го Января мною замѣчена была — 16° , и въ тоже время городская воздушная спояла — 19° , изъ чего можно судить о степени вліянія родника на окружающую атмосферу; и съ сего времени брались наблюденія надъ воздухомъ уже въ городѣ, а не около колодца. Я помѣщаю спашью о средней температурѣ, не въ видѣ припязанія ученаго, а въ чистомъ, безкорысномъ намѣреніи, напредки привлечь вниманіе просвѣщенныхъ земляковъ къ занятіямъ шолікой важности.

Другой важный предметъ, соприкосновенный съ шеплошою, заключается въ вопросѣ: земной магнетизмъ ешь-ли содѣйствовашель ея, или шолько спуняикъ? Безъ надежды на рѣшеніе,

миѣ хотѣлось-бы ознакомить своихъ земляковъ, видѣвшихъ Гг. Ганспеена и Гумбольдта, съ современными свѣдѣніями, въ приближительномъ къ вопросу порядкѣ. Первое главнѣйство въ миспикѣ магнитной есть *наклоненіе* снрѣлки, потомъ *отклоненіе*, и наконецъ *напряженность*.

Начинаю шѣмъ, что наклоненія не замѣчено около земнаго экватора, и снрѣлка тамъ покоится горизонтально, какъ будто размагнитенная; но сіе явленіе проявляется не линією правильною, а кривою, раза три или 4 перебивающею чрезъ экваторъ, и оспрядывающею индѣ осьъ него до 44° . Эша линія безъ наклоненія названа *Магнитнымъ Экваторомъ*, котораго полюсы или пѣ прошивоположныя почки, гдѣ наклоненію надлежитъ бытъ наибольшему, находяшся на сѣверѣ подъ 76° ш. около 25° западной долготы, и на югѣ подъ равнымъ градусомъ ш. при 225° шой-же долготы (*). Но послѣ Англо-морскихъ пушешествій 1818 в., одинъ изъ полюсовъ не нашелся на показанномъ мѣстѣ. Теорія Гумбольдта и Біюна, ушверждавшаяся на предположеніи двухъ магнитныхъ средопочій въ середкѣ земли, и вснрѣшившаяся съ другими еще шемнопами, должна была искать подкрѣпы въ новыхъ изъясненіяхъ, какъ

(*) По меридіану Парижскому.

обыкновенно водятся у теорій, въ которыхъ со-
ставляемыхъ.

Точно такъ-же, какъ усмотрѣна полоса безъ
наклоненія, нашлись полосы или *линіи безъ от-
клоненій*. Онѣ не слѣдуютъ направленію мериді-
ановъ, хотя и прорѣзываютъ свой экваторъ,
проходя изъ одного полушарія въ другое. Такъ
одна изъ сихъ линій есть Аплантическая, ко-
торая обвиваясь около Парагвая, и потомъ
прокладываясь по берегамъ Бразиліи, идетъ до
Касны, а отсюда повернувъ на сѣверо-западъ
къ Штатамъ, проходитъ далѣе чрезъ сѣверный
америкъ. Вторая, начинаясь въ южномъ океа-
нѣ, пересѣкаетъ Н. Голландію и Инд. море, и
идетъ чрезъ мысъ Коморинъ въ Персію и въ
западную Сибирь къ Лапландіи. Замѣчено, что
эта линія раздвояется у Азіяскаго многоостро-
вья, и проходитъ чрезъ Кипай въ Сибирь вос-
точную. Четвертая линія, намекающая Кудомъ
на Тихомъ морѣ, подтверждена выводомъ Гум-
больдта, какъ законодателя по части магне-
тизма. Скажемъ мимоходомъ, что въ линіяхъ
безъ отклоненій замѣчено меньше поспоянства,
и особенно въ Аплантической, чѣмъ въ магнит-
номъ экваторѣ, но есть опять шочки, гдѣ онѣ
около 140 лѣтъ остаются неизмѣнными. Со-
ображеніе сихъ меридіановъ не магнитныхъ,
какъ легко понять, заставило Гансхеена, Нор-
вежца, выдвинуть изъ земной середи магнитныя

средопочія, и отбросить ихъ, не по одному, а уже по парѣ, на концы обоихъ полушарій, въ промежутки полосъ безъ отклоненія.

Наблюденія надъ напряженностію магнитной силы начаты пѣмъ-же Гумбольдтомъ, и онъ первый выговорилъ, что сіе явленіе возрастаетъ отъ экватора къ полюсамъ.

За симъ докажемъ оспальное, и старое и новое: а), что явленія магнитныя были дознаны Біопомъ и Гей-Люсакомъ на высотѣ аеростатической, безъ чувствительныхъ измѣненій; б), что отклоненіе суточное усиливается между полдня и прехъ часовъ по полудни, что оно направляется отъ меридіана къ востоку съ весенняго равноденствія до лѣшняго солнцесходенія, и что въ прочее время года поворачивается къ западу; в), что при сѣверномъ сіяніи магнитная стрѣлка возмущается и оказываетъ неправильности. Вшорому изъ сихъ усмотрѣній подлежатъ и наклоненіе, съ нѣкоторыми только ошѣнками. Не меньше замѣчательно и то, что кромѣ желѣза, стали, никеля и кобальта, сильно намагничивающихся, могутъ приходиться въ магнитное состояніе и другія вещества, если имъ дано будетъ извѣстное положеніе. Стрѣлочки золотыя, серебряныя, стеклянныя и деревянныя, лишь-бы сдѣланы были не длиннѣе 8-ми миллиметровъ и не толще полумиллимет-

ра , будучи повѣшены на шелчинкахъ между противоположными полюсами двухъ магнитовъ , принимаютъ магнитность . Изъ чего заключающъ , что или всѣ существа въ природѣ способны намагничиваться , или всѣ они составлены изъ частицъ желѣза и другихъ металловъ , которые имѣютъ сродство съ магнетизмомъ .

Вотъ сокращеніе , извлеченное мною изъ Біоша ! Изъ него видно по сословію , въ какомъ находилось ученіе о магнетизмѣ , до пріѣзда въ Сибирь Гг. Гансхеена и Гумбольдта съ своими товарищами . Имъ нужно было собрать наблюденія опытныхъ , дабы рѣшительно установить теорію магнетизма ; и мы скоро увидимъ , не останется ли и за нѣмъ большихъ пробѣловъ въ магнетизмѣ магнитномъ .

Не зная , успѣли ли ученые путешественники со второю полосой безъ отклоненія , пролегающею чрезъ Уралъ къ Лапландіи , мы можемъ изъ Мѣсяцослова на 1831 годъ судить только о томъ : а) что широта не магнитная полоса проходитъ близъ Троицкосавска съ лѣвой руки , а подлѣ Селенгинска по правой сторонѣ , и опять съ лѣвой подлѣ Вишимской слободы ; б) что сила наклоненія въ сѣверныхъ Сибирскихъ мѣстахъ вообще являющаяся больше 70°. Неизвѣстно , для чего въ Мѣсяцословѣ пропущены силы напряженности , хотя ,

по моему мнѣнію, можно-бы и безъ разбора принимашъ число наклоненій за число напряженій, усноровивъ между ними содержаніе; ибо не одна-ли причина выражаешся двумя разными приемами, двумя повѣрками? Впрочемъ, при всей справедливой недоувѣрчивости къ себѣ, и при всемъ уваженіи къ любой изъ обѣихъ гипотезъ, я не могу скрыть недоумѣнія, ошъ чего на поверхности земли пролегающъ полосы безъ магнитнаго означенія, когда подъ ея поверхностью не преснаешъ дѣйствовашъ однородная причина, въ видѣ наклоненія или напряженія? Уже-ли земная кора въ силахъ разобщашъ дѣйствіе одной и той-же причины?

Увольняя себя ошъ повшоренія наблюденій Г-на Гансеена, уже высавленныхъ въ Мѣсяцословѣ, я помѣщу здѣсь полученную въ Тобольскѣ изъ его рукъ выписку объ одной поспешности напряженій:

Въ Спокгольмѣ	4,386,4
— Петербургѣ	4,410,5
— Тобольскѣ	4,560,4

Послѣ всего осмашся ворошиться къ вопросу: не магнетизмомъ-ли поддерживаешся въ глубокомъ сѣверѣ шеплоша почвы, шакъ какъ земли и щелочности содержащъ въ своихъ основаніяхъ мешаллоиды, и шакъ какъ возраста-

ніе наклоняемости и напряженности возвышающейся къ северу? Какъ-бы пріятно было Князю Обдорскому увѣриться въ лесной мечтѣ, что когда нибудь эпохѣ содѣйствователь усиливается, и снова прольетъ, далѣе усшьевъ Оби и Колымы, безъ физическихъ переворошовъ, шу благошворную шешлошу, кака была во время оно у Гипербореевъ, владѣвшихъ спадами мамоншовъ.

Когда я оканчивалъ спать, вдругъ пыхъ ко мнѣ почтенный мужъ, сидящій на первомъ спулѣ въ своемъ мѣстѣ. Вѣрно вы, привѣщивали меня, мараете что нибудь о Сибири?

Х. Нѣшъ, Иванъ Никитичъ, я всполаскиваю Сибирь, кошпору мараютъ другіе.

О. Да о чемъ вы пишете?

Х. О средней шемперашурѣ и еспешвенномъ магнешизмѣ.

О. Что вамъ пришло въ голову пишашъ о средней *карикатурѣ*? Пусть о магнешизмѣ: это дѣло девашое. Жена моя сохнешъ, и я право желалъ-бы найдши машера, кошорый-бы помагнешизировалъ ее.

Х. Чшобы намагнешизитъ, вѣдъ надобно напередъ вышпанушъ ее въ пласшанку, и повѣсашъ

на шелковой нити, дабы ей повернулась въ магнитный меридианъ.

О. Чѣмъ за ахинея? Вы видно не читали *Вилламскаго*.

Х. Будучи полномочнымъ представителемъ Сибирскаго просвѣщенія, не припворяешься-ли вы, Иванъ Никипичъ, что будно не понимаете ученія о магнетизмѣ? Въ определенное время умѣшь, говоря шехнически, куврыкашься предъ *Австральнымъ элементомъ*, не значишь-ли очень хорошо разумѣшь свойство *инклинатора*? Въ обратномъ содержаніи *квадрата разстоянія*, ошъ поклоняемаго элемента знашь придпи въ *вертикальное положеніе* предъ другими, или дома предъ просипелемъ растянушь въ пластъ горизонтальный, будно не спанешъ васъ, и будно эшо не прямое знаніе магнетизма?

О. Какая намъ нужда до эшой ученой блажи, да и вамъ, не по лѣшамъ и не по чину, занимаешься-бы пустяками. Надобно, сударь, умѣшь бышь Исправникомъ, Окружнымъ Начальникомъ, Совѣшникомъ, Предсѣдателемъ, надобно умѣшь управлять людьми и судишь ихъ: вошъ въ чемъ важность. Прощайше!

Чло управляшь и судишь ешь дѣло важное, очень важное, дѣйспвительнo сказалъ правду эшомъ добрый человекъ. Управляшь прихожею, дворнею, домошъ — сколько шребуется благора-

зумія, равнодушія, справедливости! А управляешь округою 30-ти тысячъ крестьянъ, чшобъ они могли сообщать благоденствіе и радость 30-ти тысячамъ семействъ, какой пребуешься умъ, воля, характеръ! Разсудишь между 3-мя слѣпыми нищими, дѣлящими брошенный имъ грошъ, сколько пребуешься снисхожденія и веселости, а бышь гошовымъ судишь губернію въ спорахъ собственности, по зашъванныхъ, по перепущанныхъ, или въ проспупкахъ, по съ умысла уменьшаемыхъ, по злобно увеличиваемыхъ, какое пребуешься здравомысліе, праводушіе, безприсраспіе, вѣдѣніе! Если ошибешься въ сужденіи о средней температурѣ, другой, подспрекаемый спрогою наукою и гордостію ума, пошчасъ перечтешь по пальцамъ погрѣшности; но, когда напроказишь хищрый судья, скороли поймашь жа? Дѣйствишельно, науки физическія, какъ Египешскія пирамиды, возвысились предъ знаніями спашскими, и сами подають возможность осмашривать свои бока. Припомъ, что за бѣда, если 4 магнитныхъ средшочія, Ганстееномъ водруженныя на краяхъ полушарій, рано или поздно погрязнушь въ пучинѣ гипотезъ; что за бѣда, когда пошонушь одни мнѣнія, а вымпель съ его наблюденіями не оставишь подхватишь сама Уранія? Такого поручительсшва вѣшь въ предмешахъ судебныхъ. А Юриспруденція, молвишь-бы Иванъ Никишичь?

Юриспруденція дошла до Урала, и повернулась къ Сибири спиною. Что мнѣ шамъ дѣлать, сказала на опрѣзъ, когда судей не балошируютъ сословія, и когда я не видала ихъ на экзаменахъ? Разумѣется — я шушилъ, чтобы разсердишь Ивана Никишича.

б. О раствореніи и движеніи атмосферы.

Не повпоря о качествѣ почвы Тобольска, о чемъ уже было мною упомянуто въ другомъ мѣстѣ сего сочиненія, поступимъ теперь къ непосредственнымъ слѣдствіямъ естественныхъ перемѣнъ географической шеплошы, въ выраженіяхъ общихъ.

Маршъ бываетъ довольно холоденъ, а былъ-бы сноснѣе, если-бы не вѣли пронзительные вѣтры съ румбовъ между С. З. и С. В.

Апрѣль иногда походитъ на Маршъ, съ пошепеннымъ смягченіемъ въ холодѣ, и съ измѣненіемъ въ напряженіи вѣтровъ. Не рѣдко бываетъ шепель и благорасшворенъ, какъ Май. Въ послѣднемъ случаѣ вѣтры вѣютъ съ предѣловъ Ю. В. и Ю. З.

Если, вслѣдствіе ранней шеплошы Апрѣля, воды Иршыша и Тобола ранѣе разливаются по заливамъ и лугамъ подгороднымъ, то въ Маѣ и Іюнь, до 20-хъ чиселъ послѣдняго, нагорные

жищели Тобольска наслаждающаюся особеннымъ благородраспореніемъ. Воздухъ, насыщенный водою, разлагаясь, дышитъ въ нагорныхъ слояхъ пріятною и легкою свѣжестью. Въ эту особенно пору, Тобольскъ подгорный чувствуетъ разность положенія, и шѣмъ не меньше продолжаетъ 250 лѣтъ питаться удушливыми испареніями болотистой и навозной почвы, кошорая шѣмъ еще плешворнѣе, что и покашные спокки ещеспешвенныхъ водопроводовъ запираются безразсудностию нѣкошорыхъ жищелей, а каналы уличные оспаются пренебреженными. Одно изъ вѣчныхъ городскихъ болотъ, благодареніе Главному Начальнику, нынѣшнимъ лѣшомъ было спущено, и работа спшила — двухъ сотъ рублей.

Въ концѣ Іюня бывающъ обильные дожди, съ громовыми грозами и съ сильными перекашами звука. Нѣтъ сомнѣнія, что сія явленія происходятъ отъ чрезвычайно-разрѣженного жарамъ воздуха, и при томъ пресыщенного водою, шакъ какъ разлипіе водъ пересшааетъ не равнѣ 20-хъ Іюня. Надобно прибавить, что грозы сего времени ополчаются прогивъ города съ предѣловъ З., съ шой болотистой спороны, кошорая слышеть у жищелей *гннлымъ угломъ*.

Теперь слѣдуетъ упомянуть о метеорологической загадкѣ, ожидающей изъясненія, именно: съ 10-хъ Іюля здѣсь почти постоянно насшааетъ

дождливая погода, и продолжается до половины Августа. Это одна изъ причинъ, охлаждающихъ лѣтнюю температуру; и, если съ одной стороны проигрываемъ въ пріятности времени и въ успѣхахъ полевыхъ работъ, съ другой выигрываемъ безопасность отъ распространенія Сибирской язвы, съ жарамн усиливающейся. Между лѣтмъ, дабы не скрывать атмосферическаго непостоянства здѣшной широты, должно припомнить, что въ лучшее лѣтнее время иногда завершывается вѣшеръ съ С., и дуемъ суши, и болѣе.

Конецъ Августа и Сентябрь по большой части бывають сухи и здоровы. Иногда и Октябрь мало разнишя отъ нихъ, а другимъ годомъ подвергается припадкамъ зимы.

Термометръ Р. начинаеть опускаеться къ 20° почти всегда около 20-хъ Ноября. Вошь время, въ кошорое не обинуясь начинаеться Тобольская зима, и въ напряженіи морозовъ, по смѣнно усиливающихся или смягчающихся, она продолжается обыкновенно до первыхъ чисель Февраля. Само по себѣ разуметься, что погда господствуютъ вѣтры съ С. З. до С. В. Вошь перечень Тобольской температуры и перемѣщенія воздушнаго!

Должно-ли въ нашей широтѣ дѣлится время на года на 2 или на 4, по примѣру среднихъ

широко? Поскольку расписательная сила начинаешь работать через мѣсяць послѣ весенняго равноденствія, и продолжаешь свое вліяніе на дозрѣваніе нѣкоторыхъ расшеній, какъ-то бруслики, клюквы и пр., за предѣлъ равноденствія осенняго, по и слѣдуешь опрѣзки времянь до солнцеспоянія и послѣ равноденствія принимаешь за весну и осень. Гдѣ-жь начало весны, и гдѣ конецъ осени, вотъ другой вопросъ, до котораго доводятъ наши припизанія на шипиде порядочной параллели! Появленіе и исчезновеніе зелени, равномерное развитіе цвѣтень и листонадъ, кошорый оканчивается у насъ въ Ноябрьрѣ, не могутъ бытъ приняты за явственныя межи какъ между зимы и весны, такъ между осени и зимы; астрономическія-жь почки созвѣздій не скоро дождутся бытъ нашими записями времянь. Я рѣшаюсь утверждать, что большія линіи шаянія и замерзанія, не въ спрогомъ шермометрическомъ смыслѣ, должны предспавляться самыми естественными границами, въ обоихъ случаяхъ. Посему, вскрышіе р. Ирпыша, какъ нуль или первая ступень восходящей лѣспницы шеплошы, равномерно покрышіе его, какъ нуль или первая ступень опускающей лѣспницы холода, должны бытъ разумѣмы началами и весны и зимы. Если и въ сихъ двухъ народныхъ хронометрахъ ееть предвареніе и запозданія своихъ небольшихъ эпохъ, по

опять въ какомъ порядкѣ время, хопя лунныхъ, хопя солнечныхъ, хопя всемірно-небесныхъ, сущеспвуетъ почная неподвижносп шешсвій? Чшо-жъ касаетсѣ до видимаго неравенсшва въ нашемъ положеніи, шо, въ вознагражденіе сего небольшого возмушенія, предлагаемы мною указанія носятъ характеръ всенародности и нѣкопшой даже шоржешвенности: ибо шупъ открываютсѣ новыя пупи сообщеній, новыя способы жизни народной. Трудолубивый жипель Тобольска или спановишсѣ на палубу судна, дабы вскорѣ возвѣспишь городу свое радоспное опплытіе и свободу привѣтшвиємъ высшрѣловъ, или при оцѣпененіи водъ садишсѣ на сани, и прокладываетъ дороги, по расписанію жишейскихъ надобностей. Рѣка, въ самомъ еспешвенномъ назначеніи, еспъ великая мѣра жизни общеспвенной.

5. Въ отношеніи къ Изящнымъ Искусствамъ.

(Разговоръ въ Екатеринбургѣ, въ домѣ Г. Т.).

« Когда шакъ, шо на свѣшкахъ, Анна Николаевна, непремѣнно скашасѣ въ Тобольскъ, послушатъ и посмошрѣшь Изящныхъ Искусствъ. » Такъ говорилъ хозяинъ дома, когда спавили на спшоль закуску и крафинны.

Хозяйка. Очень рада посмошрѣшь Азію.

Тобольскъ. Какъ будто не всегда она въ вашихъ, сударыня, глазахъ. Развѣ городъ вашъ не на покатописи Азіятской?

Х-ка. Вошь прекрасно! Если-бы домъ Распоргуева (*) покрышь на два скаша, къ Воспоку и Западу, ужли-бы спали говорить, что въ немъ живущъ пополамъ съ Европой и съ Азіей?

Х. Чего не говорятъ! Но опложимъ преніе до Тобольска, когда наслушаемся и насмошримася Изящныхъ Искусствъ.

Совѣтникъ. Какихъ Изящныхъ Искусствъ?

Х. Да! Вы не слышали, что памъ съ 20-го Января 1829 г. начались по праздникамъ большіе инструментальные и вокальные концерты.

Сов. Диковинка!

Тоб. Ни мало не диковинка, когда поэзія уха и сердца управляется паланшомъ извѣснаго музукосочинишеля Алябьева. Эшо нашъ России.

Бергмейстеръ. Эшо вашъ Орфей, правильнѣе-бы сказать; пошому, что вѣрно спомло ему не меньшаго пруда, какъ и первому, засшавишь

(*) Сей домъ выспроенъ на горѣ, великолѣпно. Незабвенный Пупешешшвенникъ Александръ изволилъ въ немъ оспанавлмвашся въ Сентшбрѣ 1824 г.

деревья и камни себѣ аккомпанировать. Кшо-жь у васъ вписался въ кашалогъ музыкальнаго безсмертія?

Тоб. Не многіе и не многіа.

Сов. Публика ваша, видно, безпристрастна, когда шакъ судишь, какъ вы изъясняешься.

Х-ка. Вѣрно есть у васъ собраніе?

Тоб. И многочисленнѣе и блистательнѣе здѣшняго, если не бросають мнѣ перчашки за смѣлость сравненія.

Х-ка. Полно нужна-ли многочисленность и блистательность для пріятности?

К-ва. Доходящъ-ли до васъ моды?

Тоб. Эпо поже, какъ хощеть-бы спрашивать: есть-ли у Сибирскихъ красавиць вкусъ?

Сов. Вы рѣшаете важную задачу, что будто-бы красота и вкусъ не смѣются развеселиться модою?

Х-ка (смѣясь). Прошу не забывать, что это рѣшеніе, если-бы и довелось перенести, все перенесется не въ Горное Правленіе.

К-ва. Откуда получаюся у васъ модные наряды?

Берг. Безъ сомнѣнія изъ ближайшей споллицы, сирѣчь, Бухары или Пекина.

Тоб. Разница 600 верстъ въ правѣ-ли присвоивать шакую Пекинскую гордосць?

Берг. Среди важныхъ вопросовъ можно-ли удержаться, не спросить: умѣюшъ-ли Тобольскія щеголихи шить, вышивать, и править хозяйствомъ? Это полезнѣе-бы для небогатыхъ невѣстъ и для нашей брашны жениховъ.

Х-ка. И эгоизмъ и гасгрономія?

К-ва. Какъ будто двѣ новыя науки горнаго искусва.

Х. Для чего не спросите о другихъ искусствахъ?

Сов. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли у васъ живописцы?

Тоб. Какъ не бышь! Гдѣ есть банковые подлинники, шамъ всегда къ услугамъ рисунокъ и живопись. Если-бы вы посмопирѣли, какъ расписываются у насъ цвѣсами пошолки и фризмы.

Берг. Какъ Еврейскій камень, думаю.

Тоб. Нѣшъ, сударь, какъ Делилевы сады.

Берг. (подхватываетъ). Развѣшенные надъ головами и подъ корнизамы! Мнѣ очень нравишя такая просушка Делилевыхъ садовъ, въ болошномъ краю.

Х-ка. Но мнѣ не всегда нравишя подобная способность воображашь.

Сов. Есть и порпирешныя живописцы?

Тоб. Есть, но, правду сказашь, съ киспью мѣщанскою. Госпиныя наши и залы, гдѣ есть залы, удѣшивающя поршрешамы разными, на-

чиная съ хозьевъ или съ начальниковъ до Городничикъ.

Х-ка. Вотъ прелестные Пантеоны Сибирскаго безъмерсія!

Берг. Какъ не поддержишь добродушнаго восклицанія, и какъ не предашься опять воображенію, слыша о поршрешахъ, особенно съ красивою армашурою пожарныхъ орудій!

Сов. Дамской шукъ свое мѣсто. Но я не пойму, какимъ образомъ люди, при невидныхъ качестввахъ, и съ душою не всегда бѣлюю, смѣюшъ желашъ пережить свою ничтожноспъ на холспѣ?

Берг. Даже желашъ надобно, чшобы эши Ивановы червячки (*) свѣшились долѣе, чшобы кисшъ и холспѣ, пока добрые люди не употребяшъ поршрешной холшины вмѣсто клеенки, напоминала о себѣ, для негодованія.

Х. Оставъше діалекшику, и лучше пользуйшесь свѣдѣніями о Сибири.

Сов. Послѣдуемъ совѣшу. Сколько у васъ публичныхъ училищъ?

Тоб. Всѣхъ, гражданскихъ, духовныхъ и военныхъ, наберешся, кажешся, до 6-ши.

Берг. Изрядно! А пишейныхъ домовъ, недавно сказывалъ опкушчикъ, который порго-

(*) Такъ называются въ Еспешвенной Исторіи извѣстные свѣпящіеся червячки.

вался на Тобольскъ , сословишь въ шпашѣ 20. Въ 6-ши заведеніяхъ можно кой-чему научишься , а въ 29-ши послѣ онъ всего разучишься !

Х. Прошу дорогихъ госпей , прикушашъ водки или мадеры , и закусишь , что Богъ послалъ. Заморивъ голодъ , авось разучимся мы опъ сполю искреннихъ переговоровъ.

Тоб. Признаешься , что я начинаю гмохнушь опъ Ювеналовыхъ припѣвовъ.

Сов. Что дѣлашь , когда метода провинціальныхъ разговоровъ нынѣ идетъ , по способу взаимнаго обученія.

Берг. Видь Тобольскъ опсюда шолько въ 600 верспахъ. Ужь-ли шамъ заочно говоряшь другъ о другъ вѣжливоспи да похвалы?

Х. Какъ любипель Изячныхъ Искусствъ , я радуюсь за Тобольскъ , что шамъ нашелся , по словамъ госпя , опличный масперъ , кошорый изъ гончарной глины выдѣлываешъ чудесныя вещи , въ испинномъ вкусъ ваянія.

Тоб. Да ! Онъ дѣлаешъ разныя упвари , разныя анпики , урны и вазы древняго спиля , и украшаешъ ихъ самою изячною рѣзбою изъ шойже глины , какая-бы идея ни была ему дана. Масса , окончашельно вырабопанная и обожженная , принимаешъ у него видъ и швердосшь лавы Везувіевой. То , что ешь необыкновеннаго въ искусствѣ сего ваяшеля , шакъ емкость гли-

ни, которая принимает острые углы въ корнизцахъ и подобныхъ оспроконечныхъ линияхъ, и еще на машовомъ колерѣ *отливаетъ высокія оттѣнки свѣта*, безъ всякой металлической примѣси или глянцевашаго вещества. Я не говорю уже о томъ, что художникъ, имѣя умъ образованный, есть и не послѣдній сочинитель въ своемъ родѣ.

Х. Слышите-ли? Наша гранильня рисуетъ превосходно на янитъ всѣ приличныя украшения, но не дошла до того, чтобы разнообразить свѣтъ на мапѣ камня.

Х-ка (*гостю*). Я усердно прошу васъ заказать сдѣлать для меня медальонъ по рисунку, который вамъ вручу при вашемъ отъѣздѣ.

Тоб. Готовъ принять подобныя порученія и отъ другихъ дамъ, дабы хотя числомъ скудельныхъ нашихъ сувенировъ поплашились за пирамиду Ермакову, которую Тобольскъ началъ ожидать, еще съ прошлой Пасхи.

Берг. Ужь-ли у васъ не воображаютъ, что для изсѣченія пирамиды изъ мрамора, пребудетъ больше времени, чѣмъ для намалеванія какогонибудь Тобольскаго генія? Но мнѣ пришла мысль, и очень справедливая, что при обмѣнѣ пирамиды на глиняныя изваянія, все выигрѣшь останется на споронѣ Тобольска. Тамъ поставятъ памятникъ нашего искусства на мер-

ивомъ глиноземъ, а шамоннія легонкія скуде-
ди легушь на чувствительныхъ бюскахъ нашихъ
дамъ.

К-ва. Почему знашь, можешъ бышь ваша бу-
дущая закажешъ урну, а не медальонъ?

Х. Гдѣ будешъ поставлена у васъ пирамида
Ермакова?

Х-ка. Помнишь, Александра Асафовна, мы
видѣли въ Горношипскомъ заводѣ, какъ обще-
сывали мраморъ для Тобольскаго памятника.

Тоб. На горѣ, на горѣ, а гдѣ именно, еще
не рѣшено (*); равно неизвѣстно и по, ош-
куда взяшь попребную сумму на гранишовое
подножіе.

Х. Пора, давно пора памяпи завоевашеля Ура-
ла и Сибири, копорый на своихъ плечахъ пе-

(*) Во время разговора еще не было рѣшено, что
3-хъ-гранной пирамидѣ Ермаковой должно спюяшь на
мысѣ Чукманѣ, надъ рѣчкою Курдюмкою, съ копорою
соединяешся и ручей опъ родника, служившаго къ
измѣренію почвенной пемпературы. Но другіе судяшь,
что если-бы памятникъ былъ поставленъ на Пани-
номъ бугрѣ, видѣли-бы его со всѣхъ частей города,
и даже съ подъѣзда къ городу. — Вышина пирамиды
вмѣспѣ съ шумбою, кромѣ исподняго подножія, на-
значена въ рисунокѣ 7 саж. На ней означипся годъ
завоеванія Искера, а барельефы будущъ углублены,
въ Египетскомъ стилѣ.

реносилъ военные снаряды чрезъ всѣ хребты, успокоившись на почешномъ гранишѣ.

Берг. И очень кспаши! Испорія Азіяпскаго челоѳтчеспіва увидишъ въ своемъ, шаѳъ сказашь, фасадѣ два замѣчательные обелиска: одинъ Ал-букерковъ, на южномъ концѣ, въ Ормузѣ, а другою Ермаковъ, на концѣ сѣверномъ, въ Тобольскѣ.

Сов. Да! Можно-бы пополнишь піишпическій фасадъ и другими бывальными памяшниками, но не о помъ хошѣлось-бы думашь. Мнѣ, право, всегда казалось удивительнымъ, что дерзкое дѣло сошло Ермаку съ рукъ въ его грозное время, и дожило еще до памяшника; а сколько подобныхъ отважныхъ дѣлъ заглажено у современниковъ, хошя въ пошомспвѣ и были украшаемы обелисками, или иногда бышъ могло на оборошъ! Прошу-жъ шеперь, при шакомъ скепшицизмѣ, по времени шо пошомспива, дознаваться о приговорѣ испиины, для славы или безславія.

Тоб. Очень легко по приговору Испоріи.

Х-ка. А если Испорію пишущъ шѣ-же люди?

Берг. Мой любимый проэктъ: не лучше-ли бы предоснавивъ писашь Испорію дамамъ, пошому, что мужчины сушъ дѣйшвовашели, а дамы, какъ неупральной державы, прямѣ судили-бы акшероѳъ испорическихъ?

Х. (хохочетъ). Вотъ была-бы Испорія новая, дѣйствительно новая во всемъ пространствѣ слова! Тогда увидѣли-бы мы чудесныя эпохи гражданственности: эпохи головныхъ уборовъ, эпохи шалей, эпохи перешажки, и пр. и пр. Вотъ образцовый проэктъ, прежде копораго ни одна барыня, ни барышня, не выискалась бышь подругою Калліопы!

К-ва. Чшо пушъ забавнаго? Проэктъ дѣлаешъ честь нашему полу.

Тоб. И слѣдственно оспроумію! Очень припшно желашъ, чшобы дамы сдѣлались испориками, какъ особы, которыя умѣюшъ чувствовать вліянія власпи домашней, и слѣдственно общеспвенной; которыя сами могушъ имѣть вліяніе на духъ публики, не прямое, не менѣе однакожь дѣйствительное.

Х. (гостю). Съ рисункомъ Анны Николаевны не возьмете-ли ошъ насъ и проэкта?

Тоб. Съ удовольствіемъ, но для чего?

Х. Чшобъ одинъ вручишъ, а другой положишъ на Тобольскихъ туалетахъ, для утвержденія.

Тоб. Изъ Уральскихъ произведеній, надобно признашъся, имѣюшъ у насъ свой курсъ только склаважи аметисповые, перспви пшжеловѣсовые, и подобныя минеральныя бездѣлушки, которыя смопрянашъ вѣчностію; а завивки оспроу-

мія чупь-ли не шо-же , што ошслужившіе на-
цильошм.

Сов. Вы заспавляете насъ думать прошивъ
воли не пакъ , какъ-бы вамъ нравилось. Можно-
ли , чшобы шамъ , гдѣ внушренное мнѣніе при-
вязано къ цѣнноспи вещей , а не къ чершамъ
веселаго оспроумія , гдѣ шуалешы чваняпся до-
рогими нарядами , и гдѣ слѣдственно въ бесѣдѣ
нѣпшъ пріашной шушливоспи или плавноспи мы-
слей , чшобы шамъ были близки къ эпохѣ Изящ-
ныхъ Искусшвъ ? Искусство приходипъ подра-
жашъ шуда , гдѣ еспъ мысль , и мысль умѣешъ
себя сказывашъ . Случайно вѣшпромъ нанесепъ гар-
монію концершную , случайно забредешъ вая-
пель , декорашеръ , волпижёръ ; но , если въ са-
момъ городѣ еще не разогрѣлись свои способ-
носпи , если еще не принялись , еще не цвѣшпуть
природные шаланшы , шо навѣрное шушъ не за-
жили своею жизнію .

Тоб. Вы гошовы пошушишъ и первыи искрмъ
нашей жизни . Воля ваша : вы судите спрого ,
очень спрого .

Берг. Но справедливо . Чѣмъ разнипся суще-
ство , блестящее нарядомъ , склаважами , лен-
шамы , перспніамы , и испаряющееся одними бла-
говоніамы , а не шонкостію ума или изящноспію
чувсшвъ , чѣмъ разнипся отъ алебаспроваго бю-
шса , увѣшаннаго случайно драгоцѣнноспшамы ? Да

впрочемъ, какъ и ожидать основательной образованности тамъ, гдѣ человѣкъ напередъ спрашался въ формы внѣшней свѣтскости, какъ будшо для того, чюобы образованность не знала, гдѣ найдши его?

Х. Видите-ли, въ чемъ хочешя увѣришь себя эшимъ господамъ? Въ томъ, чюо арписамъ не скоро удасться бышь магнетизерами Сибирскихъ душъ, чюо эши души, будущъ-ли или не будущъ концерны, ни ошоощающъ, ни подобрюшъ ошъ того?

Тоб. Все эшо я принимаю за шопъ вѣжливый поклонъ, какой вы посылаешо со мною сосѣдкѣ Сибири. Самолюбивые Рускіе, живущіе ближе къ Академіямъ, Университетамъ, Институтамъ и пр. и пр.! Наконецъ скажите, въ чемъ ваше преимущество? Не въ томъ-ли, чюо свѣтъ Европейскихъ продажныхъ библиошекъ приходишъ къ вамъ скорѣе, подобно какъ у насъ солнце всходишъ ранѣе, въ сравненіи съ вами? Но не спранно-ли гордишся выгодою, для которой бываешъ своя очередь у васъ и у насъ? Позднѣе полчасомъ у васъ, позднѣе полгодомъ у насъ, и мы и вы пользуемся равнымъ свѣтомъ, въ своихъ относительныхъ надеждахъ.

Записка о температурах колодезей въ разныя времена 1830 г., наблюденныхъ въ Тобольскѣ, Спартимъ Учицелемъ Гимназіи И. С. Кунавинимъ.

Въ Тобольскѣ есть три колодца, удобнѣйшіе для наблюденія ихъ шемпературъ: 1-й близъ города, испекающій изъ ущелья нагорнаго края къ сѣверовостоку, по дну песчано-глинистому на низу края. Глубина сего родника, по вѣрному измѣренію ошъ дна до поверхности воды, споящей на равнѣ съ почвою, 4 фуша 5 дюймовъ Англійской мѣры; онъ подверженъ всѣмъ непогодамъ; послѣ вычерпыванія наполняется скоро; вкусъ воды въ немъ желѣзно-купоросный; на спѣнахъ его красный желѣзистый осадокъ. 2-й колодець въ саду, принадлежавшемъ прежде Гимназіи, по измѣренію ошъ дна до наружнаго ошверстія, 14 фушовъ 2 дюйма; почва его сверху болошисная, внизу песчано-глинишная; вода солоноватая; ошъ дѣйствія вѣтровъ совершенно закрытъ своею глубиною, спроеніемъ и деревьями. 3-й, при пакъ называемомъ Качаловомъ моспѣ, глубиною ошъ дна до наружнаго ошверстія около 8 фушовъ; находится близъ болоша въ почвѣ часпю болошистой, часпю песчано-глиништой; вкусъ воды солоноватый; ошъ вѣтровъ и непогодъ защищенъ очень мало.

Наблюденіями шемпературъ 3-хъ описанныхъ

колодцевъ предполагалось опкрышь : не имѣютъ-ли они, подобно многимъ источникамъ, изъ-подъ земли вытекающимъ , постоянныхъ или по крайней мѣрѣ близкихъ къ тому температуръ во всякое время года? Какое опкрышіе повелобы крапчайшимъ путемъ къ познанію средней годовой температуры , опъ географическаго положенія зависящей. Въ сей цѣли начавъ наблюдать температуру колодцевъ Тобольскихъ , я употребилъ и необходимыя при семъ предоспо-рожности ; именно : временами наблюденій избраны не снѣжные , пасмурные или дождливые, но ясные дни, дабы снѣгъ , сырость или дождь, мѣшаясь съ водою источниковъ , не могли измѣ-нять подлинной ихъ температуры; термометръ былъ держанъ около четверти часа и на днѣ и близъ поверхности воды, какъ для большей увѣ-ренности въ точности показаній, такъ и для узнанія, не измѣняется-ли температура поверх-ности опъ соприкосновенія съ наружнымъ воз-духомъ ; въ поже время внѣ колодца замѣчалась температура самаго воздуха, съ намѣреніемъ увидѣшь , не имѣеть-ли она какой-либо зави-симости опъ температуры колодца. Что-жь ка-сается до вѣрности термометра, по, по недо-спашку лучшаго, употребленъ термометръ ра-боты Кони, вѣвренный впоследствии съ дву-мя термометрами, уже извѣсными.

Здѣсь прилагается таблица всѣхъ наблюденныхъ температуръ, въ градусахъ Реомюра исправленнаго. Температуры сіи одинаковы и на днѣ и при поверхности колодець.

Время наблюденія.		Температура на воздухѣ.	Температура въ колодець.
<i>Въ 1-мъ колодець.</i>			
Апрѣл.			
3.	Окресинность испочника начала шаяшь.	+ 4,5	+ 2,4
7.	Въ колодець шекли ручьи шающаго снѣга	+ 9.	+ 1.
21.	+ 10,5	+ 2,5
Мая			
8.	+ 12,5	+ 2,5
10.	+ 15,5	+ 2,5
17.	+ 15,5	+ 3.
23.	+ 18,5	+ 3.
Юня			
3.	+ 22,5	+ 3,5
13.	+ 23,5	+ 3,5
20.	+ 25,5	+ 4.
30.	+ 32,5	+ 4,5
Юля			
8.	+ 25,5	+ 5.
15.	+ 28,5	+ 5,5
23.	+ 20,5	+ 6,3
29.	+ 18,5	+ 6,5
Авгус.			
4.	+ 17,5	+ 5,8
15.	+ 19,5	+ 5,8
21.	+ 15,5	+ 5,5
25.	+ 18,5	+ 5,5
Сенш.			
13.	+ 3.	+ 5,3

Юль 1831.

42

Время наблю- денія.		Темпе- ратура на воз- духѣ.	Темпе- ратура въ ко- лодцѣ.
Окш. 31.	- 1.	+ 4.
Нояб. 30.	- 14.	+ 2,5
Декаб. 10.	- 16.	+ 2,5
24.	- 15.	+ 2,5
Янв. 1831 5.	- 19.	+ 2,5
Февр. 15.	- 16,5	+ 2.
И такъ среднее для 1-го колодца	(*) + 4,01
<i>Во 2-мъ колодцѣ.</i>			
Авгус. 15.	18,5	+ 3,5
25.	18,5	+ 3,5
<i>Въ 3-мъ колодцѣ.</i>			
Апрѣл. 3.	+ 4,5	- 1.

(*) Температура въ колодцѣ по наблюденію 8-го Марта сосставляла 2°,1. Слѣдовательно съ сего числа снова спала она повышаться, а попому 2° означающъ минимумъ.

Изъ малаго числа наблюдений во 2-мъ и 3-мъ колодцахъ ничего заключить не лзя, кромѣ того, что въ тѣже дни темперашура 1-го колодца была гораздо возвышеннѣе, нежели во 2-мъ и 3-мъ, что должно приписать вѣроятно особеннымъ качествамъ почвы. Изъ наблюдений же 1-го колодца видно, что темперашура его, возвышаясь поспешенно ршъ 2,5 до 6,5 градуса (опбрасывая +1 въ 7-е Апрѣля, какъ число, по причинѣ смѣшенія воды со снѣгомъ, не нужное), начала понижаться на прсдѣлѣ 2-хъ градусовъ; и шакъ +6°,5 ещъ наибольшая, а +2° наименьшая темперашура источника. Средняя же темперашура источника, какъ видно изъ таблицы, составляетъ 4°, 01.

Физики утверждаютъ многими наблюдениями, что темперашура источниковъ, на значительной глубинѣ почвы, постоянно равна средней годовой темперашурѣ, зависящей отъ географическаго положенія мѣста. Хотя и не лзя сего въ строгости примѣнить къ наблюденному колодцу, по ничтожной его глубинѣ и изменяющейся темперашурѣ; но какъ сіе изменение, не смотря на непогоды, общія Сибири, не велико и медленно, шакъ что имѣетъ видъ вѣкошорой постоянности, а сіе предполагается начало источника на значительной глубинѣ во внутренности земли: слѣдственно найденную выше среднюю годовую темперашуру его

можно-бы считать довольно близкою къ средней температурѣ Тобольска, зависящей отъ географическаго положенія. Повѣримъ сію догадку вычисленіемъ.

Товій, Майеръ и Кирванъ нашли, что средняя температура почвы какой-либо географической широты, на одномъ и томъ-же меридіанѣ, изображается слѣдующею формулою: $t = m - n \sin^2 w$, гдѣ t означаетъ температуру приличную широтѣ w , m и n величины постоянныя. И такъ для опредѣленія постоянныхъ m и n Тобольскаго меридіана, соединяемъ наблюденія Г-на Купфера въ Киснекеевѣ и на Богословскихъ заводахъ, какъ мѣстахъ довольно близкихъ къ меридіану Тобольскому, и будемъ:

$$\begin{cases} m - n \sin^2(54^{\circ}\frac{1}{2}) = 4,7 \\ m - n \sin^2(60^{\circ}) = 2,3 \end{cases} \left\{ \begin{array}{l} \text{гдѣ } 54^{\circ}\frac{1}{2} \text{ широта Киснекеева, а } 60^{\circ} \\ \text{широта Богословска.} \end{array} \right.$$

откуда находимъ: $m = 22,9$ и $n = 27,5$ подставляя сіи значенія въ общую формулу, получимъ для Тобольскаго меридіана $t = 22,9 - 27,5 \sin^2 w$.

Широта w составляетъ здѣсь $58^{\circ} 12'$, почему $t = 3^{\circ}, 04$. Отсюда видно, что наблюденная температура почвы Тобольской, разнилась на $0^{\circ}, 97$ отъ температуры найденной вычисленіемъ, каковая разность должна произойти не только отъ того, что меридіанъ Киснекеева и Богословска 6-ю почши градусами далѣе меридіана

Тобольскаго, но и опъ спепени возвышенія почвы надъ поверхностью моря, о чемъ, къ сожалѣнію, не имѣя здѣсь свѣдѣній, мы не можемъ сдѣлать и должной поправки шемперашуры, найденной изъ опыта.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ новаго романа Виктора Гюго:

NOTRE-DAME DE PARIS (*).

. Обозрѣвая Парижъ съ высоты своей колокольни, звонарь Казимодо видѣлъ, что уже только въ одномъ мѣстѣ блискаетъ свѣтъ, озаряющій окно въ самомъ верхнемъ этажѣ высокаго и мрачнаго зданія, подлѣ воротъ Св. Антонія. Это зданіе была Баспилья. Эта звѣздочка — свѣча Людовика XI-го.

(*). Романъ сей, обратившій на себя вниманіе Французской публики, заслуживаетъ быть извѣстнымъ и у насъ. Мы опнюдь не почитаемъ его образцовымъ, но думаемъ, что онъ выходитъ изъ ряда *обыкновеннаго*, копорымъ пакъ обильно время наше. Мы рѣшились познакомить нашихъ читателей съ манеромъ Гюго (какъ говорятъ живописцы), избравъ для сего такое мѣсто изъ его романа, которое составляетъ

Въ самомъ дѣлѣ , Король Людовикъ XI-й уже два дни жилъ въ Парижѣ. Черезъ день надобно было ему ѣхать обратно , въ свою цѣпадель Монпиль-ле-Туръ. Онъ обыкновенно являлся въ свой добрый городъ Парижъ рѣдко и не на долго , чувствуя , что тамъ мало вокругъ него опускныхъ дверей , висѣлицъ и Шотландскихъ спрѣльцовъ.

Въ эшопъ день онъ перешелъ въ Баспилю ночевашъ. Большая Луврская комнапа его , въ

есть опдѣльное цѣлое ; другихъ , даже болѣе блестящихъ мѣспъ , не лзя переводить опдѣльно , ибо они связаны одною нитью происшествій. Въ представляемомъ нами опрывкѣ изображенъ Людовикъ XI-й , пиранъ сполько-же скрыпный , сколько смѣлый и коварный. Карамзинъ справедливо назвалъ нашего Царя Юанна *Людовикомъ XI-мъ* (см. Карамз. Соч. Т. IV-й, спр. 187-я. Изд. 1820). Характеръ сего Короля уже былъ изображенъ мастерскою кистью Валпера Скоппа , въ романѣ его *Кентень Дюрвардъ* ; но въ очеркахъ Гюго , по нашему мнѣнiю , болѣе силы , болѣе испины. Впрочемъ , славно бытъ и сполько непобѣжденнымъ пакимъ соперникомъ , каковъ В. Скоппъ ! — Слогъ сего романа , въ копоромъ Гюго подражалъ стариннымъ писателямъ Французскихъ хроникъ , представляеть большiя затрудненiя для перевода. Мы старались сохранить простопу онаго , яркость , и даже нѣкопоруую спранность. *Прим. Пер.*

пяшь квадрапныхъ шуазовъ , съ большимъ каминномъ , опягченнымъ двѣнадцашю огромными живопными и шринадцашю большими изображеніями Пророковъ , и эша большая постель , въ одиннадцашъ фузовъ длины и двѣнадцашъ ширины , не слишкомъ ему нравились. Онъ перялся во всѣхъ эшихъ огромностяхъ. Добрый , прошонравный Король болѣе любилъ Баспилю , и въ ней комнашку и маленькое ложе. Да , сверхъ шого , Баспиля была и крѣиче Лувра.

Эша *комнатка* , которую оставилъ для себя Король въ знаменитой государспвенной шюрмѣ , была еще довольно обширна , и занимала самый верхній этажъ башенки , на верху шюрмы. Она сосавляла опдѣльную комнату , круглой формы , обипую плешеною , блестящею соломкою , съ пошолкомъ , унизаннымъ по брусьямъ цвѣтами лилій изъ позолоченаго олова , а между переводинами раскрашеннымъ. Сполярная работа была въ ней богатая , усѣянная цвѣточками изъ бѣлаго олова , и расписанная живою зеленою краскою , сосавленною изъ заячьей капусты и дорогой синьки.

Окно въ комнашѣ было одно , длинное , стрѣлою сдѣланное , переплешенное проволокою и желѣзными прупьями , да сверхъ шого опѣненное прекрасными раскрашенными спеклами , съ написанными на нихъ гербами Короля и Королевы , шакъ чшо каждое стекло стоило двадцашъ два су.

Входъ былъ одинъ : новаго вкуса дверь , съ убавочнымъ сводомъ , украшенная изнутри обоями , а снаружи преддверіемъ изъ Ирландскаго дерева , однимъ изъ шѣхъ ломкихъ , кипро вырѣзанныхъ созданий сполярнаго масперсва , кошорья еще были видны въ премногихъ домахъ лѣтъ за полпораспа . « Они безобразяшъ и зашрудняющъ свои мѣспа , » съ опчаяніемъ говоритъ Соваль , « но спарики наши не хомяшъ съ ними разспашъся , и берегущъ ихъ на зло всѣмъ и каждому . »

Въ этой комнашѣ не было никакихъ обыкновенныхъ мебелей , ни лавокъ , ни подспавокъ , ни подножекъ , ни скамеекъ обыкновенной формы , ящикомъ , ни прекрасныхъ скамеекъ на сподбикахъ съ перекладинками , по чешыре су за шпуку . Былъ только одинъ спулъ , складной и съ ручками , очень изукрашенный : на деревѣ у него были написаны розы , по красному полю ; сѣдалище обито алою Кордуанскою кожею ; по споронамъ широкая шелковая бахрама , и весь онъ былъ уколоченъ золотыми гвоздиками . Одиночеспво этого спула показывало , что только одинъ человекъ имѣлъ право сидѣшь въ комнашѣ . Подлѣ спула , и вплошь подлѣ окна , находился сполъ , накрышый ковромъ , съ изображеніями ппиць . На сполѣ фушляръ , запяшнанный чернилами , нѣсколько пергамен-

шовъ, нѣсколько перьевъ и большой спаканъ изъ чеканенаго серебра. Подальше, курильница и налой, покрытый алымъ баршапомъ, съ золотыми шишечками. Наконецъ, въ глубинѣ простая поспель изъ желшой и красной камки, безъ мишуры и галуновъ; бахромки на ней безъ узоровъ. Эшо была та славная поспель, свидѣтельница сна или безсонницы Людовика XI-го, копорую еще можно было видѣть, за двѣспи лѣтъ, у одного Спашскаго Совѣтника, гдѣ и видѣла ее спарая госпожа Пилу, извѣстная у Кира подъ именемъ *Аррисиди*, и живой *Нравственности*.

Такова была комната, копорую называли: «Убѣжище, гдѣ молился Людовикъ, Французскій «Король.»»

Въ шу минушу, когда мы ввели чищапеля въ эшо убѣжище, въ немъ было очень темно. Уже съ часъ прошло, какъ звонокъ повелѣлъ гасить огни; была ночь, и только шрепещущій свѣтъ одной восковой свѣчи, споявшей на столѣ, озарялъ пяперыхъ человекъ, въ различныхъ положеніяхъ находившихся въ комнатахъ.

Первый, на котораго падалъ свѣтъ, былъ господинъ, богато одѣтый, въ шпанахъ и курскѣ ярко-пунцоваго цвѣта, съ серебряными полосами, и въ полукафшанѣ парчевомъ, съ черными узорами. Эшошъ великолѣпный нарядъ,

отражая на себѣ свѣтъ, казалось, горѣлъ по всѣмъ складкамъ. На груди челоуѣка, одѣшаго въ оный, былъ гербъ, вышитый яркими цвѣтами: шевронъ, съ идущею въ немъ ланью. Съ правой стороны герба видна была вѣшвъ масляная, съ лѣвой рогъ лани. На поясѣ этого челоуѣка висѣлъ богатый кинжалъ, съ золоченою рукояшью, вычеканенною въ видѣ верхушки шлема, и увѣнчанною Графскою короною. Видъ его былъ непріятель, осанка была гордая, голова поднятая вверхъ. На лицѣ его, при первомъ взглядѣ было замѣтно высокомеріе, при шпоромъ лукавство.

Онъ споаялъ, съ непокрышою головою, держа шолсную бумагу въ рукѣ, позади спула съ ручками, на кошоромъ сидѣлъ, безобразно перегнувшись, сложивъ колѣни одно на другое, опершись локшемъ на шоль, челоуѣкъ, очень дурно одѣшый. Въ самомъ дѣлѣ, пусть представлятъ себѣ, на роскошномъ сѣдалищѣ изъ Кордуанской кожи, два искривленные колѣна, двѣ пощя бедра, бѣдно покрышыя вязаньемъ изъ черной шерспи, шуловище, окушанное сюрлукомъ изъ бумазеи, подбишой мѣхомъ, а на шомъ мѣху не шолько пуху, сколько кожи. Наконецъ, къ довершенію всего, шупъ-же шорчала спарая, засаленная шапка, изъ самаго негоднаго чернаго сукна, кругомъ обшытая полосою, соспавленною изъ свинцовыхъ фигурокъ.

Вопъ, вмѣснѣ съ запачканною скуфьей, изъ-подъ копорой едва видны были волосы, все, что можно было разглядѣнн въ сидящемъ чело-вѣкѣ. Онъ шакъ наклонялъ свою голову къ гру-ди, что лицо его, заслоненное шѣнью, было не видно ни сколько, исключая конецъ носа, на копорый падалъ лучъ свѣща, и копорый былъ, какъ видно, длиненъ. По сухости его морщи-новашой руки, можно было угадаль, что это спарикъ. Это былъ Людовикъ XI-й.

Нѣсколько позади ихъ разговаривали пихонь-ко двое, одѣшые на Фламандскій покррой. Они не слишкомъ перялись въ шѣни, шакъ что вся-кй изъ бывшихъ на предсшавленн Гренгуаро-вой мисперн, могъ узнать въ нихъ двухъ изъ главныхъ Фламандскихъ Посланниковъ, Вильгель-ма Рима, смѣпливаго Пенсіонарія Генпскаго, и Якова Коппенюля, любимаго народомъ чулоч-ника. Мы помнимъ, что эти два челошкя бы-ли замѣшаны въ шайную полишпку Людовика XI-го.

Наконецъ, вдали, подлѣ самой двери, во мракѣ споялъ челошкѣ, неподвижный какъ спашуя, мощ-ный, коренаспный, въ воинскомъ нарядѣ, въ полу-кашанѣ съ гербами. Его квадратное лицо, съ глазами на самой поверхности лица, съ огромнымъ ршомъ, съ ушами, скрышными подъ двумя широкими навѣсами прямыхъ волосовъ,

безъ лаба, имѣло въ себѣ нѣчто и собачье и шигровое.

Всѣ, кромѣ Короля, были съ непокрытыми головами.

Господинъ, споявшій подлѣ Короля, чиналъ ему какую-то длинную записку, а Его Величество слушалъ, казалось, со вниманіемъ. Фламандцы шепшались.

— Кресъ Господень! — ворчалъ Коппеноль — я ужъ усалъ споявши. Развѣ нѣтъ здѣсь шула?

Римъ отвѣчалъ ему отрицательнымъ движеніемъ и вмѣстѣ улыбкою, безъ словъ.

— Кресъ Господень! — продолжалъ Коппеноль, въ горесипи, что надобно ему понижащъ голосъ. — Право, меня забираешъ охопа съспъ на полу, поджавши ноги, по нашему, какъ я дѣлаю въ своей чулочной лавкѣ.

— Берегись эшого, мейстеръ Яковъ!

— Уэ! Мейстеръ Вильгельмъ! Здѣсь, видно, можно бытъ шолько на ногахъ!

— Или на колѣняхъ» — сказалъ Римъ.

Въ это мгновеніе возвысился голосъ Короля. Они замолчали.

— Пяшьдесятъ су плашье нашихъ слугъ, и двѣнадцашъ ливровъ плащи нашихъ коронныхъ писарей! Вотъ пакъ-шо! Бросайте золошо бочками! Въ умъ-ли шы, Оливье?

Говоря это, спарикъ поднялъ голову: на шеѣ у него блеснули золотыя мониспы, изъ ожерелья свѣча вполнѣ освѣпила его худой, угрюмый профиль. Онъ вырвалъ бумагу изъ рукъ близъ споявшаго.

— Вы насъ раззоряете! — кричалъ онъ, пробѣгая впальми глазами по бумагѣ. — Къ чему все это? На что намъ шакой пропащный домъ? Двумъ капелланамъ, по десяти ливровъ въ мѣсяцъ каждому, и одному причетнику по сту су! Камердинеру девяностю ливровъ въ годъ! Чешверымъ спаршимъ поварамъ по сту двадцати ливровъ въ годъ каждому! Для вершела, для похлебокъ, для соусовъ, для поченья ножей, по одному повару; смопришель оружейной, двое подъемщиковъ, и каждому по десяти ливровъ въ мѣсяцъ! Два поваренка по восьми ливровъ! Конюхъ и двое помощниковъ его, по двадцати чешыре ливра въ мѣсяцъ! Вѣсповой, пирожникъ, булочникъ, двое разгонщиковъ, каждому по шестидесяти ливровъ въ годъ! Кузнецъ сто двадцать ливровъ! А начальнику нашей казначейской тысячу двѣсти ливровъ! Коншролеру пять сотъ! . . . Не понимаю, что это за сумасшешивіе! Для жалованья нашимъ слугамъ грабяшъ Францію! Всѣ сокровища Луврскія распюнцаша въ эшомъ огнѣ расходовъ! Мы продадимъ и наше серебро, а въ будущемъ году, если Богъ и Пресвятая Богородица (онъ снялъ свою шап-

ку) продлять жизнь нашу, мы будемъ пить наши пизанн (*) изъ оловянныхъ кружекъ!

Сказавъ это, онъ взглянулъ на серебряный стаканъ, блиставшій на столѣ, опикашлялся и продолжалъ:

— Господинъ Оливье! Власпишели большихъ вопчинъ, господспвующіе въ санѣ Королей, Герцоговъ, не должны позволять роскоши за-раждашья въ ихъ домахъ, откуда огонь эпошъ пробѣгаешъ и въ обласпи. А попому, Г. Оливье, помни мои слова. Наши расходы увеличивающя съ каждымъ годомъ, и это намъ не нравшя. Какъ? Царю мой Господи! До 79 года они не превышали тридцати шести тысячь ливровъ; въ 80-мъ дошли до сорока трехъ тысячь шести сотъ девятинадцати ливровъ — цифра у меня въ головѣ; — въ 81-мъ до шестидесяти шести тысячь шести сотъ восьмидесяти ливровъ; а въ нынѣшнемъ году — клянусь моею плотью! — они достигнушъ восьмидесяти тысячь! Въ чепыре года удвоились! Это ужась!

Задохнувшисъ, онъ оспановядся, и цопомъ продолжалъ съ горячносью:

* (*) Напипокъ изъ разныхъ правъ и зеренъ. *Прим. Пер.*

— Только и вижу вокругъ себя, какъ всё пучгбюшъ опъ моей худобы. Вы сосепе изъ всѣхъ моихъ поровъ мои деньги !

Общее молчаніе. Такому гнѣву обыкновенно даюшъ пройди. Онъ продолжалъ :

— Это похоже на шу Лапинскую челобитную Французскихъ владѣшелей, чшобы мы возобновили шакъ называемыя ими большія коровныя должности ! Подлинно должности ! опъ нихъ и шея прецишъ ! А, господа ! Вы говорите, будто мы и не Король, пошому что царшвуемъ *darifero nullo, buticulario nullo* ! А мы вамъ покажемъ, просши Господи, Короли мы !

Здѣсь онъ улыбнулся, съ чувствомъ своего могущества; досада его упишилась, и онъ обратился къ Фламандцамъ :

— Видите-ли, кумъ Вильгельмъ : Главный хлѣбникъ, Главный буфешчикъ, Оберъ-Каммергеръ ; Великій Сенешаль не спояшъ и послѣдняго слуги. Припомните это, кумъ Кошпеноль. Ни на что не нужны они ; а по пущому окружая Короля, они для меня шже, что чешыре спашуи вокругъ большихъ дворцовыхъ часовъ, недавно исправленныя Филиппомъ Брилемъ за-ново. Они вызолочены, да не показываюшъ часовъ, и спрѣлка можешъ ходишъ безъ нихъ.

Съ минушу оспавался онъ въ задумчивости , и попомъ , качая дряхлою головою , прибавилъ : — О ! клянусь Богородицей ! я не Филиппъ Бриль , и не спану вновь золопишь большихъ вассаловъ . Продолжай , Оливье .

Человѣкъ , названный имъ по имени , принялъ изъ рукъ его пешрадь , и снова началъ громко чишашъ :

« . . . Адаму Тенону , служащему при хра-
« нилищѣ печашей Парижскаго Главнаго Суда :
« за серебро , фасонъ и рѣзбу упомянушихъ пе-
« чашей , сдѣланныхъ вновь , попому чшо пре-
« жде бывшія , опъ древности и подержанности ,
« не могли болѣе служить надлежащимъ образомъ ,
« двадцать ливровъ Парижскихъ . »

« Вильгельму Фреру , сумма въ чешыре ливра
« и чешыре су Парижскихъ , въ жалованье за
« шруды , понесенные при питаніи и кормленіи
« голубей въ двухъ голубяшняхъ Турнелльскаго
« Дворца , въ Январѣ , Февралѣ и Маршѣ сего
« года , на чшо употребилъ шесць секспье
« ячменя . »

« Одному Францисканскому монаху , за исповѣдь
« одного прешупника , чешыре су Парижскихъ . »

Король слушалъ въ молчаніи . Опъ времени до времени онъ кашлялъ ; шогда подносилъ къ губамъ своимъ спаканъ , и пилъ изъ него по одному глошку , искривляя лицо .

«Въ семь году, по приказу Юстиціи, было
«совершено, при звукѣ шрубъ, по перекрещ-
«камъ Парижскимъ, пятьдесять шесть возгла-
«шеній. Слѣдуешь къ разсчешу.»

«За рысье и исканіе въ разныхъ мѣстахъ,
«какъ въ Парижѣ, пакъ и индѣ, финансовъ, ко-
«порые, какъ говорили, были скрышы; но най-
«дено ничего не было: — сорокъ пять ливровъ
«Парижскихъ.»

— Зарыли экую, чпобы опрышь одно су! — ска-
залъ Король.

« За вспавку, въ Турнелльскомъ Двор-
«цѣ, шести листовъ бѣлаго спекла, въ помѣ-
«мѣстѣ гдѣ желѣзная клѣпка — шринадцать су.—
«За сдѣланіе и опсдачу, по приказу Короля, въ день
«показыванія чудовищъ, чешырехъ щиповъ, съ гер-
«бами сего Владѣтеля, убранными вокругъ ро-
«зовыми вѣнками — шесть ливровъ. — За два но-
«вые рукава къ старой фуфайкѣ Короля, двад-
«цать су. — За коробокъ жиру, для смазыванія
«сапоговъ Короля, пашнадцать денаровъ. —
«Вновь сдѣланный хлѣвъ, для помѣщенія черныхъ
«свиней Королевскихъ, придцать Парижскихъ
«ливровъ. — Разныя перегородки, доски и за-
«падни, для удержанія львовъ Королевскихъ —
«двадцать два ливра. »

— Какіе дорогіе звѣри! — сказалъ Людовикъ
ХІ-й. — Да нужды нѣтъ! Эпо испьянно Коро-
Июль 1831.

левское великолѣпіе. Тамъ естъ одинъ большой, рыжій левъ : люблю его за разныя шпуки ! — А видѣли-ли его вы , мейснеръ Вильгельмъ ? Государямъ надобно имѣшь эпихъ дивныхъ живошныхъ. У насъ , у Королей , вмѣсто собакъ должны бышь львы , а вмѣсто кошекъ — пшгры. Большой человекъ вездѣ выше другихъ. Во время язычниковъ , кошорые поклонялись Юпшперу , если народъ приносилъ въ храмы сто быковъ и сто овецъ , то Императоры давали по сту львовъ и по сту орловъ. Эшо было и спрашно и прекрасно. Вокругъ прона Французскихъ Королей всегда раздавались шакія рыканія. Однакожь мнѣ опдадушъ справедливоспшь , чшо я издерживаю на эшо меньше ихъ , и чшо я скромнѣе въ львахъ , медвѣдахъ , слонахъ и леопардахъ. Продолжайше , господинъ Оливье ! Мы хошбши , шакъ , сказашь эшо нашимъ Фламандскимъ друзьямъ.

Вильгельмъ Римъ низко кланялся , между шѣмъ какъ Коппеноль , съ грубіанскимъ своимъ видомъ , былъ похожъ на одного изъ шѣхъ медвѣдей , о кошорыхъ говорилъ Его Величешво. Король не обращалъ на эшо вниманія. Онъ омочилъ свои губы въ спаканѣ , шошчасъ выплюнулъ пишье , и сказалъ : Па ! какая скверная шизана ! — Чшпавшій продолжалъ :

« . . . На пищу одному пѣшему разбойнику ,

« около шести мѣсяцевъ запершому въ смертной
« *комнатѣ* (la logette de l'écogcherie), въ ожида-
« нии чпо съ нимъ послѣдуешь — шесть ливровъ
« и чешыре су. »

— Это что такое? — прервалъ Король. —
Кормишь что, чпо надобно повѣсись! Проси
Господи! Не дамъ больше ни одного су на ша-
кую пищу. Оливье! Снесись объ этомъ съ го-
сподиномъ Деспушвилемъ, и сего-же вечера
приготовьше мнѣ свадьбу этого любезника съ
висьлицею. Продолжай. —

Оливье сдѣлалъ ногтемъ ошмѣшку прошивъ
спашьи: *пѣшій разбойникъ*, и продолжалъ:

« . . . Ганріэшу Кузену, главному исполни-
« телю правосудія въ Парижѣ, сумма въ шесть-
« *десять Парижскихъ су*, присужденная и на-
« значенная господиномъ Главнымъ Судьею въ
« Парижѣ, за купленный, по приказанію упомя-
« нушаго господина Судьи, большой, острый
« мечъ, для совершенія казней и обезглавленія
« особъ, осуждаемыхъ правосудіемъ по ихъ не-
« *достоѣннымъ дѣламъ*, и также за снабженіе
« означеннаго меча ножнами и всѣми принад-
« *лежноспями*, а равно за передѣлку и возспа-
« *новленіе спараго меча*, кошорый искрошился
« и иззубрился, исполняя правосудіе надъ месси-
« *ромъ Людовикомъ Люксанбургскимъ*, чпо пол-
« *нѣ видѣшь можно. . . »*

— Довольно! — прервалъ Король. — Опъ чистаго сердца ушверждаю эту сумму. На шакія издержки я никогда не оглядываюсь. Денегъ на эшо я никогда не жалѣлъ. Продолжай. —

«... За сдѣланіе вновь большой клѣшки...»

— А! — вскричалъ Король, взявшись за обѣ ручки своего спула. — Я зналъ, что пришелъ въ эту Басшилю не даромъ. Поспой, господинъ Оливье. Я хочу самъ видѣть клѣшку. Ты прочишаешь мнѣ кошпъ ея, когда я спану ея осмашривашъ. Господа Фламандцы! Пойдемъ-ше, посмошримъ: эшо любопытно.

Онъ вспалъ, оперся на руку своего чпеца, сдѣлалъ знакъ пому подобію нѣмага, которое спояло подлѣ двери, чтобы оно шло впередъ, а Фламандцамъ указалъ иди за собою, и вышелъ изъ комнашы.

У дверей убѣжища, Королевское общеспво дополнилось вооруженными людьми, сгибавшимися подъ спалью, и легонькими пажами, несшими факелы. Нѣсколько времени шли во внушренности мрачной верхней шюрмы, гдѣ даже въ полщинѣ стѣнъ были продѣланы корридоры и лѣшпицы. Капшанъ Басшили шелъ впереди, и приказывалъ отворять двери для Короля, спараго, больнаго, согбеннаго, подвигавшагося впередъ съ кашлемъ.

При каждой двери были принуждены накло-

няпъ головы всѣ , кромѣ Короля , пошому что его голову уже наклонила спарось. — Хмъ ! — говорил онъ сквозь десна , за неимѣнемъ зубовъ — Мы уже совсѣмъ гошovy для могильной двери. На низкую дверь и проходій согнушый. —

Наконецъ , переступивши за послѣднюю дверь , шакъ оцѣпленную замками , что ихъ опширала съ чепверть часа , вошли въ обширную и высокую залу , сдѣланную угломъ , посреди коей видно было , при свѣпѣ факеловъ , полстное , массивное кубическое возвышеніе , изъ кирпича , желѣза и дерева , съ пустою внушренностью. Эшо была одна изъ шѣхъ знаменишыхъ клѣшоекъ для государспвенныхъ пресшупниковъ , копоры назывались *догками Короля*. По бокамъ ея было два или при маленькія окошка , шакъ густо переплетенныя полшными желѣзными прущьями , что спеколь не было видно. Въшпо двери спояла огромная каменная плиша , какъ на могилѣ ; дверь , изъ-за копорой уже не выходяшъ ! Только , здѣсь мершвецъ былъ живой человекъ.

Король началъ шихо обходишъ эшо маленькое зданіе вокругъ , и разсмашривашъ его внимашельно , между шѣмъ какъ Оливье шелъ за нимъ и чшшалъ вслухъ записку :

« . . . За сдѣланіе вшовъ большой клѣшки , изъ

« полспыхъ брусевъ , связей и балокъ , въ де-
 « вяшь фушовъ длины , восемь ширины , и семь
 « вышины въ свѣшу ; кошорая клѣшка связана
 « и скрѣплена полспыми желѣзными болпами , и
 « пославлена въ комнашѣ одной изъ башенъ Ба-
 « спиды Свяпаго Аншонія , и въ пош клѣшкѣ
 « посаженъ и содержишся , по приказанію Госу-
 « даря нашего Короля , узникъ , прежде обивав-
 « шій въ спарой , развалившейся и дряблой
 « клѣшкѣ. Для новой , вышеозначенной клѣшки ,
 « упошреблено : девяношто шесть брусевъ ле-
 « жачихъ , пяшьдесять два споячихъ , и десять
 « балокъ по шри шуаза длиною ; да занято бы-
 « ло , въ печеніе двадцати дней , девятнадцашъ
 « площниковъ , для опесыванія на чепыре спо-
 « роны , обдѣлыванія и распиливанія всего упо-
 « мянушаго лѣсу , во дворѣ Басшидскомъ . . . »

— Изрядныя дубовыя сердца ! — сказалъ Ко-
 роль , посшучавъ кулакомъ о площничвую ра-
 бошу.

« . . . Въ клѣшку сію пошло — продолжалъ
 « чтець — двѣспи двадцашъ полспыхъ желѣз-
 « ныхъ болшовъ , по девяши , по восьми фушовъ ,
 « и средней длины , съ кружечками , шляпками
 « и связками на означенныхъ болпахъ ; вѣсу ,
 « во всемъ означенномъ желѣзѣ , шри шысячи
 « семь сошъ шридцашъ пяшь фуншовъ , кромѣ
 « восьми полспыхъ желѣзныхъ скобъ , служа-

« щихъ для прикрѣпленія означенной клѣшки,
 « съ крючьями и гвоздями, вѣсомъ всего двѣ-
 « сии осмнадцать фуншовъ, не считая желѣза
 « на оконныхъ рѣшешкахъ комнашы, гдѣ посша-
 « влена клѣшка, желѣзныхъ полосъ на дверяхъ
 « пош комнашы, и другихъ вещей. . . »

— Много желѣза! — сказалъ Король: — ешь
 чѣмъ обуздашь легкомысліе!

« . . . А все спойшъ присша семнадцать лив-
 « ровъ, пять су и семь денаровъ. »

— Просши Господи! — вскричалъ Король.

При этой любимой божбѣ Людовика XI-го,
 казалось, кшо-шо очнулся во внутренности
 клѣшки: слышались цѣпи, съ шумомъ царапав-
 шія полъ, и возвысился слабый голосъ, выхо-
 дившій какъ будто изъ могилы: — Государь!
 Государь! Пощадите! — Видѣшь того, кшо го-
 « ворилъ эшо, было невозможно.

— Трисша семнадцать ливровъ пять су и семь
 денаровъ! — повшорилъ Людовикъ XI-й.

Жалобный голосъ, вышедшій изъ клѣшки, оле-
 денилъ всѣхъ, кшо пушъ былъ, и даже самого
 Оливье. Одинъ Король, казалось, ничего не
 слыхалъ. По его приказанію, Оливье возобно-
 вилъ свое чпеніе, а Его Величештво продолжалъ
 хладнокровно осмашривашъ клѣшку.

« . . . Кромѣ сего, заплачено каменьщику,
 « дѣлавшему мѣста для оконныхъ рѣшешокъ, и

« полъ въ шой комнашѣ , гдѣ находится клѣш-
« ка , попому что иначе полъ не выдержалъ-бы
« пшжеспи эшой клѣпки , двадцать семь лив-
« ровъ и ченырнадцашъ су Парижскихъ . . . »

Снова послышались спенанія .

— Пощадите , Государь ! Клянусь вамъ , что
измѣнилъ не я , а господинъ Кардиналъ Анжер-
скій .

— Каменьщикъ пшжелъ ! — сказалаъ Король . —
Продолжай , Оливье .

Оливье продолжалъ :

« . . . Споляру , за окна , лавки , спулья и дру-
« гія вещи , двадцашъ ливровъ и два су Париж-
« скихъ . . . »

Голосъ шакже продолжалъ :

— Ахъ , Государь ! Неужели не услышите вы
меня ? Увѣрю васъ , что объ эшомъ дѣлѣ на-
писалъ къ Гвиеннскому Архіепископу не я , а Г.
Кардиналъ Балю .»

— Споляръ дѣрогъ — замѣнилъ Король . —
Все-ли ?

— Нѣшъ , Государь ! — « . . . Спекольщику ,
« за спекла въ означенной комнашѣ , сорокъ шесшъ
« су и восемь денаровъ Парижскихъ .»

— Помилосердуйше , Государь ! Не доволь-
но-ли и шого , что все имѣніе мое опдали мо-
имъ судьямъ , мое серебро Г-ну де Торси , мой

книги Пешру Дориолу, мой шпалеръ Руссильонскому Губернапору? Я невиненъ. Уже четырнадцать лѣтъ я дрожу въ желѣзной клѣшкѣ. Помилуйте, Государь! Богъ воздаснѣ вамъ за это.

— А сколько-же выходишъ, Г. Оливье, всего? — сказалъ Король.

— Триста шестьдесятъ семь ливровъ, восемь су и три денара Парижскихъ.

— Пресвятая Богородица! — вскричалъ Король. — Это клѣшка предосадная!

Онъ вырвалъ пешрадь изъ рукъ Оливье и началъ самъ счищать по пальцамъ, размашривая попеременно бумагу и клѣшку. Между пѣтъ слышны были стenanія узника. При полусвѣтѣ это было шакъ спрашно, что присуществовавшіе взглядывали другъ на друга блѣднѣя.

— Четырнадцать лѣтъ, Государь! уже четырнадцать лѣтъ! съ Апрѣля мѣсяца 1469 года. Во имя Пресвятой Машери Бога, Государь, выслушайте меня! Во все это время вы наслаждались теплотою солнца. Неужели я, ничтожный, не увижу болѣе дневнаго свѣта? Пощадите, Государь! Будьте милосерды. Благоснѣ — прекраснѣйшая изъ Царскихъ добродѣтелей: она оспанавливаетъ порывы гнѣва. Неужели Ваше Величество думаете, что въ часъ смерши очень вришно Королямъ, если они не

спасили ни одной обиды не наказанною? Къ кому-же, Государь, я ни сколько не измѣнялъ Вашему Величеству: измѣнилъ Кардиналь Анжерскій! И у меня на ногахъ такая тяжелая цѣпь, съ такимъ толстымъ желѣзнымъ шаромъ на концѣ, что это ужъ тяжестъ нестерпимая. Ахъ, Государь! сжалъсь надо мною!

— Оливье! — сказалъ Король, покачавъ головою: — я замѣчаю, что мнѣ спавили въ счестъ бочку гипса по двадцати су, а она спдишь только двѣнадцать. Пересмотрѣшь эту записку.

Онъ обернулся спиною къ клѣпкѣ и былъ готовъ выйдти изъ комнаты. Жалкій узникъ, по удаленію факеловъ и звука догадался, что Король уходитъ. Государь! Государь! — закричалъ онъ съ ошчаяніемъ. Дверь зашворилась. Онъ не видалъ болѣе ничего, и слышалъ только хриплый голосъ придверника, который напѣвалъ ему въ уши пѣсню:

Maître Jean Baluc
A perdu la vue
De ses évêchés.
Monsieur de Verdun
N'en a plus pas un;
Tous sont dépechés.

Король молча возвращался въ свое убѣжище, и его коржежъ слѣдовалъ за нимъ, окаменѣн-

ный послѣдними спенаніями осужденнаго. Вдругъ Его Величество обернулся къ Губернатору Башилли. — Кспаши, — сказалъ онъ : — нѣтъ-ли кого нибудь въ эшой клѣткѣ ?

— Государь ! Да !... — отвѣчалъ оглушенный вопросомъ Губернаторъ.

— А кто шакой ?

— Господинъ Епископъ Вердѣнскій.

Король зналъ эшо лучше всѣхъ ; но шаковъ былъ его обычай.

— А ! — сказалъ онъ съ добродушнымъ видомъ , какъ будто въ первый разъ подумалъ о шомъ. — Вильгельмъ де Гаранкуръ , другъ Кардинала Балю. Хорошъ чоршъ Епископъ !

Черезъ нѣсколько минушь дверь убѣжища опять отворилась , и зашворилась ; когда всѣ пяшь особъ , видѣнныхъ чипашелемъ въ началѣ сей главы , вошли въ оное. Они заняли прежнія свои мѣста , въ прежнихъ положеніяхъ , и снова начали разговаривашъ въ полголоса.

Во время отсутствія Короля , на споль его было положено нѣсколько депешей : онъ самъ сломилъ печашу , и , быстро прочишавъ одну депешу за другою , сдѣлалъ *господину Оливье* , кошорый , по видимому , исправлялъ у него должность Министра , знакъ взяшь перо. Пошомъ , не говоря ему о содержаніи депешей , Король началъ шихимъ голосомъ дикшовашь отвѣшы ,

кошорые Оливье писалъ, довольно неудобно сполз на колѣняхъ передъ споломъ.

Вильгельмъ Римъ наблюдалъ.

Король говорилъ шакъ шихо, что Фламандцы не слыхали ничего изъ дикшовки его: развѣ, шакъ, опдѣльные, безсвязные клочки, каковы напрымѣръ: — Поддерживашъ мѣспа плодоносныя шорговлею, а бесплодныя мануфактурами.... Показашъ Англійскимъ господамъ наши чешыре бомбарды, *Лондонъ, Брабантъ, Бургъ-анъ-Брессъ, Сентъ-Омеръ*. . . Опѣ аршиллеріи война проишводишся нынѣ вѣрнѣ. . . Господину де Брессюиръ, нашему другу. . . Не лзя содершашъ арміи безъ поборовъ, и проч.

Одинъ разъ повысилъ онъ голосъ: — Просши Господи! Его Величешво, Король Сицилійскій, печашашъ свои письма желшымъ сургучемъ, какъ Французскій Король. Мошешъ бытъ и напрасно мы позволяемъ ему. Мой милый Бургундскій кузенъ не давалъ гербовъ съ полемъ, гдѣ изображена пасшъ. Величіе Домовъ укрѣпляешся поддержаніемъ преимущешствъ. Замѣшъ эшо, кумъ Оливье.

Въ другой разъ онъ сказалъ: — Ого! Какое шолшное посланіе! Чего шребуешъ отъ насъ брашъ нашъ, Императоръ? — И пробѣгая глазами письмо, онъ прерывалъ чпеніе междошніями: — Да! Нѣмцы шакъ велики, шакъ

сильны, что едва вѣроятно. Но мы не забываемъ старой пословицы: Лучшее Графство Фландрія, лучшее Герцогство Миланъ, лучшее Королевство Франція. Не шакъ-ли, господа Фламандцы?

Въ эпошъ разъ, Конпеноль поклонился вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Римомъ: задѣвъ былъ патриотизмъ чулочника.

Последняя депеша заставила Людовика XI-го нахмуришь брови. — Эшо что значить? вскричалъ онъ. — Прошенія, жалобы прошивъ нашихъ гарнизоновъ въ Пикардіи! Оливье! скорѣ пиши къ господину Маршалу де Руо: — что дисциплина расшроиваешся; что вѣстовые жандармы, что служащіе дворяне, вольные спрѣльцы, Швейцары, дѣлають неисчислимое зло мужикамъ. Чшо военные не довольствуюся добромъ, кошорое находятъ въ домахъ земледѣльцевъ, и принуждають ихъ, жестокими ударами палки или дубины, ходить въ городъ и доставать рыбы, вина, пряностей, и другихъ излишнихъ вещей. Чшо Его Величество Король извѣстенъ объ эшомъ. Чшо мы умѣемъ беречь нашъ народъ опъ припѣсеній, воровства и грабежа. Чшо мы изъявляемъ здѣсь волю свою, клянусь Богородицею! Чшо, сверхъ того, намъ неприлично, если какой нибудь гудочникъ, цирюльникъ или деньщикъ, одѣваешся какъ Принцъ,

въ бархашъ , въ шелковья пикани , и носишь золотыя кольца. Что такая суеπισность прошивна Богу. Что мы сами , будучи дворяниномъ , довольствуемся фуфайкою , изъ сукна по шеснадцати су за Парижскій аршинъ. Что и они , господа деньщики , могутъ спуститься до эптого. Прикажи и подшверди.—Господину де Руо , нашему другу. Хорошо.

Онъ продикшоваль эпто письмо громкимъ , швердымъ голосомъ , и опривиспо. Въ ту мину , когда оканчиваль онъ его , дверь отворилась , и въ комнату вринулось новое лицо. Съ выраженіемъ величайшаго испуга вскричалъ вновь вбѣжавшій : — Государь ! Государь ! народное возмущеніе въ Парижъ !

Важное лицо Людовика XI-го наморщилося ; но видимое на немъ движеніе промелькнуло какъ молнія. Онъ удержался и сказалъ съ спокойною строгостію : Ты слишкомъ невѣжливо входишь , кумъ Жакъ !

— Государь ! Государь ! Буншъ ! — продолжалъ задыхаясь кумъ Жакъ.

Между шѣмъ Король вспаль , взялъ его за руку съ большою силою , и сказалъ на ухо ему , шакъ что никшо другой не могъ слышашъ словъ его ; сказалъ , удерживая свой гнѣвъ и кидая скоса взгляды на Фламандцевъ : — Молчи , или говори шихо !

Вновь пришедшій понялъ , и началъ тихо разсказывать ему , одушевляемый испугомъ. Король слушалъ спокойно. Между тѣмъ Вильгельмъ Римъ обратилъ вниманіе Коппенюла на лицо и плащъ новаго пришельца , на его подбитый мѣхомъ капшонъ , *caputia fourrata* , его короткое верхнее плащѣ , *eritogia curta* , и его бархатную черную робу , показывавшую въ немъ Президента Счетнаго Совѣща.

Едва эшо лицо сообщило Королю нѣсколько объясненій , какъ оно расхохотался и вскричалъ : — Нѣтъ , говори громко , кумъ Куаксъ! Зачѣмъ говоришь такъ тихо? Богородицѣ извѣстно , что у насъ нѣтъ ничего скрышнаго для добрыхъ нашихъ Фламандскихъ друзей.

— Но , Государь...

— Говори громко!

Кумъ Куаксъ онѣмѣлъ отъ удивленія.

— Ну , говорите-же , сударь! — продолжалъ Король. — Въ нашемъ добромъ городѣ Парижѣ расшевелились мужики?

— Да , Государь.

— И они идутъ , сказываешь ты , противъ доспойнаго Балы Палашы Правосудія?

— Кажется что такъ — отвѣчалъ *кумъ* , который бормоталъ , еще не могли опомниться

опть внезапной и неизъяснимой перемѣны въ направленіи мыслей Короля.

— А гдѣ встрѣшила эту полпу команда? — спросилъ Людовикъ XI-й.

— На дорогѣ опть Большой Трюандери къ Мосну Перемѣнщиковъ. Я самъ встрѣтилъ ее, когда шелъ сюда, повинаясь приказаніямъ Вашего Величества. Я слышалъ, какъ нѣкошорые кричали: Долой Палашнаго Балъи!

— Да что сдѣлалъ имъ Балъи?

— Ахъ! — сказалъ кумъ Жакъ: — онъ ихъ начальникъ.

— Право?

— Да, Государь. Эти бездѣльники принадлежатъ къ Двору Чудесъ. Они уже давно жалящя на Балъи, кошорому подчинены. Не хотятъ признавать его ни Юспидаріемъ, ни Надсмощрикомъ.

— О го! — воскликнулъ Король съ улыбкою удовольствія, кошорое щещно хошѣлъ онъ скрышь.

— Во всѣхъ своихъ прошеніяхъ къ Парламенту — продолжалъ кумъ Жакъ — они утверждають, что у нихъ шолько два власпителя: Ваше Величество, и ихъ Богъ, кошорымъ, я думаю, они почишають дьявола.

— Э, э! — произнесъ Король.

Онъ шеръ себѣ руки, хохопалъ шѣмъ внуш-
реннымъ смѣхомъ, опъ котораго свѣплѣепъ ли-
цо, и не могъ скрышь своей радости, хопя
по временамъ и спарался приняшь на себя иску-
сшвенный видъ. Никшо, ни даже самъ Оливье,
не понималъ шущъ ничего. Съ минушу осшавал-
ся Король въ молчаніи, съ задумчивымъ, но
довольнымъ видомъ.

— А чшо, много ихъ? — вдругъ спросилъ
онъ.

— Да, Государь! — опвѣчалъ кумъ Жакъ.

— Сколько?

— По малой мѣрѣ шесшь пшсячь.

Король не могъ удержашься и сказалъ: Хо-
рошо. Попомъ онъ спросилъ: Вооружены-ли они?

— Косами, пиками, попорами, засшупами;
всѣми, самыми жесшокими орудіями.

Король, казалось, ни мало не вспревожился
опъ эшого исчисленія. Кумъ Жакъ почель дол-
гомъ прибавить: Если Ваше Величество не
пошлеше скорой помощи къ Балъи, по онъ по-
гибъ.

— Мы пошлемъ — сказалъ Король съ при-
шворно-важнымъ видомъ. — Это хорошо. Ко-
нечно пошлемъ. Господинъ Балъи намъ другъ.
Шесшь пшсячь! Какіе опчаянные мошенники!

Іюль 1831.

14

Дерзость удивительная, и насъ она гнѣвишь чрезвычайно. Но въ эту ночь вокругъ насъ шакъ мало людей... Можно еще и завпра упромъ.

Кумъ Жакъ воскликнулъ: — Теперь-же, Государь! Въ это время домъ Балъи будетъ разграбленъ двадцать разъ, доспоинство оскорблено, Балъи повѣшенъ. Ради Бога, Государь! пошлише прежде завпрашнаго упра.

Король поглядѣлъ ему въ лицо: — Я сказалъ, что завпра упромъ.

Взглядъ его былъ одинъ изъ шѣхъ, на которые не возражающъ.

Послѣ краткаго молчанія, Людовикъ XI-й снова возвысилъ голосъ: — Ты долженъ знашь это, кумъ Жакъ: велико-ли было.... — Онъ поправился: — велико-ли шеперь феодальное управление этого Балъи?

— Государь! Палапный Балъи завѣдываешъ улицею Ла Каландръ до улицы л'Эрбери, площадью Свяшаго Михаила, и мѣстами, въ протпорѣчии называемыми Ле Муро, которыя находяпся юдлѣ церкви Богородицы въ Поляхъ (Людовикъ XI-й приподнял опушку своей шапки); а шѣхъ палапъ шринадцать; сверхъ того, у него-же Дворъ Чудесь, да больница, называемая Ла Банльё, да вся улица, которая начинается ошъ этой больницы и оканчиваешся у ворощъ Свяшаго Іакова. Исчисленпыхъ

мною мѣсць онъ Надсмотрщикъ, высшій, средній и нижшій Юстиціарій и полновластный господинъ.

— Уэ! — сказала Король, почесавъ свое лѣвое ухо правою рукою. — Это добрый конецъ моего города. А!.. Господинъ Балли былъ Королемъ всего этого!

Тутъ онъ уже не поправлялся, а продолжалъ въ раздумьи, и какъ будто говоря съ самимъ собою: — Превосходно, господинъ Балли! У васъ былъ въ зубахъ премилый кусочекъ нашего Парижа.

Вдругъ онъ вспыхнулъ: — Прости Господи! Да что это за люди такіе, которые починающъ себя Надсмотрщиками, Юстиціаріями, господами и властителями у насъ? У которыхъ, куда ни повернись, вездѣ своя пошлятина? на всякомъ перекресткѣ своя расправа и свой палацъ, среди нашего народа? Точно какъ Грекъ думалъ, что у него сполько боговъ, сколько фоншановъ, а Персіанинъ сколько звѣздъ на небѣ, такъ Французъ считаешъ сполько-же Королей надъ собою, сколько встрѣчаешъ висѣлицъ! Ей Богу, это дурно, и такая безпорядица мнѣ не нравилась! Желалъ-бы я знашь, угодно-ли это Богу, что-бы въ Парижѣ былъ другой Надсмотрщикъ, кромѣ Короля, другое Правосудіе, кромѣ нашего Парламента, дру-

гой Государь въ эпомъ Государствѣ, кремъ насъ! Клянусь моею душою! Надобно, что-бы насшало время, когда во Франціи будешь одинъ Король, одинъ Господинъ, одинъ Судья, одинъ палачъ, какъ въ раю одинъ Богъ!

Онъ еще приподнялъ свою шапку, и продолжалъ, все какъ будто мечшая, съ видомъ и выраженіемъ охотника, кошорый уськаетъ и пускаетъ свою свору: — Славно, мой народецъ! браво! валяй эпихъ мнимыхъ господъ! Дѣлай свое дѣло! сю, сю, сю! грабь ихъ, вѣшай, пормоши!... А!.. Вы хотише быть Королями, судари мои? Народъ! спушай! работай! —

Тутъ онъ внезапно ошановился, сжалъ губы, какъ-бы желая поймать ускользавшую мысль, усшремилъ свой пронцапельный взглядъ, поочередно на каждого изъ пятерыхъ, окружавшихъ его человекъ, и вдругъ схвативъ свою шапку обѣими руками, поглядѣлъ на нее прямо и сказалъ: — О, я сожгу себя, если ты знаешь, что у меня въ головѣ!

Послѣ этого, снова кинувъ кругомъ себя внимательный и безпокойный взглядъ лисицы, кошорая крадучись входилъ въ свое логовище, онъ сказалъ: — Нужды нѣтъ! мы поможемъ господину Балби. По несчастію, у насъ теперъ мало войскъ здѣсь; мало прошивъ шакой шолпы. Подождашъ

до завтра! Въ нашу часть города, Сите, опадается приказъ, и все, что схватяшь, будешь начислено повѣщено.

— Да! Государь! — сказалъ кумъ Жакъ. — Въ первую минушу смущенія я забылъ, что дозоръ поймалъ двухъ ошставшихъ опъ этой шайки. Если Вашему Величеству угодно видѣшь эшихъ людей, шо они шамъ.

— Угодно-ли видѣшь ихъ! — воскликнулъ Король. — Какъ! Просиши Господи! И шы забываешь о шакомъ дѣлѣ! — Скорѣе, шы Оливье, бѣги и сыщи ихъ.

Оливье вышелъ, и черезъ минушу возвратился съ двумя плѣнниками, копорыхъ окружали дежурные сирѣльцы. У одного плѣнника была глупая рожа, полстая, пьяная, изумленная. Онъ былъ одѣшь въ лоскушья и шелъ сгибаая колѣно и волоча одну сшупню. Другой съ блѣднымъ, улыбающимся лицомъ. . . .

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

въ Англи до Шекспира, и о Шекспировой
Драмѣ.

(Окончаніе)

Изъ числа предшественниковъ Шекспировыхъ, или, по крайней мѣрѣ, стѣхъ поэшовъ, шворенія кошорыхъ явились прежде швореній Шекспира, извѣснѣйшіе суть: *Гринъ*, *Марловъ*, *Пиль*, *Чапманъ*, *Миддълтокъ*. Шекспирову школу составляютъ: *Декеръ*, *Ширлей*, *Фордъ*, *Марштокъ*, *Вебстеръ*, *Роулей*, *Гейвудъ*; всѣ сіи послѣдніе шли по слѣдамъ Шекспира, и замѣсны по дарованіямъ. *Массингеръ*, *Бомонтъ* и *Флетгеръ* извѣснѣе ихъ: они заслужили сію извѣстность своею счастливою и легкою естественностью, разнообразіемъ и силою дарованій, кошорую можно-бы назвашъ геніальною, если-бы часто не было въ ней недоспашка глубины созданія, и мужешвеннаго, рѣзкаго выраженія. А. Шлегель говорилъ уже о шрехъ упомянушихъ нами драматическихкихъ писателяхъ, безпристрашно, взирая съ высшей почки кришики; мы постараемся преимущественно размошрѣшь непосредственныхъ предшественниковъ Шекспировыхъ.

Двѣ Гриновы пьесы переведены на Нѣмецкій языкъ Тикомъ. Одна изъ нихъ принадлежишь ему неоспоримо; она называется: *Чудесная исторія Отца Бако*, и относитъ къ 1591 году. Другую, на-

зываемую; *Вакефильдскій сельскій стражъ*, долгое время приписывали Шекспиру. Тикъ доказаль, что формы языка и характеристическая мысль Роберта Грина ясны въ сей драмѣ, не оставляя никакого сомнѣнiя о сочинителѣ оной.

Простонародная безъ грубости, забавная безъ напѣвности, эта пьеса Грина есть истинно образцовое творенiе въ своемъ родѣ. Она представляеть намъ самую вѣрную картину Англійскихъ общинъ XIII-го столѣтiя, показывая въ шже время прежнiй генiй Англійскаго народа.

Генрихъ Момфортъ, Графъ Кендальскiй, вооружаешся противъ своего Государя, Короля Эдуарда. Предлогомъ общественнаго блага закрываетъ онъ свои честолюбивыя предпрiятiя. Иаковъ, Король Шотландскiй, соглашается съ нимъ, и объявляетъ войну Королю Англійскому. Иаковъ влюбленъ въ Иоанну Барлей, супругу одного Вестмореландскаго помѣщика, находящагося въ опсустствiи. Онъ опсущаетъ окрестности замка Барлейскаго, когда прекрасная хозяйка сего замка опказалась соопвѣстивовать его любви. Между шѣмъ, Графъ Кендальскiй собираеть консприбуцию въ поляхъ Вакефильдскихъ. Граждане Вакефильда вѣрны своему законному Государю. Посланникъ опъ Графа Кендальскаго, по имени Маннерингъ, является къ нимъ, съ шребованiемъ припасовъ; ему опказываютъ; онъ грозить. Сельскiй спорожъ, Георгъ Гринъ, изъявляетъ свое негодованiе; начинаешся слѣдующiй разговоръ:

Маннерингъ (*горожанамъ*). Даете-ли вы все шо, чего шребуетъ мой повелитель и господинъ? Онъ

этого хочешь, и это будетъ исполнено, вопреки всѣмъ вамъ.

Георгъ (*указывая на скамью, гдѣ сидитъ Мирный Судья*). Ты видишь эту скамью: она представляешь Короля! Горделивое живописное! скинь шапку, или голова твоя полетитъ къ ногамъ твоимъ!

Манн. Кто ты?

Георгъ. Я Георгъ Гринъ, вѣрный подданный Короля, и не потерплю, чтобы начальники города, люди почтенные, были оскорблены побою, бездѣльникъ! Господа Судьи, вы, друзья мои, вы, всѣ мои сосѣди! одна мысль одушевляетъ всѣхъ насъ. Мы Англичане, преданные Эдуарду! Наши обязанности къ нему начались со дня нашего рожденія, отъ нашей колыбели. Души наши принадлежатъ Богу, сердца Государю. Онъ властитель нашихъ имѣній, нашихъ услугъ, даже нашихъ тѣлъ. Слушай-же, поварищъ! Бездѣльникамъ гоговы у насъ только мечи, жадные упиться ихъ кровью. Скорѣе погибнуть на полѣ башвы, нежели послать припасы, кошорыхъ ты несправедливо требуешь (*Мирный Судья и народъ единодушно одобряютъ рѣчь Грина. Графскій Посланникъ изумляется*)

Манн. Безразсудный! твоя отвага удивляетъ меня! Какъ смѣешь ты отвѣчать такимъ отказомъ моему благородному господину? Развѣ ты не знаешь силы его оружія и числа его воиновъ? Повѣрь мнѣ, храбрецъ, что я не самовольно пришелъ съ моимъ пребываніемъ. Смощри: вошь его повелѣніе.

Георгъ. Подай мнѣ эту бумагу. Чей это гербъ?

Манн. Эшо благородный гербъ Графа Кендальскаго ; вошь знаки Лорда Бонфильда , а эшо Сира Гильберта Армспронга .

Георгъ. Знай , чшо еслибы сынъ нашего добраго Короля Эдуарда поднялъ знамя бунша прошивъ ошца своего , и даль повелѣніе , подобное тому , какое шы принесъ къ намъ , я разодраль-бы его передъ шобою , какъ деру эшо

Посланный продолжаешъ угрожаешъ . Разсерженный Георгъ заспавляешъ его проглотить печашъ принесеннаго имъ повелѣнія , чшобы онъ могъ сказашъ Графу Кендальскому , чшо возвратился съ его повелѣніемъ . Эшо напоминаетъ подобный поступокъ Капишана Флуеллена , въ Шекспировой драмѣ : *Генрихъ V-й* .

Богатый гражданинъ Бранфордскій , по имени Гримъ , угощаешъ Лорда Бонфильда и Сира Гильберта Армспронга . Угощеніе великолѣпно . Приходитъ Графъ Кендальскій , и рассказываетъ , какое оскорбленіе причинилъ его посланному стрѣлокъ Георгъ . Бешприса , дочь спараго Грима , обращаетъ на себя вниманіе прехъ знатныхъ гостей . Всѣ они желали-бы получить руку Бешприсы ; но дѣвушка ничего слышашъ не хочешъ . Она любитъ Георга , гордится именемъ Георга передъ знатными искашелями и ошцомъ своимъ . Спарикъ сердился на дочь . Она не внимаешъ угрозамъ , и поешъ балладу , сочиненную въ чешъ ея любовника :

Чшд мнѣ и Рыцари и Графы ,
 Могущіе Бароны , Господа !
 Мой милый другъ , кого люблю я ,
 Жоржъ Гринъ , стрѣлокъ лихой !

Графъ Кендальскій приказываетъ Гриму запереть дочь, и общаетъ ей прислать въ подарокъ голову ея возлюбленнаго. Армстронгъ, Бонфильдъ, и Графъ Кендальскій рѣшаются переодѣться, желая узнать лично дерзкаго Георга Грина.

Между тѣмъ Иаковъ, Король Шотландскій, все еще находишься передъ замкомъ Барлейскимъ, котораго не можешь взять. Эдуардъ, дитя семи лѣтъ, сынъ Барлея и Иоанны, попадаетъ въ его руки. Мать проситъ возвращенія своего сына. Иаковъ общаетъ свободу Эдуарду, когда Иоанна согласится на предложеніе любви, прежде сдѣланное. Дитя негодуетъ.

«Если-бы я былъ великъ (восклицаетъ оно), если-бы я могъ напаянуть лукъ, стрѣла моя полетѣла-бы прямо въ сердце того, кто хочетъ обезчестить отца моего. Маменька! не сдавай замка!

Иоанна. Хорошо сказано, сынъ мой! благородный отвѣтъ! Не оскорбила-бы я супруга моего, еслибы могущественнѣйшій изъ властителей земли, знаменитѣйшій изъ героевъ, блестящій славою, просилъ меня склониться на любовь его. Король Иаковъ шутитъ; онъ хочетъ испытать меня, ложью; но я понимаю шутку: онъ конечно не для того собралъ свое войско, чтобы объявить мнѣ о любви своей. Это Шотландская хитрость. . .

Король. Клянусь тебѣ, Иоанна, клянусь. . .

Иоанна. Въ такомъ случаѣ, просьбы швыя напрасны. Я клянусь тебѣ всемогущимъ Богомъ, тѣмъ, котораго правосудіе наказываетъ безславіе и низость — никогда Король Иаковъ не получитъ моего согласія!

Король. Хорошо; слушай-же въ свою очередь: швой замокъ, клянусь именемъ святаго Андрея, будешь срыть до послѣдняго основанія, если враша его не ошворишь шы моимъ воинамъ!

Иоанна. Я не боюсь тебя, Король! Дѣлай, что тебѣ угодно. Мой замокъ крѣпокъ, и выдержитъ присущу, а завтра жду я моего супруга.

Король. Ты ругаешься любви Короля Шотландскаго? Клянусь душею отца моего: я заславлю тебя испытать горести, самыя тяжкія сердцу матери! Ошвори замокъ, или — дитя швое погибнешь въ швоихъ глазахъ!

Иоанна. О горестъ смертельная! Сердце мое рывается! Бѣдное дитя! Онъ поблѣднѣлъ отъ страха! Ободришь, Эдуардъ! чего не сдѣлаю я изъ любви къ тебѣ?

Эдуардъ. Маменька! не дѣлай ничего, что можешь тебя обезчестить!

Иоанна. Дитя мое! если ты умрешь, какъ мнѣ переживешь тебя!

Эдуардъ. Маменька! ты умрешь съ честью, если умрешь невинна!

Иоанна. Да, я чувствую новую бодрость. Любовь моего супруга, его честь, его слава — мой долгъ: онъ выше любви къ сыну. Король Іаковъ! Когда слезы бѣдной матери не укрощаютъ швоей ярости — рѣжь мое дитя; я никогда не уступлю тебѣ! Пусть погибнешь сынъ мой, прежде нежели я оскорблю отца его!

Король. Такъ пусть-же онъ погибнешь...

Король хочешь поразить Эдуарда. Но внезапно извѣщаютъ его о прибытіи войскъ Мусгрова. Начинаешь битва. Король разбишь, въ плѣну, и Іоанна угощаешь его въ замкѣ, какъ дорогаго гостя, не думая мстить ему.

Обратимся къ сущности трагедіи. За нѣсколько сценъ прежде, старый Мусгровъ и сынъ его имѣли жаркій разговоръ. Сынъ хотѣлъ убѣдить отца позволить ему взяться за оружіе въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Сынъ. Ты знаешь, родитель мой, что издавна уже дикіе Шотландцы враги имени Мусгрова. Они поклялись, что ни одинъ Мусгровъ, который можешь сѣсть на лошадь, не избѣжишь ихъ ударовъ. О мой родитель! ты дряхль, ты близишься къ гробу. Тебя, Вилліама Мусгрова, называли некогда первымъ всадникомъ Вестмореланда; но ты слабъ нынѣ, и швоя рука, прежде столь искусная управляешь копьемъ, нынѣ требуетъ опоры. Отдай мнѣ начальство, обожаемый мой родитель! Пусть юность идетъ на битву, пусть старость наслаждается спокойствіемъ славы.

Отецъ. Прочь! Когда слышу слова швоя, всѣ члены мои дрожатъ отъ негодованія! Или Вилліамъ Мусгровъ сдѣлался ребенкомъ? Или щещно бывалъ онъ ужасомъ Шотландіи? Едва имя мое раздавалось на полѣ битвы, полки вражескіе бѣжали. Я съумѣю еще усмирить ихъ. Нѣтъ! Ты меня не колеблешь! Какъ жилъ Мусгровъ — такъ онъ и умретъ!

У Шекспира находимъ Талбоша и сына его, сно-

рящихъ о чести сражась, сына великодушнаго, кошорый упорно требуетъ удаленія отца изъ ужаса битья. Оба идутъ попомъ, рѣшась умереть вмѣстѣ.

Это опдаленное сходство положеній, въ трагедіи Шекспира и въ трагедіи Грина, доказываетъ, что не смотря на безмѣрное превосходство генія, чувства и идеи Шекспира не исключительно ему принадлежали. Непосредственные предшественники Шекспира были въ отношеніи къ нему тоже, что Перуджинъ въ отношеніи Рафаэля. Кто знаетъ: безъ уроковъ сего учителя, самый величайшій изъ живописцевъ могъ-ли дать своему генію развитіе столь свободное и полное? Чудо неба, геній, дѣлается видимымъ и осязаемымъ на землѣ, если время и мѣсто служатъ средствами его мужественной независимости, и споспѣшествуютъ его вдохновенію.

Георгъ Гринъ, къ кошорому я спѣшу возвращишься, является намъ попомъ, сопровождаемый сельскою спражею, и особеннымъ родомъ дурачка, *Clown* — это слуга его *Дженкинсъ*. То, что называли: *Clown*, въ старой Англійской Драмѣ, не были записные шуш, родъ Диогеновъ нижняго званія, философы-циники, должность койхъ была забавляшь знаиныхъ и смѣяшь надъ ними; не были они и проспячки бульварныхъ Парижскихъ пешаровъ — смѣшное подражаніе, бѣдное наслѣдіе старинныхъ пешаровъ народныхъ. Это были собственно *Gracioso's* Испанскаго Театра. *Clown*, въ пьесѣ, кошорую я разсматриваю, является слабоумнымъ

чудакомъ, весьма забавнымъ : это проестьякъ , у котораго глупость смѣшана съ какою-то злостью. Подъ Георга Грина, Дженкинсъ возвышаетъ величїе характера Георгова ; это шумъ его, подобный шумамъ, какихъ тогда имѣли знашвые господа, существенная часть великолѣпія тогдашней эпохи.

Трое переодѣшыхъ знашныхъ людей являюся на сцену, и задираюшь сельскую спражу и Георга. Они пускаюшь своихъ коней пастись на пашнѣ Вакфильдской. Дженкинсъ, по повелѣнію Георга, идетъ захватить лошадей ; Графъ Кендальскій, и двое его шоварищей, гоняшъ Дженкинса.

Георгъ. Благородные господа (если только вы не Короли, то лучше названія я не могъ вамъ придумать) — для чего кони ваши мнушь наши поля ? Я не опущу васъ опсюда, пока вы не заплашите за убышокъ, ими причиненный.

Графъ Кендальскій. Молчи, мужикъ, грубиянъ ! Мы люди благороднаго происхожденія ; я запрещаю тебѣ, сельскій спорожъ, говорить шоль дерзко !

Георгъ. Вы благородны ? И я шоже, хошь у меня и нѣтъ герба.

Словъ хочешь предупредишь ссору. Графъ упорно шребуешъ своихъ коней.

Георгъ. Если-бы лошади самого Короля Эдуарда зашли въ наши поля, то, клянусь душею опца моего, Король долженъ-бы заплашить намъ убышки, или я не опдалъ-бы его лошадей ! Кто-бы вы ни были — я исполню доагъ свой.

Графъ Кенд. Ты не знаешь насъ, пріятель. Мы принадлежимъ Генриху Момфоршу, Графу Кендальскому. Не пройдешь мѣсяца — и Король Эдуардъ будешь передъ нимъ ничто!

Георгъ. Король Эдуардъ? Буншовщикъ! ты солгалъ (даетъ ему ударъ рукою).

Бонфильдъ. Мужикъ! ты осмѣлился ударить Графа!

Георгъ. Чшо мнѣ за дѣло! Бѣдный вѣрноподданный лучше Графа буншовщика! Кромѣ побоевъ, никогда не получаешь ошъ меня никакого другаго ошвѣша подобные ему бездѣльники.

По знаку Графа, солдапы, шедшіе за нимъ скрышно, схватываютъ Георга.

Графъ. Чшо ты бормочешь про себя? Чшо ты ворчишь, Георгъ?

Георгъ. Я говорю, Милордъ, чшо если ты въ самомъ дѣлѣ Момфоршъ, Графъ Кендальскій, шо долженъ бышь великодушень, и не употребишь во зло силы и швоихъ воиновъ, чшобы погубишь бѣднаго Грина.

Графъ. Зачѣмъ ты ударилъ меня?

Георгъ. Будете сами себѣ судьбою, Милордъ! Не запрешите-ли вы никогда не являться на глаза вачши тому неблагодарному служилею, кошорый, будучи осыпанъ вашими благодѣніями, услышитъ, не извлекая меча, вашихъ непріятелей, ругающихъ васъ въ ошсущствіи вашемъ? Нѣтъ, Милордъ! Я не позволю при мнѣ оскорблять имени моего Короля и благодѣтеля! Кровь моя, кошорую можете вы пролишь въ сію минушу на Королев-

скую землю, послужить свидѣтельствомъ моихъ словъ. Если же, что сказала я, было неприлично — я гошовъ защишишь слова мои съ мечемъ въ рукахъ.

Бонфильдъ. Милордъ! онъ говоришь, какъ храбрый человекъ. Благоволише простишь его.

Графъ. Оставь Вакефильдъ, Георгъ; слѣдуй за мною; ты будешь прощенъ и свободенъ.

Георгъ. Охотно, Милордъ; но прежде вы перешагните слѣдовать путемъ мяшежа, и будьте по прежнему покорны Королю.

Графъ объясняетъ Георгу, что онъ принялся за оружіе въ пользу нисшихъ званій народа, и что онъ намѣренъ покровительствовашъ ихъ противъ угнетенія знатныхъ и тяжести податей. Онъ предлагаетъ Георгу начальство надъ ротою своихъ воиновъ, и предлагаетъ ему званіе Рыцаря. «Надѣшесь-ли вы на побѣду?» спрашиваетъ Георгъ. — Да, отвѣчаетъ Графъ. Старинное предсказаніе обѣщало Королю Іакову и мнѣ, что мы вмѣстѣ будемъ въ Лондонѣ, и Король Эдуардъ спянетъ передъ нами на колѣни. — Георгъ приглашаетъ Графа посоветовашъся съ колдуномъ, который живешъ неподалеку, въ пустынѣ, и весьма искусенъ въ колдовствѣ. Онъ присовокупляетъ къ сему, что если колдунъ обѣщаетъ побѣду, то Графъ не будешъ имѣть человекъ, приверженнаго къ нему болѣе Георга, сирѣка Вакефильдскаго. Соглашающа, чтобы Дженкинсъ проводилъ Графа и двухъ его товарищей въ жилище колдуна. Служитель Георга уводитъ лошадей Графа въ конюш-

ни, и Графъ слѣдуешь за Георгомъ въ его жилище, гдѣ раздѣляешь съ нимъ его небогатый ужинъ.

Одинъ изъ домашнихъ людей Георга, Вилли, прелестный юноша, выдумываетъ хитрослѣдъ для освобожденія Бештрисы. Онъ переодевается въ женское платье, и въ семь нарядѣ входитъ въ домъ спарика Грима. Спарикъ почитаетъ его молоденькою дѣвушкою, и влюбляется въ него. Пользуясь этою ошибкою, Вилли ласкаетъ надеждой спараго скупца, мѣняется платьемъ съ Бештрисою, кошорую отецъ почти не спускалъ съ глазъ; Бештриса бѣжитъ къ Георгу.

Между тѣмъ, Георгъ переодевается колдуномъ, и къ нему приходятъ совѣтоваться Графъ Кендальскій и два товарища его, предводимые проспячкомъ Дженкинсомъ. Георгъ предвѣщаетъ имъ страшныя бѣдствія; они не хотѣли вѣрить. Наконецъ, онъ оканчиваетъ свое пророчество, возвѣщая имъ, что бѣдный стрѣлокъ, Георгъ Гринъ, ихъ погубитъ. «Чтобы доказать ложь своихъ предвѣщаній» — восклицаетъ Графъ — «я сожгу Вакефильдъ!» Тутъ Георгъ открываетъ себя, сражается съ шрема буншовщиками, кошорыхъ свисту прежде еще онъ умѣлъ удалишь, убиваетъ Гильберта, и беретъ въ плѣнъ двухъ другихъ. Онъ отдаетъ ихъ подъ спражу горожанамъ Вакефильда и Мирному Судьѣ.

Георгъ остаётся одинъ. Грусть одолеваетъ его; онъ думаетъ о любви своей, о Бештрисѣ, имъ обожасмой. Въ это мгновение, возлюбленная его

бросается къ нему въ объятія , и упѣшаетъ его. Сцена прелестная , живая , какъ и всѣ предшествовавшія . Поэтъ не сомнѣвается въ себѣ ; не зная трудности своего дѣла , онъ ко всему пристунаетъ легко , смѣло ; вездѣ онъ оживленъ , вдохновенъ . Ходъ пьесы быстръ ; разговоры дышатъ свѣжестью чувства ; подробности болѣе очеркнуты , нежели глубоко выражены .

Георгъ есть характеръ поэтически-простой : человекъ , который доволенъ своимъ бытомъ и обществомъ , и думаетъ только объ исполненіи своего долга . Въ немъ находишь прелестное и прогашельное смѣшеніе задумчивости влюбленнаго , добродушія , храбрости и честности . Такъ-же прогашельно видѣшь измѣненіе грусти въ веселость а веселости въ грусть у Георга , какъ беззаботность , съ какою Вилли предаешь себя гнѣву стараго Грима , чтобы только соединишь Бешпрису съ своимъ господиномъ .

Георгъ есть Историческое , народное лицо въ Англіи . Когда Перси составлялъ свое собраніе балладъ , въ Вестмореландѣ пѣли еще сельскіе романсы , составленные въ честь Георга . Поэтическая Исторія сей страны представляешь его современникомъ Робинъ Гуда , этого народнаго начальника шайки бродящихъ стрѣлковъ , прославленнаго въ балладахъ , за его добродѣтели , отвагу , разбой и храбрость . Правда , что пушь явель большой анахронизмъ . Робинъ Гудъ жилъ во времена Ричарда Львинаго сердца , а дѣйствіе Гриновой пьесы опносись къ царствованію Эдуарда . Тикъ справед-

ливо изясняешь, что Эдуардъ III-й былъ Генрихомъ IV-мъ для сшаринной Англїи, и народность сего Короля, безъ сомнѣнїя, заставила Роберта Грина вмѣстить его въ драму, совершенно народную.

Есть нѣкоторое отношеніе, между подробностями въ драмѣ Роберта Грина и историческимъ извѣстіемъ, которое Г-нъ Тьерри, если не ошибаеся, неврно изложилъ въ своей *Исторїи завоеванїя Англїи Норманнами*, впрочемъ, достойной полного уваженїя. Онъ говоритъ, что побѣдительные Норманнскїе вишязи конечно подвергли-бы самому шяжкому рабству побѣжденныхъ Англо-Саксоновъ, безъ сопротивленїя Робинъ Гудовъ, и что безъ прошивоборства Норманнскимъ пришѣснителямъ, и безъ ненависти къ Норманнамъ, никогда не достигли-бы Робинъ Гуды своей поэтической народности.

Ни одинъ древнїй памятникъ, ни одна народная баллада о Робинъ Гудѣ не оправдываетъ предположенїя Г-на Тьерри. Безъ сомнѣнїя, Норманны, видя въ дворянствѣ Саксонскомъ опасныхъ соперниковъ, ошягощали ихъ своею властью. И шунтъ ошяаетса сомнѣнїе: не сшарались-ли скорѣ побѣдители и побѣжденные соединиться, смѣшавшяся вмѣстѣ, чему прежнїя связи Саксонскїхъ и Норманнскихъ семействъ были основанїемъ? Что касается до усиленнаго будпо-бы ушѣсненїя Саксонскихъ прослоюдиновъ, послѣ прибышїя Норманновъ, эшо вовсе несправедливо. *Феодаальная система*, введенная Вильгельмомъ Завоевателемъ, не

уничтожала *аллодіальной* системы Саксонцевъ ; перемѣнились только власшители. Норманны сохранили также систему общинъ и обществъ, городскихъ и ремесленныхъ, существующую въ Англіи и донынѣ. Еще болѣе : народъ Саксонскій не замедлилъ, вопреки частнымъ угнетеніямъ, усилить свое вліяніе при Норманнскихъ Короляхъ. Черезъ немногое время послѣ завоеванія Англіи Вильгельмомъ, видимъ образуемую народомъ воинскую пѣхоту, ошличавшуюся храбростью и силою въ войнахъ, предпринимаемыхъ полишикою Королей. Герои низшихъ званій, отважные предводители простолюдиновъ, Гуды, Грины, и имъ подобные, совсѣмъ не были противниками власши Королей. Характеръ ихъ разбоевъ былъ совсѣмъ особенный.

Часто въ поэмахъ Среднихъ Временъ, въ лѣтописяхъ, особенно въ простонародныхъ балладахъ Сѣверной Европы, и иногда въ романахъ Испанскихъ, находимъ мы дикую, кочевую жизнь разбойниковъ, изображенную живописно. Это было ошдаленное подобіе спранническаго бышя охотниковъ и паспуховъ, быша независимости и силы, нравившагося во времена варварства юношамъ-друзьямъ душевной отваги. Не думая выводить изъ сихъ данныхъ, подобно многимъ историкамъ, изображенія безнравственности прежнихъ временъ, и доказательствъ общей наклонности тогдашней къ убійству и грабежу, я скажу шолько, что не должно дѣлать никакого сравненія между нынѣшними разбойниками и Робинъ Гудами Среднихъ вѣковъ. Дабы имѣть вѣрную идею о жизни сихъ людей, и

народности, какую могли имѣть Робинъ Гудъ и его шоварищи, надобно разсмотрѣть внимательнѣе обитателей Шотландскихъ клановъ, Испанскихъ гверильясовъ, горцевъ Босніи, Сербіи и Герцеговины, клефшовъ новѣйшей Греціи и Далматскихъ наѣздниковъ. Тогда мы узнаемъ, что своею народною славою, своею извѣстностью поэтической, безразсудный Робинъ Гудъ могъ бытъ одоженъ не ненависти къ Норманнамъ, но храбрости и добродушію въ поступкахъ.

Обратимся къ разбору пьесы Роберта Грина, и оставимъ наши замѣчанія, которыя необходимы были, дабы оправдать нравственность пьесы. Пока происходить всѣ событія, нами изображенныя, Эдуардъ, Король Англійскій, является впереди своихъ войскъ, въ сѣверныхъ областяхъ королевства. Ему отдають Короля Іакова, котораго онъ удерживаетъ въ плѣну; но, слѣдуя законамъ рыцарства, онъ содержитъ его сообразно званію и несчастію. Англійскій Монархъ и плѣнный Король, наперерывъ хваляшъ мужество стараго Мусгрова. Одинъ ведьможа изъ свиты Эдуардовой говоришь :

« Между тѣмъ, не забудьте, благородный повелитель, что отецъ Кудди вступилъ на 83-й годъ своей жизни въ прошедшее лѣто. Не смотря на старость свою, Билли Мусгровъ сразился-бы съ Королемъ Іаковомъ, даже и тогда, когда Король былъ-бы шакъ храбръ, какъ Георгъ Гринъ. »

Эдуардъ. Георгъ Гринъ! Но скажише мнѣ, что это шакое? Я только и слышу о Георгъ Гринѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ я на престолъ, безпрестанно жужжитъ у меня въ ушахъ : « Я побью его , если онъ будешь даже шакъ смѣль и храбръ , какъ Георгъ Гринъ. » — Кто эшошь Георгъ Гринъ , котораго имя вошло въ пословицу ?

Одинъ изъ Лордовъ. Я никогда не видалъ его , Государь. Но имя его славно въ здѣшней области. Сказываютъ , что эшо сельскій сторожь въ городѣ Вакефильдѣ. Ноле ничего я объ немъ не знаю.

Варвикъ. А я знаю его гораздо ближе.

Эдуардъ. Какъ эшо, Варвикъ ?

Варвикъ. Однажды онъ ударилъ самого меня. Я до сихъ поръ помню, что задрожалъ тогда, какъ листъ.

Эдуардъ. Ударилъ Графа !

Варвикъ. Онъ прибѣшь Короля ! Только предъ особю Вашего Величества уничтожишь его дерзость. Эшо Геркулесь по силѣ. Что до его нрава — онъ еще безразсуднѣе и свободнѣе Робинъ Гуда. Если-бы сильнѣйшій изъ Графовъ , ужаснѣйшій изъ Бароновъ , покусился чѣмъ нибудь обидѣть городъ Вакефильдъ , родину Георга , эшошь простой сельскій сторожь заставилъ-бы знатнаго господина заплащить городу штрафъ. Кто противопоставишь ему силу , тому онъ отвѣчаетъ силою , и борьба бываешь опасна : онъ одинъ стоишь прехъ.

Эдуардъ. Ты чудеса рассказываешь мнѣ , Варвикъ ! Мнѣ очень хочешся видѣшь Георга.

Тутъ Кудди приводишь предъ Короля плѣннаго Графа Кендальскаго. Эдуардъ жестоко упрекаешь Графа , и даешь ему почувствовать всю его небла-

годарность. Кудди рассказываетъ, какимъ образомъ Георгъ Гринъ взялъ Графа въ полонъ.

Эдуардъ. Скажи мнѣ, Кудди: чѣмъ наградишь мнѣ этого шрѣака? Чшо можешь особенно ему понравиться?

Кудди. Разсказывая со мною, Георгъ сказалъ: «Если мои заслуги получаютъ благоволеніе Его Величества, то на кофѣняхъ проси у него, любезный Кудди, сдѣлашь для меня милосшь.»

Эдуардъ. Какую милосшь?»

Кудди. Чшобы Его Величество подарилъ жизнь эшимъ злодѣямъ, и просилъ ихъ въроломшво.

Эдуардъ. У эшого Георга гордая душа, какъ мнѣ кажешся. Хорошо! Георгу Грину я дарю шо, чего никакой другой Англичанинъ не выпросилъ-бы у меня. Графъ Кендальскій! оспавайся живъ; но ты долженъ умереть пѣвникомъ въ Лондонской башнѣ.»

Послѣ сего Король рѣшаешся посмотрѣть скрышнымъ образомъ области своего государства, чшобы лучше узнать ихъ. Онъ переодѣваешся. Король Шотландскій, Кудди, и многіе вельможи сопровождаютъ его. Скрывъ свое величіе, Король идешь прежде всего лично узнать сельскаго знаменишаго сторожа.

Съ другой стороны являешся въ Вакефильдѣ Робинъ Гудъ, жедая вызваш на бой Георга Грина, по усильному желанію любовницы своей, прекрасной Маріанны, кошорая завидуеш славъ о красощѣ Бештрисы. Напрасно Робинъ Гудъ говорилъ

Марианнѣ, что у него нѣтъ никакого повода къ жалобѣ на Грина, ибо онъ даже никогда не видывалъ его; Марианна упорно требуетъ вызова на бой. Вооруженная луками, дубинками и самострѣлами, веселая толпа искашелей приключеній слѣдуетъ за Робинъ Гудомъ и Марианною, готовая участвовашь во всѣхъ походахъ лихаго набѣга.

Башмачники города Бадфордъ, сосѣдняго съ Вакефильдомъ, присвоили между шѣмъ своему городу странное преимущество: они не позволяли входить въ Бадфордъ съ подняшою палкою, и кто осмѣливался вступить въ городъ поднявъ палку на плечо, тотъ долженъ бытъ драться съ человѣкомъ, кошораго выбирало сословіе башмачниковъ. Дженкинсъ, человѣкъ совсѣмъ не храбрый, былъ посланъ Георгомъ въ Бадфордъ, купить пива. Хомятъ, чтобы онъ исполнилъ условленный обычай; Дженкинсъ храбрился, потомъ опускаетъ свою палку, и башмачники его угощаютъ.

Обратимся къ Робинъ Гуду. Съ Марианною и двумя товарищами, онъ идетъ по хлѣбному полю, подлѣ Вакефильда находящемуся. Георгъ его осматриваетъ и вызываетъ на драку. Робинъ изумляется, что Георгъ одинъ хочетъ помѣряться силами противъ трехъ могучихъ молодцовъ.

Георгъ. Неужели ты думаешь, что храбрость заключается въ огромномъ шѣлѣ? Я принудилъ-бы васъ повернуть съ дороги, если-бы вы были такіе-же ловкіе бойцы, какъ Робинъ Гудъ и его веселые товарищи. Если вы не бабы, то не пойдете на меня шрое вдругъ, а когда пойдете, то вы шрусы, и

я васъ не боюсь. Опвѣдайте дубинки сельскаго сторожа!

Онъ побѣждаетъ поодиначкѣ обоихъ поварищей Робинъ Гуда, и нападаетъ на него самого. Робинъ останавливаетъ Георга.

Роб. Гудъ. Довольно, Георгъ, довольно! Я клянусь, что ты храбрѣйшій изъ людей, на кошорыхъ налагалъ я мою руку.

Георгъ. Погодите, мой любезный господинъ! Съ вашего позволенія, вы еще не налагали на меня руки.

Роб. Гудъ. Оставьте Вакефильда, Георгъ, и пойдемъ со мною. Я общаю себѣ въ годъ двѣ одежды и 14 золотыхъ кронъ.

Георгъ. Да ты кто?

Роб. Гудъ. Я Робинъ Гудъ. Я пришелъ навѣстить себя съ моею Марианною и моими товарищами.

Георгъ. Робинъ Гудъ!... Послѣ Короля, нѣтъ человека, кошораго любилъ-бы я болѣе Робинъ Гуда. Добро пожаловать, Робинъ Гудъ, и вы также, прекрасная Марианна! Здравствуйте господа, веселые поварищи Робинъ Гуда! Войдите въ мой домъ; онъ небогатъ, но для васъ найдутся въ немъ добрые пироги, и копченая говядина, повѣшенная въ каминѣ съ Маршынова дня. Есть у меня шеленокъ и барашекъ. Кушайте, что вамъ понравится, или давайте свой запасъ.

Роб. Гудъ. Благодарю, благодарю, Георгъ; сегодня мы твой.

Георгъ. Ты много дѣлаешь мнѣ чести, Робинъ Гудъ. Спущайше-же всѣ за мною; я покажу вамъ дорогу.

Между тѣмъ, Король Эдуардъ и Король Шотландскій, съ палками въ рукахъ, переодѣтые, входящъ въ Брадфордъ. Башмачникъ, имъ встрѣпившійся, приказываетъ опустить палки и шапнуть ихъ за собою, объясняя, что это преимущество города, кошораго и Князя не смѣюшь нарушить. Робинъ и Георгъ также приходящъ въ Брадфордъ; имъ хочется наказашъ горделивыхъ шамошнихъ башмачниковъ, забіячеству кошорыхъ заставляешъ обоихъ Королей смѣяться.

Робинъ. Посмотри, Георгъ; вошь два человекъ — кажешся, молодцы, а идушъ черезъ городъ опустивъ палки.

Георгъ. Да, и одѣты они, какъ порядочные люди. Эй, чужеземцы!

Эдуардъ. Не намъ-ли ты говоришь, почтенный господинъ?

Георгъ. Да, вамъ. Неужели въ васъ нѣтъ столько силъ, чтобы нести палки на плечахъ, а не шапнуть ихъ по землѣ?

Эдуардъ. Силы на это у насъ достанешъ; но здѣсь есть обычай, по кошорому никто не смѣетъ иначе иди съ палкою, какъ волоча ее по землѣ. Мы люди смиренные, побоевъ не любимъ, и спокойствіе нравимся намъ болѣе драки.

Георгъ. Бѣдные мужичье! Развѣ вы бабы? Какъ! Руки у васъ могучія, жилишныя, а души нѣтъ? Мнѣ

спыдно за васъ, и если-бы вы не казались мнѣ жалки, я раскрасилъ-бы вамъ плечи, задалъ-бы вамъ урокъ, какъ надобно посшупашъ шому, кшо не баба.

Башмачникъ. А ты самъ, господинъ говорунъ, болшушка, пуспомѣля! палку внизъ! Повнуйся!

Эдуардъ. Послушаемся, господа; будемъ благо-разумны. Вѣдь если не опусшите вы палокъ, шо весь городъ подымешся.

Георгъ. Вѣдняки! Слушайте: сей часъ палки на плеча, не боясь эшихъ болвановъ башмачниковъ! Ну, скорѣе, а не шо я приколочу васъ, и, ей Богу, въ жизнь свою вы никогда не будете бишы шакъ больно!

Эдуардъ. Нечего дѣлать! Подыместъ палки на плеча!

Башмачники нападають. Георгъ дерещя съ ними поодиначкѣ, и всѣхъ побиваещъ.

«Только?» кричитъ онъ → «Давай еще! спупай весь Бранфордъ, большіе и малые — подавай ихъ сюда!»

Тупъ башмачники узнають Георга Грина. Они въ восшоргѣ ошъ его храбросши, предлагають ему погуляшъ вмѣстѣ, и пируютъ. Георгъ Гринъ ошкупориваещъ цѣльную бочку пива, на городской площади, въ честь Робинъ Гуда, при рукоплесканіяхъ народа.

Георгъ. Садись, Робинъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ; будь начальникомъ праздника! И вы, чужеземцы, садитесь, гдѣ кому угодно. Робинъ Гудъ!

за здоровье нашего добраго Короля! Пусть враги его попадутся къ намъ въ руки; мы съумѣемъ ошдѣлать ихъ порядкомъ!

Является Варвикъ, въ великолѣпномъ одѣяніи, со свисою Короля. Георгъ, Робинъ, всѣ Бранфордцы падають на колѣни.

Эдуардъ. Встаньте, друзья мои, встаньте. Робинъ Гудъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ! займи свое мѣсто! Вставай, Георгъ Гринъ!

Георгъ. Государь! позвольте мнѣ на колѣняхъ просить себѣ прощенія! Мы, обитатели дальняго Йоркшира, не знаемъ вѣжливыхъ ушонченностей. Нашъ языкъ просъ; наши нравы и обычаи не щеголевашы; но мы вѣрны своему долгу, и я на колѣняхъ прошу Ваше Величество — простишь меня!

Робинъ. Простите, Государь, простите и бѣднаго Робинъ Гуда! Добрый Король Эдуардъ! Прости всѣхъ!

Всѣ башмагники. И всѣхъ насъ, башмачниковъ, благородный Государь!

Эдуардъ. Охотно, и всѣхъ! Я прощаю всѣхъ васъ. Дай мнѣ руку, Георгъ Гринъ! Никогда и никто въ Англіи не обидитъ тебя! Тебя желая видѣть, оставилъ я Дворъ мой, и все, что говорили мнѣ о тебѣ, сущая правда.

Георгъ. Государь! Я усердно благодарю Ваше Величество. Сражаясь съ Графомъ Кендальскимъ, я поспупалъ, какъ вѣрный вашъ подданный; всякій сдѣлалъ-бы поже на моемъ мѣстѣ, и мои дѣла не заслуживають награды словами, сшоль благосклонными.

Эдуардъ. Благодареніями должно наградить тебя, а не словами. Чего-бы ты ни попросилъ — все, что есть въ моемъ королевствѣ, я отдамъ тебѣ.

Георгъ. Въ нашемъ королевствѣ есть дѣвушка, прекрасная и милая; она любитъ меня — я ее обожаю. Ее пошчасъ узнаешь между подружками, какъ звѣзду небесную между падающими звѣздами. Она дочь спараго Грима, кошорый не хочешь выдать ее за меня. И въ самомъ дѣлѣ: я простой сельскій сторожъ, и прошивъ нея бѣденъ!

Король обѣщаетъ Георгу разрушить всѣ препяшствія со стороны отца. Гримъ является на сцену, сопровождаемый Вилли, переодѣтымъ въ женское платье. Въ то же время приходятъ старый Мусгровъ и сынъ его, Кудди.

Эдуардъ. Кудди! не родилась-ли швой эшотъ спарець?

Кудди. Да, Государь!

Эдуардъ. Встаньте, Мусгровъ! Сѣдины, вѣнчающія вашу почтенную главу, не должны преклоняться къ землѣ!

Мусгровъ. Да здравствуетъ Король! Да живетъ онъ многія лѣта, да будущъ всѣ дни его счастливы! Ваше Величество! Примите бѣдный подарокъ, кошорый старость моя осмѣливается представить: благоволише получить изъ рукъ спараго Вилли Мусгрова эшу шпагу, кошорую вѣрность его завоевала въ замкѣ Медламскомъ; шамъ Король Іаковъ принужденъ былъ отдать ее мнѣ!

Эдуардъ. Благодарю, почтенный спарець! При-

нимаю, какъ подарокъ друга. Да вознаградишь это оружіе Короля, ошданное тобою швоему Государю, храбрость швою : будь съ сею шпагою Рыцарь !

Мусгровъ. Увы, Государь ! Ваше Величество не знаете, что я бѣденъ.

Эдуардъ. Замокъ Медламскій принадлежишь тебѣ. Если тебѣ еще что нибудь будешь надобно — вспомни о другѣ своемъ Эдуардѣ, приходи ко мнѣ, скажи мнѣ о своихъ нуждахъ, и живи, какъ прилично новому званію, кошорое я даю тебѣ.»

Король спрашиваетъ попомъ у стараго Грима : для чего не ошдаешь онъ дочери своей за Георга ?— «Ошдамъ охотно» — отвѣчаешь старикъ — «если только Георгъ согласишся, чтобы вошь эта молодая дѣвушка вышла за меня.» Онъ указываетъ на переодѣшаго Вилли. Молодой шалуны объявляешь тогда, что онъ мужчина. Общій смѣхъ. Старикъ Гримъ немедленно соглашается на свадьбу Георга и Бешприсы.

Эдуардъ. Теперь, Георгъ, будь награжденъ ошь меня по заслугамъ: половину имѣній Графа Кендальскаго я ошдаю тебѣ; къ этому присовокупляю еще всѣ Королевскія собшвенности, находящіяся въ Бранфордѣ. Владѣй всѣмъ эшимъ; съ полною властью, и передай своимъ дѣшамъ. Георгъ ! преклони коленно !

Георгъ. Что вы повелѣваете мнѣ, Государь ?

Эдуардъ. Я возведу себя въ достоинство Рыцаря.

Георгъ. Государь ! еще объ одной милости осмѣливаюсь просить васъ.

Эдуардъ. Говори.

Георгъ. Желая, чтобы Ваше Величество позволили мнѣ жить и умереть просимымъ гражданиномъ. Отецъ мой былъ простой поселянинъ; пусть и дѣти мои щѣмъ-же будутъ. Если они благородно спашутъ поступашъ, щѣмъ болѣе будешь имъ славы.

Эдуардъ. Хорошо, Георгъ; будь по своему.

Король Іаковъ. Прошу Ваше Величество опредѣлить количество моего выкупа, и возвратишь мнѣ свободу.

Эдуардъ. Георгъ опредѣлишь количество выкупа Королевскаго.

Георгъ. Благоволите извинишь меня, Ваше Величество!

Эдуардъ. Нѣтъ, Георгъ: эта честь должна принадлежать тебѣ.

Георгъ. И такъ — Король Іаковъ обязанъ вновь выстроить сожженные имъ города; онъ обязанъ дать средства пропитанія сиротамъ, коихъ отцы погибли въ войнѣ, имъ начашой. Если онъ обѣщаетъ исполнить всѣ сіи условія, и дастъ за себя ручательство Вашему Величеству, то пусть благополучно возвращается въ Шотландію.

Эдуардъ обѣщаетъ Георгу, прежде отъѣзда обѣдать у него. Пошомъ хочеть онъ посѣтитъ замокъ Барлей, чтобы самому удостовѣриться: точно-ли такъ прекрасна Іоанна, какъ увѣрялъ его Король Шотландскій? Онъ уснаовляешъ наконецъ, чтобы обыкновеніе опускать внизъ палки, всегда было соблюдаемо въ Бадфордѣ. «Если спросишь о причи-

нѣ , скажите , что *Англичанинъ Эдуардъ* , входитъ въ Брадфордъ , опушилъ свою палку.»

Симъ кончится пьеса.

Народъ , увеселенія котораго показывали характеръ шакой простоты и силы , долженъ былъ имѣть въ нравахъ своихъ , какъ они ни были грубы по наружности , основаніе энергіи , веселости и добродушія. Сравните съ несносными мелодрамами , плоскими каррикашурами , тяжелыми , грубыми пьесами , которыми нынѣ увеселяется народъ Французскій , пьесы стариннаго Англійскаго шеатра , и то , чѣмъ веселился Англійскій народъ при Генрихѣ IV-мъ и при Королевѣ Елисаветѣ ; вы согласитесь , что образованіе , которымъ мы такъ гордимся , болѣе вещественно , нежели умственнo. Чѣмъ сильнѣе спавнился наше *промышленное* (industrielle) просвѣщеніе , тѣмъ болѣе и болѣе чувство изящнаго , любовь къ простотѣ и истинѣ изглаживаются въ людяхъ. Нисшія званія Европы , съ проспытымъ чувствомъ религіозности , потеряли чувство Поэзіи , ихъ отличавшее.

Есть Кальдеронова пьеса , названная : *Алькадъ Аламеаскій*. Главный характеръ сей пьесы походитъ на Георга Грина. Но у Испанскаго Поэта все является важнѣе , благороднѣе , строже ; предметъ пьесы шогашельнѣе и величественнѣе ; нравственнoй глубины въ ней болѣе. Англійская драма нравится и забавляетъ именно веселостью , прелестью , легкостью , и—странностью своею.

Марловъ , другъ Грина — котораго почищать должно , по всемъ признакамъ , сочинителемъ пьесы ,

намъ изложенной — былъ человекъ гениальный, но нестройный, не знавшій мѣры и порядка ни въ жизни, ни въ сочиненіяхъ своихъ, и искупившій порочную жизнь свою ужасною смерщю. Намъ извѣстны многія пѣсни Марлова — произведенія прелестныя и дышашія нѣжностью. Самъ Шекспиръ не болѣе Марлова очаровашелень въ мѣлкихъ идиллическихъ картинахъ — истинныхъ образцахъ въ своемъ родѣ. Нѣжная любовь, чувство страсти, истинной, но шикой, дышатъ, шакъ сказать — вздыхающъ въ пѣсняхъ Марлова.

Бень-Джонсонъ хвалишь сего поэта, иногда, въ сильномъ вдохновеніи доходившаго до изступленія. Не имѣя сочиненій его подъ рукою, и не полагаясь на свою память, не могу говорить утвердительно. Тикъ опзывается о Марловѣ съ уваженіемъ; Авг. Шлегель судишь его строже. Какъ-бы то ни было, но человекъ, имѣвшій сильное вліяніе на Шекспира, не долженъ быть почитаемъ человекомъ обыкновеннымъ. Если-бы мы захошѣли, по нынѣшней модѣ, установишь дѣленія и классы въ сшаринной Англійской Драмматической Литтературѣ, начинающейся съ царствованія Елисаветы и оканчивающейся при Карлѣ I-мъ, то можно-бы раздѣлить ее на двѣ школы: *Классическую* и *Романтическую*. До тѣхъ поръ, когда Бень-Джонсонъ сдѣлался главою *Классической Школы*, никогда не бывшей народною, она являешся совершенно безъ гениальныхъ людей. Пьесы Автора *Воллоны* достойны однакожъ вниманія. Брумъ, ученикъ его, шакже былъ человекъ не безъ дарованій. Люди съ дарованіями рѣдкой оригинальности основали Романтическую Школу. Но только

Шекспиръ, одинъ Шекспиръ далъ ей высокое мѣсто въ Исторіи ума человѣческаго. Массингеръ, Флетчеръ , и другіе соперники Шекспира , какъ современники , шакъ и ученики его , отличались дѣйствительными заслугами , которыхъ ни какое богатство литературное не должно презиратьъ, и которыхъ, безъ всякой остановки, мы приписали-бы большую похвалу—если-бы глубину возрѣнія и вѣчность мысли надобно было почитать за ничто.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— *Приложеніе Алгебры къ Геометріи.* Соч. Біоша. Переводъ съ седьмаго изданія , Ф. Меца. Спб. 1831 г. въ п. Императорской Академіи Наукъ. 412 стр. in-8. Чертежей 9 лист.

Имя Біоша, какъ первокласснаго Геометра, столь извѣстно въ ученѣмъ свѣтѣ , что всякая похвала сочиненіямъ его была-бы излишнею : а потому нѣтъ сомнѣнія , что хорошій переводъ какого-либо произведенія сего писателя можешь принеши, учащемуся юношесству нашему и самимъ наставникамъ, величайшую пользу. Аналитическая Геометрія Біоша , нынѣ переведенная на отечественный языкъ ,

принадлежитъ къ превосходнымъ Математическимъ сочиненіямъ. Разсмотримъ ея достоинства.

Изслѣдованія кривыхъ линий 2-го порядка, составляющія предметъ Аналитической Геометріи двухъ измѣреній, въ настоящемъ состояніи, подобно всѣмъ изслѣдованіямъ ума, или могутъ начинаться съ общихъ свойствъ кривыхъ и оканчиваться частными изслѣдованіями, или, обратно, отъ частныхъ свойствъ восходить къ общимъ, или иной и другой способъ соединять въ одинъ: первый называюща *Синтетическими*, вторая — *Аналитическими*; послѣдній способъ есть одинъ только истинный. Первый и второй родъ изслѣдованій по средствамъ подраздѣляются на два способа: *Геометрическій* и *Алгебраическій*.

Синтетическо-Геометрическій способъ изслѣдованія кривыхъ 2го порядка, состоящій въ разсѣченіи конуса плоскостію, принадлежитъ древнимъ Геометрамъ, и въ особенности Аполлонію, который всѣ кривыя 2-го порядка нашелъ въ одномъ и томъ же конусѣ, при измѣненіи только положенія пересѣкающей плоскости относительно образующей линіи.

Синтетическо-Алгебраическій способъ изслѣдованія сихъ кривыхъ состоитъ въ изслѣдованіи уравненія 2-й степени съ двумя переменными. Приложение Алгебры къ Геометріи, сей обильный источникъ открытій Математическихъ, есть произведеніе шворческаго ума Декарта: ему принадлежитъ мысль, что свойство кривыхъ можно выразить посредствомъ уравненій. Сія мысль вполнѣ осуществ-

влена великимъ Эйлеромъ. Онъ разсматриваетъ кривыя линіи, какъ результать функцій двухъ переменныхъ: отсюда раздѣленіе кривыхъ на роды по родамъ функцій. Но какъ существенныя свойства уравненій зависятъ отъ степени неизвѣстныхъ, то на различіи степеней основывается подраздѣленіе кривыхъ на порядки. Далѣе Эйлеръ изслѣдуетъ общія свойства кривыхъ; показываетъ происхожденіе Эллипсиса, Параболы и Гиперболы, и переходитъ къ изслѣдованію каждой кривой въ особенності.

Аналитическо-Геометрической способъ изслѣдованія кривыхъ заключается въ рѣшеніяхъ древнихъ Геометровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Геометрическихъ мѣстъ*. Таковы труды, изъ древнихъ: Паппа, Эратосфена; изъ новыхъ: Шомена, Миллера.

Геометрическія мѣста, выраженные Алгебраически, приводятъ къ способу Аналитическо-Алгебраическому. Сему способу слѣдовали: Франкёръ, Бушарла и другіе.

Если-же для полного изслѣдованія кривыхъ линій Алгебра недостаточна, то слѣдуетъ, что для сего необходима помощь Дифференціального и Интегрального исчисленій, которыя собственно суть продолженіе Алгебры. Впрочемъ изслѣдованія кривыхъ съ помощію высшихъ исчисленій не измѣняютъ различія способовъ, выше изложенныхъ: они только доставляютъ всѣ нужныя средства для общихъ изслѣдованій.

Изложивъ сіи способы разсматриванія кривыхъ 2-го порядка въ особенності, остановимся на во-

прось : которому изъ нихъ опдѣль должно преимущесшво , или ни одинъ изъ нихъ опдѣльно не можешъ бышь приняшь за образецъ ?

Очевидно , что для всякаго знанія необходимы условія способности познающей и предметовъ познаваемыхъ. Съ одной стороны въ знаніи опкрывается единштво ; съ другой — множесшво и разнообразіе. Въ разнообразіи и множествѣ заключаетсѧ содержаніе знанія , цѣлосшь ; въ единствѣ—связь и форма. Между содержаніемъ и формою знанія не было-бы совокупности , если-бы они не имѣли шождесшва. Но между познающимъ и познаваемымъ какое можешъ находишься шождесшво , кромѣ законовъ , по коимъ шо и другое проявляется ? Явстvueтъ , что цѣлосшь и единштво знанія основываютсѧ на законахъ мыслящей способности.

Какіе-же эшо законы ? Изученіе законовъ ума доводитъ насъ до заключенія , что всякая наука есть совокупность общаго съ частнымъ , или общее въ частномъ — совершенный организмъ , единое цѣлое ; Синтезисъ и Анализисъ въ произведеніяхъ духа нашего сливаются ; для жизни разумной , или для проявленія дѣйствій разума , необходима совокупность того и другаго способа — короче , совершенное изслѣдованіе всякаго предмета должно бышь изображеніемъ умшвованія , въ которомъ одна посылка представляешъ Синтезисъ , другая — Анализисъ — а доказательство есть совокупность того и другаго.

Изслѣдованія кривыхъ линій 2-го порядка , составляющія предметъ Аналитической Геометріи

двухъ измѣреній въ насполющемъ ея состояннн, не могутъ подлежать исключенію; они должны также представлять совокупность способовъ Синтетическаго и Аналитическаго. Изъ предложенныхъ способовъ собственно одинъ Эйлеровъ, въ отношеніи къ Криволинейной Геометріи, удовлетворяетъ сему условію; въ отношеніи-же къ коническимъ сѣченіямъ, или къ Аналитической Геометріи въ ограниченномъ смыслѣ, сему условію удовлетворяющее сочиненіе есть именно Аналитическая Геометрія Біоша. Онъ начинаеть изслѣдованіе кривыхъ 2-го порядка съ уравненія коническихъ сѣченій. По измѣненіи угла пересѣкающей плоскости, выводитъ различіе кривыхъ и разсматриваетъ каждую отдѣльно, опредѣляя форму линій, направленіе вѣтвей, касательныхъ. Въ сіи изслѣдованія заключаетъ онъ разборомъ общаго уравненія 2-й степени, гдѣ показываетъ пождество кривыхъ втораго порядка съ коническими сѣченіями — и такимъ образомъ сводитъ въ одну точку зрѣнія всѣ случаи, доселѣ имъ разсмотрѣнные. По симъ причинамъ мы думаемъ, что Аналитическая Геометрія Біоша есть отличное сочиненіе въ своемъ родѣ и изъ всѣхъ извѣстныхъ сочиненій по сей части превосходнѣйшее. Оно вполне оправдываетъ совѣтъ великаго Лапласа, который сказалъ: «Въ преподаваннн предпочитайте «способы общіе; старайшесь излагать ихъ съ воз-
«можною простотою, и вы увидите, что они
«почти во всякомъ случаѣ легчайшіе»».

Переводъ сей полезной книги, по истинѣ заслуживающей благодарность соотечественниковъ, есть весьма важное приобрѣтеніе для занимающихся Ма-

пешашикою и лишенных возможности читать Биюша в подлинникъ. Въ семь переводъ не представлялось никакихъ затрудненій, потому что всѣ формулы у Биюша раскрыты, порядокъ сшашей перепечашанъ безъ перемѣны: слѣдовашельно оставалось *перелазать* слова одного языка на слова другаго. Но въ переводъ Биюша, не смотря на приписанную нами ему справедливую похвалу, можно-было сдѣлать нѣкоторыя отступленія, какъ шо: въ иныхъ мѣстахъ сократишь его, въ другихъ придашь ему болѣе точности. Такъ самое опредѣленіе Алгебры не имѣешь Логической спрогости: «Алгебра», говоришь Биюшь, «ешь языкъ, кошорый, предшавляя количества буквами и дѣйствія условными знаками, служить *вообще къ выраженію* (надобно-бы «перевести: къ *общему выраженію*) отношеній, «кошорыя должны существовать между данными и «неизвѣспными величинами какой-либо задачи, для «того, чшобы всѣ условія, заключающіяся въ сей «задачѣ, были удовлетворены». Опредѣленіе сосшашь въ показаніи рода и разности: посему Алгебра крашко можешь опредѣлена бышь — наукою *объ исчисленіи количествъ вообще*. Замѣшимъ также мимоходомъ, чшо кривую, изображаемую уравненіемъ:

$$ay^2 + b^2x^2 = a^2b^2,$$

мы привыкли называть не Эллисомъ, а Эллипси-сомъ. Сверхъ шого Биюшь между всѣми писателями по части Наукъ Физическо-Математическихъ отличашься изящешвомъ языка, прашпотою выраженій и происхашащею изъ сего ясностью: сшашь, досшашь-

ства желательнѣе бы видѣть и въ переводѣ. Переводишь не значаишь подставляишь слова, на прим. Русскія вмѣсто Французскихъ : надобно на Русскомъ такъ говоришь, какъ-бы говорилъ переводимый писатель. Платоны и Лапласы должны убѣдишь насъ что Математика, какъ дочь Философiи, пребудетъ изыщнѣйшаго дара слова.

— *Геометрiя для мастеровыхъ*, или приложенiе линейки, наугольника и циркуля къ разрѣшенiю задачъ Геометрическихъ. Соч. Мартена, Профессора Физики. Перевелъ Корпуса Инженеровъ путей сообщенiя Капитанъ Алексѣй Андреевъ. Спб. въ ш. Гл. Упр. путей сообщенiя. 1831. 102 и IV стр. in-8. Съ чертежами.

« Плошникъ, слесарь и каменьчикъ въ семь сочиненiи найдушь всѣ нужныя средства для разрѣшенiя задачъ, къ ихъ мастерствамъ относящихся. Равномѣрно заводчикъ и даже свѣтскiй человѣкъ, не имѣвшiе время занявшись изученiемъ Математики, или давно отъ оной отставшия, прочтя курсъ сей, конечно найдушь его не безполезнымъ.» Слова сiи выписаны изъ *Введенiя къ Геометрiи для мастеровыхъ*, которой свойственнѣе однакожь второе названiе ея, ибо Геометрiя, безспорно составляетъ науку, неограничивающуюся линейкою, наугольникомъ и циркулемъ. Употребленiе сихъ инструментовъ извѣстно каждому плошнику, котораго конечно не лзя назвать Геометромъ. — Книга, переведенная Г-мъ Андреевымъ, можешь бышь полезна, но въ самомъ ограничен-

номъ смыслѣ, потому что, 1-е, она писана языкомъ, непонятнымъ для людей малограмотныхъ; 2-е, она заключаетъ въ себѣ много лишняго для нашихъ масшеровыхъ; 3-е, она объясняетъ нѣкоторыя предметы, больше понятныя изъ практики, чѣмъ изъ книгъ. Не знаемъ, для какихъ *заводчиковъ* можешь бытъ она не бесполезна, и какіе свѣтскіе люди будутъ читать ее, свѣтскіе люди, ничего не читающіе для наученія себя! Во всѣхъ отношеніяхъ гораздо полезнѣе сей книги *Геометрія и Механика* Дюпена, издаваемая нынѣ и на Русскомъ языкѣ.

— *Руководство къ съемкѣ плановъ*, съ приложеніемъ Математики. Сочиненіе Д. Милюпина. Въ ш. Селивановскаго. 1831. II и 78 стр. in-12. Съ чертежами.

Книжка сія составлена изъ намяшныхъ записокъ, которыя Авторъ (пятнадцатилѣтній юноша) велъ для себя, при изученіи части Математики практической, а именно, приложенія оной къ Землемѣрью. Отъ того, видно, произошло и названіе его книги, довольно *нелское*. Какъ первый опытъ молодого человека, книга сія достойна хвалы, и даже она можешь бытъ полезна для людей, лишенныхъ другихъ, лучшихъ пособій. Авторъ общаетъ издашь со временемъ полный курсъ Землемѣрія. Дѣло доброе! Только просимъ его, для общенной его пользы, обращить вниманіе на правильность языка, который, въ изданной имъ книжкѣ, очень, очень неисправенъ. Мало того, что мы понимаемъ сами написанное нами: надобно, чтобы понимали и другіе.

— *Исторія Шотландіи*. Сочиненіе Сиръ Вальсверъ Скошша. Перев. съ Англійскаго М. М. Часть первая. СПб. Въ ш. Деп. Народн. Просв. 1831. VII и 327 стр. in-12.

В. Скошшъ, занимающій почешное мѣсто въ числѣ воспиташелей Человѣчества, какъ геній, открывшій новую сторону въ Искусствѣ, В. Скошшъ, Прошея литературный, пишущій романы, исторіи, сказки, біографіи, ученья, хозяйшвенныя и насмѣшливыя сшашы, стихи и прозу, важное и пустое, ужасное и смѣшное, В. Скошшъ написалъ между прочимъ, для своего внука, сына Локкаршова, Исторію его и своего отечества, Шотландіи. Занимаясь преподаваніемъ уроковъ Человѣчеству, онъ успѣлъ, мимоходомъ, дать нѣсколько уроковъ и маленькому своему внуку. Не лзя не ошдать справедливости сему произведенію В. Скошша: *Исторія Шотландіи* написана съ удивительнымъ знаніемъ — не говоримъ уже фактовъ историческихъ, ибо кто лучше В. Скошша знаетъ Исторію Шотландіи? — но съ удивительнымъ знаніемъ способностей ума въ шомъ возрастѣ, въ какомъ находился его внукъ. Вошъ образецъ дѣтской исторической книжки: ясно, свѣшло, привлекательно и поучительно! Даже взрослый человекъ пробѣжитъ эту книгу съ удовольствіемъ, и не безъ пользы, а диня, разумѣется! Шотландецъ, конечно прочешъ ее двадцашъ разъ безъ всякаго принужденія, и слѣдовательно наслаждаясь узнаешъ Исторію своего отечества. Авторъ умѣлъ выспавишь именно тѣ вышукласти собышій, кошорыя привлекательно осе-

бсжно для дѣтскаго ума. А кто не согласится, что сдиножды возбужденная спроситъ къ *знанію*, приносить благодѣтельные плоды? Ошь дѣтской книги, съ любопытствомъ уже возбужденнымъ, чловѣкъ переходитъ къ книгамъ людей взрослых, и далѣе, далѣе — шакъ, что наконецъ цѣлый міръ идей отражается въ умѣ его, и настроиваешь его душу къ высокому и прекрасному.

Для насъ, Рускихъ, книга сія не можешь быть шакъ дорога, какъ для Шотландцевъ или Англичанъ. Однакожь, хорошій переводъ ея есть услуга, и трудъ сей подъять не даромъ: онъ покажешь нашимъ писателямъ дѣтскихъ Исторій образецъ превосходный.

— *Искусство быть счастливымъ*, соч. Иосифа Дрозза. Перевела съ Французскаго А. И. СПб. Въ ш. Шшаба Ошдѣльн. Корц. внушр. спражи. 1831. 239 стр. in-12.

Дрозъ принадлежитъ къ старому поколѣнію Французскихъ писателей, хошь онъ здравствуешь еще и даже занимаешь кресла во Французской Академіи. Его сочиненія носятъ на себѣ оппечашокъ Философіи XVIII-го столѣтія, не шой бѣшеной дочери буйныхъ головъ д'Ольбаха и Гельвеція, которая взлешъла на воздухъ при разрывѣ Французской революціи, но слѣдовавшей за нею Философіи неопредѣленной, водяной, даже недостойной сего названія, и приведшей наконецъ къ тому, въ чемъ Дрозъ находить истинное счастье: живи смирно, не задѣвай никого, постарайся удалишься ошь заботъ и огорченій, наслаждайся чѣмъ можно! Вотъ сто вы-

секая цѣль Человѣка! Здѣсь явны слѣды направленія умовъ, о которомъ мы упомянули. Люди, изумленные, оглушенные, истерзанные ужасами революціи, полагаали высочайшимъ благомъ — какъ нибудь смирененько, докончипъ свои дни. Впрочемъ, мы все смѣемъ входить здѣсь въ дальнѣйшія объясненія, ибо передъ нами прудъ дамы: просимъ извиненія и въ сказанномъ. Объясняясь съ мужчиною, по случаю изданнаго въ 1825 году извлеченія изъ сей-же книги, мы полнѣе выразили наши мысли: любознательные могутъ найдши ихъ въ Телеграфъ 1826 года. Неизвѣстная намъ переводчица исполнила свое дѣло очень хорошо: она перевела книгу Дроза легкимъ, пріятнымъ слогомъ. Надобно сказать, что Дрозъ, не имѣя сильныхъ, глубокихъ мыслей, пишеть съ большимъ искусствомъ. Его слогъ можно совершенно справедливо назвать *сладкимъ*.

— *О неблагоразумномъ и превратномъ домашнемъ воспитаніи дѣтей.* Въ примѣрахъ, по способу Зальцмана. Книга для родителей и наставниковъ. 2 ч. 1831. СПб. въ ш. И. Байкова, XXXII, 244, и XLIII, VIII, 245 стр. in-12.

Какъ воспиташель дѣшей, Зальцманъ пользовался въ началѣ нынѣшняго столѣтія большою извѣстностью. Онъ былъ Пасторомъ въ Эрфуртѣ, и отличался своими проповѣдями, исполненными чистюю Богословією. Любя сочиненія Руссо и Базедова, онъ читалъ ихъ съ собственнымъ оппечомъ, и наконецъ составилъ свою методу воспитанія, по которой и началъ воспитывать своихъ дѣшей. Между нѣмъ издавъ онъ нѣсколько сочиненій о семь

предметъ. Въ 1781 году пригласилъ его Базедовъ въ свое воспитательное заведеніе. Зальцманъ уважалъ Базедова такъ много, что желая исполнить его просьбу, оставилъ свое пасторское мѣсто и переселился въ Дессау, гдѣ находилось славное тогда заведеніе, Базедова: *Филантропіа*. Но — пакость дѣла человѣчeskія! Вскорѣ Зальцманъ былъ уже не доволенъ распоряженіями своего образца, оставилъ его заведеніе, и основалъ свое, въ Шнепфенталѣ, близъ Готы. Впрочемъ, правила и духъ его воспитательнаго заведенія были одинаковы съ тѣми, которые руководствовали Базедова и были извѣстны подъ общимъ названіемъ *Филантропіи*: беречь память, удаляться схоластическаго ученія, болѣе дѣйствовать практически, и сначала укрѣпить тѣло дитяти, а потомъ дѣйствовать на его умъ. Шнепфенталское заведеніе Зальцмана скорѣ процвѣло удивительнымъ образомъ: къ нему присылали своихъ дѣтей знавшійшіе люди, Нѣмцы и даже иностранцы. Между прочимъ у него воспитывались три Принца владѣтельныхъ Домовъ (Гессенъ-Филипсальскаго и Шаумбургъ-Липпе). Кромѣ хорошаго устройства, слава Зальцмановой школы способствовали отличные, избранные имъ наставники, и книги, изданныя имъ, особенно, въ 1797 году напечатанная: *Небо на землѣ* (*). Въ 1803 году было у него 61 воспитанникъ, и заведеніе его утверждалось болѣе и болѣе, до 1807 года, когда Наполеонъ грозою шель по Германіи и пере-

(*) Она есть и въ Русскомъ переводѣ.

ворачивалъ намъ весь общественный и нравственный порядокъ. Съ этого времени школа Зальцмана потеряла свою славу. Сей почтенный педагогъ умеръ 31 Октября 1811 года, но прекрасное воспитательное заведеніе его, въ Шнейфенмалъ, поддерживается донинѣ, подъ руководствомъ сына его, Карла Зальцмана.

Изъ сего краткаго очерка жизни и направленія Зальцмана, читатели могутъ видѣть, чего искалъ онъ. Ему хотѣлось, сохраняя стѣло образованъ душу и умъ, такъ сказать, шуля. Цѣль прекрасная, но недостижимая въ наше, еще столь несовершенное время! Однакожъ, не лзя не отдать справедливости благородному намѣренію Зальцмана, и, не смолря на всѣ возраженія *Гуманистовъ*, во многомъ правыхъ, не лзя не сказать, что и школа *Филантроповъ*, къ кошорой принадлежалъ Зальцманъ, пояснила многое касательно воспитанія и принесла оному существенную пользу.

Издашель объявляемой нами книги руководствовался сочиненіями Зальцмана, и, кажется, болѣе всего, его остроумною книжкою: *Krebsbüchlein*, гдѣ Нѣмецкій Авторъ живо представляешь слѣдствія неблагоразумнаго воспитанія дѣшей. Родители могутъ принять Русскую книгу шолько въ соображеніе, а не въ руководство, чего, кажешся, желаетъ и самъ Издатель, говоря: что «какъ «сочиненіе сіе издаешся шолько для родителей и «занимающихъ ихъ мѣсто при домашнемъ воспитаніи, шо можно надѣяться, что отцы благомыслящіе не дадутъ онаго въ руки дѣшей.» Спра-

ведливо, ибо Зальцманова метода одностороння, и можеть служить шолько пособіемъ при другой, основательнѣйшей методѣ. Эшимъ объясняешся и наружное противорѣчіе приведенныхъ нами словъ, въ конхъ Авторъ, издавши книгу о дѣшяхъ, про- смшь не давашь ея дѣшямъ.

— *Способъ обучать дѣтей читать по-Русски безъ заучиванія складовъ въ самое короткое время (въ 30 часовъ или уроковъ); и писать по диктовкѣ (въ 50 часовъ или уроковъ); гдѣ приложенъ и обыкновенный способъ обученія чтенію, заставляя заучивашь склады. Изданіе второе, въ чешырехъ частяхъ состоящее, исправленное, полнѣе объясненное, и цѣлою частію умноженное, съ приложеніемъ чешырехъ гравированныхъ и иллюминированныхъ картинокъ. Сочиненіе Алексія Гуслистаго. СПб. 1834. Въ ш. Гинце. 98 стр. in-8.*

Заглавіе книги показываешъ, чегѣ можно ошъ нея ожидашь. Мы вѣримъ, что Г. Гуслистый выучиваешъ въ 30 уроковъ читаешь, ибо, въ шакое продолжительное время, по какой методѣ не выучишься этой наукѣ, какъ называешъ грамошу Г Гуслистый? Но его книжка доказываешъ еще то, что умѣя читать, и даже *учить* читать, Авторъ ни сколько не умѣетъ писать, и не имѣетъ понятія о Грамматикѣ. Вотъ нѣсколько диковинныхъ спрокъ, написанныхъ *по его наукѣ*: «Любя славу и « пользу своихъ соотечественниковъ, которые го- « лову имѣють право не хуже многихъ иносран- « цевъ, но иногда, позволеше правду сказать, ме- « нѣе шерцѣнія и вниманія къ ошечественнымъ

« произведеніямъ , о семъ повтора просишь вынужденнымъ нахожусь. » (*Alinéa* , стр. 4-5-я) — « Въ 1825 году въ домѣ Г. В. я обучалъ *Россійско-му и Французскому языкамъ*. Изъ всѣхъ его (?) « малюшкокъ , мнѣ особенно понравился *его* пяпплѣшній сынъ Саша ; *погему я* , имѣя на дачѣ довольно досуговъ , и *вызвался встрѣить мнѣ* первое « обученіе *его грамотѣ* , на что Г. В. и согласился « охотно. Дѣши по моимъ замѣчаніямъ должно было « имѣть (*да и имѣло*) хорошія способности ; но « сколько я ни прилагалъ старанія , и сколько ви « видно было съ его стороны вниманія — все дѣло « не шло какъ я предполагалъ. Это меня сильно « *озадачивало*. » (стр. 7-я) А насъ *озадачиваетъ* такое писанье *учителя!* . Дѣши! не пишете такъ , какъ Г. Гуслистый.

— *Полная Французская Грамматика* , содержащая въ себѣ : произведеніе , сочиненіе и правописаніе *словъ* (?) , сочиненная Ломондомъ , Заслуженнымъ Профессоромъ Парижск. Университета , исправленная и дополненная Профессоромъ Лешелье. Переводъ съ сорокъ втораго изданія. Въ 3-хъ частяхъ. М. въ ш. Лазаревыхъ Института. 1831 г. 371 стр. in-8.

— *Дополненіе къ полной Французской Грамматикѣ* , содержащее въ себѣ : собраніе словъ , самонужнѣйшіе разговоры , анекдоты , басни и проч. , какъ на *Россійскомъ* , такъ и *Французскомъ языкѣ* , и проч. М. Въ Унив. ш. 1831 г. 128 стр. in-8.

Эти двѣ книги переплещены вмѣстѣ , и такъ продаются. Первая ещѣ хорошая , извѣстная Грам-

машинна, съ плохихъ Русскихъ переводомъ о-шпорону; другая, сборникъ всякой всячины, могущій служить нѣкошорымъ пособіемъ при изученіи Французскаго языка. Обѣ книги изданы чрезвычайно небрежно. Къ Грамматикѣ приложенъ Французскій шишуль, копорый, для смѣха, мы списываемъ здѣсь; вошъ онъ: Grammaire française, à l'usage des pensionnats. Par de C. Lhomond, Professeur émérite en l'université de Paris, augmentée et corrigée par C. C. Letellier, Professeur de Belles-lettres. — Каково ?

— *Россійскія прописи для истописанія.* Изданіе книгопродавца Григорья Новинскаго. СПб. 1831 г. 12-шъ гравированныхъ полулишповъ.

Нѣкошорые листы сихъ прописей написаны и выгравированы довольно хорошо, нѣкошорые посредственно, и нѣкошорые очень дурно.

— *Въ прозѣ и въ стихахъ, Русское сочиненіе.* СПб. въ ш. Байкова. 1831. 81 стр. in-16.

Изъ Сѣверной Пчелы узнали мы, что это сочиненіе какого-шо Пешербургскаго юмориста, умершаго лѣтъ за 10 или 12 передъ симъ. Спало бытъ, въ Пешербургѣ былъ уже и шогда свой Г. А. Орловъ! Вошъ заглавіе спашей его книжонки: *Чрезвычайныя происшествія, угнѣтенная добродѣтель или поросянокъ въ лѣшкѣ.* — *Исторія о смуромъ кафтанѣ, которымъ обладатель не только это жѣлаетъ прикрытъ собственные свои плечи, но и выкронть женѣ своей юбку.* — *Жалоба бѣднаго поэта на морозъ, на хозяйку Описью и на сосѣда Валдайскаго помѣщика.* — *Стихи на день рожденія Кузьмы Андроновна.*

Іюль 1831.

17

— *Венера*, или собраніе стихотвореній разныхъ авшоровъ. 4 ч. *Изданіемъ Московскаго купца Семла Иванова Хрусталева*. М. 1831 г. Въ ш. Степанова. 152, 144, 114 и 92 стр. in-16.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, изданіе подобныхъ сборниковъ *тузаго* называли *ремесломъ корсаровъ*, ибо не возможно, чшобы Издашель просилъ позволенія у каждаго изъ Авшоровъ, кошорыхъ шруды онъ перепечашываешъ. Въ объявляемомъ нами сборникъ, шакъ неудачно и не кшати названномъ *Венерою*, помъщено сошни двѣ мѣлкихъ и большихъ стихотвореній, хорошихъ и дурныхъ, превосходныхъ и посредшвенныхъ. Тушъ встрѣчаеште имена Гг. Пушкиныхъ, Козлова, Глинки, Димшрїевыхъ, Жуковскаго, Суханова, Барашынскаго, Рѣдкина, Кн. Вяземскаго, Одина, Павлова, Шевырева, Иванч. Писарева, Д. Давыдова, Глѣбова, Б. Розена, Б. Дельвига, Кн. Шаликова, Теплякова, Нецаева, и проч. и проч. Столпшвореніе Вавилонское! Одинъ говорилъ языкомъ Эдема, другой языкомъ инаго міра; шомъ написанъ поэзією великихъ, другой упишанъ безшолковою галимашьею подражашелей подражашелямъ! Вообще Собраніе сіе составлено не шолько безъ вкуса, но даже безъ всякаго смысла, и при совершенномъ незнаніи Русской Шовесности. Не говоримъ уже, чшо шущъ помъщено много стихотвореній плохихъ — пусть шакъ! *Тѣмъ нужны въ картинѣ*, говорилъ плохой пѣшша, помъщая свои вздорцы на ряду съ опшличными произведеніями. Не какъ можно извинишь собирашеля въ шомъ, чшо подъ многими стихотвореніями онъ вышавилъ лож-

ныя имена? Напримѣръ, подъ стихотвореніями И. И. Дмитріева находимъ подпись — Ю. Дмитріевъ! Малороссійскія пѣсни, изданныя Г-мъ Максимовичемъ, приписаны сему Издашелю, и съ такою безотчешностью, что даже подъ пѣсней: *Бѣжавъ Козакъ за Дунай!*, поставлено: *М. Максимовичъ!* Это непонятно, или понятно только то, что собирашеть не имѣлъ понятія о дѣлѣ, за которое взялся.

Касательно права на изданіе сихъ стихотвореній — мы не знаемъ, что скажемъ. Кажется, многіе писцы не только не будутъ съговаривать на Издашеля, но еще и поблагодарятъ его внутренно! Умноженіе Русскихъ поэтовъ намъ извѣстно: *знаменитые* цѣнятъ свои стихи дороже Байроновыхъ; мѣлочъ лишшерашурная — готова на все, только бы напечатали ея спешки! У многихъ Русскихъ писателей нѣтъ мѣтнія: въ какомъ хошите Журналѣ, въ какомъ хошите листкѣ, сборникѣ, готовы они печатать свои произведенія, только была-бы въ шомъ ихъ *выгода*. Одни полагають свою выгоду въ чемъ нибудь *существенномъ*, другіе въ шомъ только, чтобы явились въ печати. Впрочемъ, мы не говоримъ этого ни о комъ относительно: говоримъ вообще, безъ всякихъ примѣненій. — Еще многіе изъ нашихъ поэтовъ не могутъ досадовать на сборники лишшерашурные и пошому, что сочиненія ихъ вѣчно остаются доскушками, или какими-то пробами. Эти господа похожи на шого ремесленника, кошорый вѣкъ свой дѣлалъ образчики разныхъ шканей, черныхъ, зеленыхъ, красныхъ, фіолешовыхъ, и вѣкъ свой показывалъ

одни доскушки : кафтана сшилъ было не изъ чего ; но какой-то добрый арлекинъ сжался надъ нимъ и сшилъ себѣ изъ его доскушьева шуповской нарядъ.

ОБЪ УМЕНЬШЕНИИ

ЗОЛОТА И СЕРЕБРА ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ, И О ДѢЙСТВІИ, КАКОЕ ДОЛЖНО ОТЪ СЕГО ПРОИЗОЙТИ НА БЛАГОСОСТОЯНІЕ НАРОДОВЪ И ТОРГОВЛЮ.

(Продолженіе)

Слѣдственно : *уменьшеніе* прилива драгоцѣнныхъ металловъ, съ 1810 года, составляло не менѣе 31 милліона пиастровъ (около 164½ милл. франковъ) ежегодно, а въ 18 лѣтъ сдѣлало оно огромную сумму — 589 милліоновъ пиастровъ (3,127,700,000 фр.).

Тогда даже, когда требованіе на золото и серебро установилось-бы, такое безмѣрное уменьшеніе въ приходѣ драгоцѣнныхъ металловъ, должно было подѣйствовать на относительную цѣнность ихъ, въ пропорціи сильнѣйшей, нежели была сія пропорція при всѣхъ другихъ обстоятельствевахъ : только открытіе Новаго Свѣта можно сравнивать съ симъ событіемъ, или, лучше сказать, проши-вопославлять ему. Но быстрое увеличеніе, въ теченіе сего періода, двухъ великихъ источниковъ

потребленія драгоцѣнныхъ металловъ, но есть: увеличеніе роскоши и торговли, замѣчательно не менѣе упадка въ произведеніи серебра и золота. Взглядъ на привозы и вывозы по торговлѣ различныхъ народовъ, составляющихъ собою просвѣщенный государсва, за послѣднія двадцать лѣтъ, убѣждаетъ насъ въ безмѣрномъ усиленіи, какъ суммъ, такъ и дѣятельности торговой, въ отношеніи одного народа къ другому; изъ сего слѣдуешь заключить, что и внутренняя торговля различныхъ государствъ, хотя незамѣтно, но тѣмъ не менѣе получила увеличенія, вовсе необыкновенныя. Если сравнишь количества товаровъ, нынѣ находящіеся въ оборотахъ, съ тѣми, какія были за 20 лѣтъ, и рвеніе, съ коимъ искуства и торговля за одно распространяютъ нынѣшніе торговые обороты, то легко убѣдишься, что для соотвѣтствія сему увеличенію надобно-бы увеличеніе драгоцѣнныхъ металловъ, по крайней мѣрѣ, на 10 проценсовъ. Прусскій экономистъ Шпорхъ, поправляя оцѣнку сдѣланную Гумбольдтомъ, полагалъ въ 1815 году, количество золота и серебра въ Европѣ въ 1,320,000,000 п. (6,996,000,000 фр.); вѣроятно, нынѣ должно полагать его въ 1,600,000,000 п. — Народонаселеніе Европы въ 1815 г. опредѣлялось въ 190 милліоновъ; нынѣ должно полагать его въ 210 милліоновъ челоуѣкъ. Замѣтимъ, что во все сіе время золото и серебро непрерывно уходило, безъ возврата, въ Индію.

Но причины, нами показанныя, суть причины обыкновенныя, и, какъ скажешь, естественнаго происхожденія отъ увеличеннаго требованія драгоцѣнныхъ металловъ. Причина необыкновенная, нежи-

данная, способствовала, съ 1815 года, гораздо въ сильнѣйшей пропорціи, увеличенію требованія. Мы разумѣемъ здѣсь мѣталлическую цѣнность, необходимую для того, чтобы Правительства могли поддерживать бумажныя деньги, ими выпущенныя. Сія финансовыя операціи почти въ одно время начались въ Великобританіи, Австріи, Россіи, Норвегіи, Швеціи, Даніи и Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ нѣсколько учетовъ по сему отношенію:

Въ Великобританіи, количество золота и серебра, которое надобно было перебивать въ монету, для оплаты ассигнацій, простиралось до 25 милліоновъ ф. с. (662,500,000 фр.).

Въ Австріи до 200,000 гильдеровъ (795,000,000 франк.).

Въ Даніи, банковыя Копенгагенскіе билеты, въ 1810 г. взошли до 38,834,336 рейхсгалеровъ; въ Августѣ 1829 г. они составляли только 19,115,202 рт. — Въ Нѣмецкихъ владѣніяхъ Даніи было значительное уменьшеніе въ бумажныхъ деньгахъ. Все можно оцѣнить въ 53,000,000 франковъ.

Въ Швеціи также было уменьшеніе бумажныхъ денегъ и увеличеніе звонкой монеты, на 1,800,000 рейхсгалеровъ, съ 1812 года. Въ Норвегіи тоже. Слѣдуетъ положить на объ сіи страны прибавленіе золошой и серебряной монеты въ 26,500,000 фр.

Мы не имѣемъ вѣрнаго, офиціального учета за Соединенные Штаты. Но какъ шамъ, шакъ и въ Бразиліи и Буэносъ-Айресѣ былъ выпускъ бумажныхъ

денегъ, и, слѣдственно, пошребленіе золота и серебра на монету по сему отношенію. Бундосъ Австрійскій и Бразилія, государства, гдѣ жишело ходять по землѣ, исполненной золотомъ, серебромъ и брилліантами, истощивъ свои средства въ продолженіи войнъ, должны были прибѣгнуть къ бумагамъ. Прибавимъ, что во многихъ государствахъ выпускъ бумажныхъ денегъ донынѣ продолжается. И надобно было сими операціямъ приноровиться именно къ тому времени, когда произведеніе золота и серебра уменьшалось! Полагаемъ, что не зная такого важнаго обстоятельства, и прошивники и защитники бумажныхъ денегъ не могли разсматривать сего вопроса Политической Экономіи въ настоящемъ его свѣтѣ.

Увеличеніе пошребленія золота и серебра, ежегодно, на дѣланіе посуды, часовъ, позолоту, было также весьма значительно. Одинъ Французскій экономистъ полагалъ его, въ 1819 г., во Франціи въ 30 милліоновъ фр. — Гумбольдтъ думаетъ, что на всю Европу надобно опредѣлить сумму въ четверо. Г-нь Шаброль, въ статистическихъ изслѣдованіяхъ о Парижѣ, полагаетъ среднюю цѣнность золота и серебра, ежегодно передѣлываемаго въ Парижѣ, въ 14½ милл. франковъ. Присовокупимъ $\frac{2}{3}$ сей суммы для Департаментовъ, и имеемъ всего количества на пошребленіе безъ участія пробирныхъ палатокъ (*). Въ дру-

(*) Въ 1789 г. золотыхъ часовъ было производимо во Франціи 200,000, въ 1819 до 300, а нынѣ про-

гнѣхъ земельнаго хозяйства Европы увеличеніе потребности на мануфактурную и промышленную часть, также неоспоримо. По счету Чалмерса, въ 10 лѣтъ, съ 1788-го по 1797-й годъ, въ Великобританіи переработано было фабричными и ремесленниками 10,171 Англ. ф. золота и 919,280 серебра, а съ 1800-го по 1809-й 16,942 золота и 1,130,481 серебра. Въ сіи 10 лѣтъ доходъ съ пробирныхъ палатокъ, среднимъ числомъ, составлялъ 8,420 ф. с. — Въ 1828 г. по опсчету Г-на Гюссисона, доходъ сей возросъ до 105,000 ф. с., что предполагаетъ потребление — 17,790 Англ. ф. золота, и 1,186,970 ф. серебра, въ одинъ годъ. Съ довольною достоверностію можно положить слѣд. суммы:

Великобританія	121,900,000 фр.
Франція	29,150,000 —
Остальная Европа	52,950,000 —

Постараемся теперь опредѣлить пропорцію, въ какой находились требованіе драгоцѣнныхъ металловъ и снабженіе оными, въ послѣднія 20 лѣтъ.

Мы видимъ, что снабженіе можно положить въ 23,980,000 п. ежегодно. Это составляетъ въ 19 лѣтъ 454,620,000 п.

изводился не менѣе 400,000. Количество золота и серебра въ торговыхъ лавкахъ Французскихъ въ 1819 г. цѣнили въ 64,000,000 фр.

Требованіе можно опредѣлить такимъ образомъ .

Оцѣняя обращеніе металловъ въ 3 милл. пиастровъ, и полагая по 2 на 1000 потери, огнемъ, водою, людьми, въ 19 лѣтъ 114,000,000

Количество непремѣнное обращающейся монеты, сдѣлавшееся необходимымъ съ 1810 г., въ 6 проц. противъ количества уже существующаго, что составитъ 180,000,000

Уменьшеніе съ 1815 г. бумажныхъ денегъ, что должно было наполнять золотомъ и серебромъ 300,000,000

Мануфактурное и промышленное потребленіе 570,000,000

И того, количество *требованія* драгоценныхъ металловъ, съ 1810-го года, составляетъ итогъ, въ 1,164,000,000

Произведеніе было 454,620,000

Недоставало до 709,380,000

Если-бы, напротивъ, не было уменьшенія въ произведеніи Американскихъ рудниковъ, снабженіе золотомъ и серебромъ возвысилось-бы, въ послѣдніе 20 лѣтъ, до 1,053,620,000 п., и покрыло-бы почти совершенно все требованіе, не смотря на необыкновенное его приращеніе.

Но, возразить намъ, еслибы дѣйствительно былъ такой излишекъ требованія противъ снабже-

нія золотомъ и серебромъ, что оказалось бы многими другими признаками. — Слѣдующіе разсчеты рѣшительно могутъ испрѣбись всѣ сомнѣнія въ семь случаевъ.

Грегори Кингъ полагалъ все количество драгоценныхъ металловъ, находившееся въ свѣтѣ до открытія Америки, въ 2,500 милліоновъ п. — Неизвѣстно, на чемъ онъ основывался, и, послѣ многихъ соображеній, мы полагаемъ вычесть сей весьма высокимъ, а посему и уменьшаемъ его, шакъ, что по мнѣнію нашему цѣнность золота и серебра, бывшаго въ свѣтѣ въ 1492 году, должна быть полагается, не болѣе, какъ въ 2,000,000,000 п.

1. Произведеніе Американскихъ рудниковъ, съ 1492 года.

Гумбольдтъ оцѣнилъ оное, до 1803 года, считая и добычи первыхъ завоевателей въ 5,731,000,000

Но въ документахъ, собранныхъ Гумбольдтомъ, о бившѣ монеты въ Мексико, не было почислено количество золота, обращеннаго въ монету съ 1690-го по 1733-й годъ — 24,237,766 п., да съ 1750-го по 1777-й — 21,536,980 п. — Исключая переплавку старейшей монеты, съ 1733 по 1822-й годъ — 10,714,363 п., должно присовокупить къ учету Гумбольдта 35,000,000

Средняя сумма, съ 1804-го по 1810-й годъ, 47,000,000 ; всего 329,000,000

Тожь съ 1811-го по 1829-й годъ,
15,000,000; всего 435,000,000

*II. Произведеніе Европы и Сѣверной Азии, съ
1492-го по 1825-й годъ.*

Мальхусъ, въ сочиненіи своемъ, из-
данномъ въ 1826 г., оцѣнялъ его въ . . . 600,000,000

Средняя сумма приобрѣшенія, съ
1826-го по 1829-й годъ, составляла
7 милльоновъ, а всего 28,000,000

III. Произведеніе Африки, съ 1492 года.

Его можно положишь въ 150,000,000

Общій итогъ 9,308,000,000

Люди и сшихіи уничтожили около . 2,308,000,000

Осшашокъ 7,000,000,000

Мы не дѣлаемъ никакого учета о произведеніи
и постребленіи драгоцѣнныхъ металловъ, съ 1492
года, въ Средней Азии, восточномъ Архипелагѣ,
Тункинѣ, Кипаѣ, Японіи и внутренней Африкѣ,
ибо не имѣемъ никакихъ данныхъ для ученовъ.

По означеннымъ выдешамъ, уменьшеніе въ суще-
ствующихъ фондахъ металловъ, съ 1810 года было
нѣсколько менше 10 процентовъ. Его не лзя было
не замѣшить, и оно досшашочно для объясненія
всеобщаго повышенія въ цѣнности золота и серебра,
повышенія, всѣми видѣннаго.

Во всякомъ случаѣ, мы не хотимъ придавать излишней важности вычислениямъ, основаннымъ на такихъ данныхъ, въносимъ конхъ, если не лзя опровергнуть, но, по крайней мѣрѣ, можно опозорить. Мы беремъ въ основаніе только то несомнѣнное предположеніе, что съ 1810 года было уменьшеніе въ обыкновенномъ дотолѣ произведеніи рудниковъ, на 589,000,000 пиастровъ; что съ 1815 года увеличилось требованіе отъ бумажныхъ денегъ на 300,000,000 пиастровъ, и что обыкновенное требованіе, по торговлѣ и промышленности, значительно усилилось противъ прежняго. Такое состояніе дѣлъ должно было произвести повышеніе въ относительной цѣнности драгоценныхъ металловъ: это подтверждается общими положеніями, *à priori*. Но дабы не оставалось въ семъ случаѣ сомнѣнія, мы подтвердимъ сіе обстоятельство частными доводами, *à posteriori*. Для сего выбираемъ мы возможное лучшее свидѣтельство: цѣну хлѣба на монету, въ различныхъ эпохи.

По отчету Г-на Якоба, Верхнему Парламенту, о торговлѣ хлѣбомъ, представленному въ 1826 году, и по донесеніямъ Великобританскихъ консуловъ, мы составили таблицу измѣненій въ десятилѣтней средней цѣнѣ пшеницы, въ разныхъ мѣстахъ Европы, съ 1700 года. Мы приняли мѣришелемъ, для семи мѣствъ, цѣны въ коихъ извѣстны съ 1700-го года, сумму 100. Первыя цѣны четырехъ остальныхъ мѣствъ мы положили по средней суммѣ тѣхъ количествъ, среди коихъ онѣ приходятся. Послѣдующія во всѣхъ графахъ цифры пока-

ывающъ перемѣны цѣнъ противъ 100. — Въ другой таблицѣ, видна *средняя сложная цѣна* одиннадцати мѣсць, въ первой таблицѣ означенныхъ; далѣе цѣнность сельскихъ работъ въ Кумберландѣ, какъ *указатель цѣнности сельскихъ работъ во всей Англіи*, и, наконецъ, количество монеты, битой въ Мексикѣ и Потосѣ, какъ *приблизительный указатель произведенія металловъ*.

Болѣе всякаго изъ нашихъ чипашедѣй чувствуемъ мы недостаточность нашей таблицы. Но мы предпочли представить ее такъ, какъ она есть, а не дополнять оную изъ источниковъ недостоверныхъ. Она заключается 1826-мъ годомъ. Пленія жашвы двухъ, или трехъ, послѣднихъ годовъ, поддерживали цѣну хлѣба, между тѣмъ какъ другіе товары продолжали упаданіе въ своей цѣнѣ. Но и сіи годы не могли однакожь довести цѣны хлѣба до той степени, на какой была она въ десятилѣтіе предшествовавшее.

	Средн. цѣнн. хлѣба.	Земл. раб. въ Кумберл. съ 1730	Выбито монеты.	
			Въ Мексико.	Въ Позозѣ.
Съ 1700 по 1709 г.	100	»	5,756,982	1,650,175
— 1719	111	»	7,146,516	1,272,208
— 1729	93	»	8,978,841	1,169,275
— 1739	90	90	9,536,848	1,417,480
— 1749	107	86	10,812,685	1,975,196
— 1759	104	97	13,121,983	2,113,943
— 1769	123	123	11,755,611	2,434,236
— 1779	132	132	17,477,256	2,863,423
— 1789	137	136	19,340,356	3,161,880
— 1799	174	162	23,108,028	2,988,835
— 1809	244	246	22,608,151	3,000,000
— 1819	232	211	11,000,000	500,000
— 1826	139	184	9,000,000	500,000

Конечно надобно принять въ уваженіе вліяніе часныхъ и мѣстныхъ причинъ на измѣненія цѣнъ, означенныя въ сей таблицѣ. Такъ, напримѣръ, не лзя не имѣть сомнѣнія, случая суммы подѣ графою

Дордрехта и графою *Амстердама*, въ концѣ находимъ большую разность. Но всѣ частныя ошибки и случайности не важны для графы *среднихъ цѣнъ*, выведенныхъ во 2-й таблицѣ, изъ 11-ти графъ первой таблицы.

Сильное вліяніе мира и войны, и различнаго обилія сборки хлѣба, оставляющъ глубокіе слѣды въ сложной цѣнѣ. Между тѣмъ, за исключеніемъ четверти столѣтія совершенной пшенины послѣ Утрехтскаго мира, въ 1713 году и десяти послѣднихъ годовъ, ни одно десятилѣтіе, изъ означенныхъ въ таблицѣ, не было совершенно мирно. Явно, что миру должно приписать упадокъ ошъ 111 на 90 послѣ 1719 года, хотя сему способствовали и богатыя жатвы съ 1713-го по 1728 годъ, что видимъ мы изъ современныхъ свидѣтельствъ. Уменьшеніе цѣны составляло почти 19 на 100. Но миръ, и безъ пособія хорошихъ жатвъ, достаточенъ былъ для уменьшенія въ другое десятилѣтіе 38 на 100. Безспорно, что обиліе жатвъ, миръ и война, имѣютъ сильное вліяніе на цѣны; но основаніе всѣхъ измѣненій надобно опыскивать именно въ различіи прихода драгоценныхъ металловъ. неизмѣняемое отношеніе между *монетною цѣною товаровъ* и большимъ или меньшимъ *количествомъ золота и серебра*, явшагося изъ выводовъ по таблицамъ. Вотъ они :

Съ 1700-го по 1739-й годъ, въ 40 лѣтъ, число монетъ, выбитой въ Мексико и Попозо; 9¼ милліоновъ пшеницы — средняя цѣна пшеницы въ Европѣ 100.

Съ 1740 по 1769, въ 30 лѣтъ, число монеты 14; цѣна пшеницы 113.

Съ 1770 по 1789, въ 30 лѣтъ, число монеты 21½; цѣна пшеницы 137.

Съ 1790 по 1809, въ 20 лѣтъ, число монеты около 26; цѣна пшеницы 212.

Съ 1810 по 1819, въ 10 лѣтъ, число монеты 11½; цѣна пшеницы 235 (пять первыхъ лѣтъ страшная война).

Съ 1820 по 1826, въ 7 лѣтъ, число монеты 9½; цѣна пшеницы 141.

Доказательства здѣсь не нужны. Цифры все сказываютъ, и открываютъ истинную причину пониженія цѣнъ. Еще убѣдительнѣйшее доказательство рѣдкости монеты въ Европѣ, въ наше время, состоитъ въ томъ, что нынѣ начали *привозить ее изъ Индіи* болѣе и болѣе, когда прежде *везли ее въ Индію*. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній о привозѣ въ Индію и вывозѣ ошуда явствуетъ сіе обстоятельство.

Обратимся къ другимъ подробностямъ и слѣдствіямъ предмета, насъ занимающаго.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ДВѢ ГРАМАТЫ

Царя Михаила Феодоровича, посланныя Курмышскому Воеводѣ (*)

I.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руссiи, на Курмышъ, Воеводѣ нашему Федору Ивановичу Философову: вѣдомо намъ учинилось, что въ помизовыхъ городѣхъ не въ давныхъ лѣтѣхъ учинился въ опскупу квась, сусло, брата,

(*) Найденныя при разборѣ дѣлъ въ Архивѣ Курмышскаго Уѣзднаго Суда, Д. И. Поповымъ, и отъ сего почтеннаго любителя Исторической старины присланныя, для напечатанiя въ Телеграфѣ. Обѣ онѣ любопытны, отнoсясь къ подробностямъ прежняго внутренняго управленiя въ Россiи. Но первая изъ нихъ замѣчательна еще по другому обстоятельству. Известно, что Уложенiе Царя Алексiя Михайловича подписано, между прочимъ, *Дьякомъ Федоромъ Грибовдовымъ*. Имя это мы помнимъ по имени А. С. Грибоѣдова. Дьякъ Федоръ Грибоѣдовъ былъ предокъ его. Къ сожалѣнiю, никакихъ подробностей о жизни сего предка нашего поэта мы не знали. А. С. говаривалъ, что родъ его происходитъ изъ Польши, отъ фамили Грибовскихъ, переселившихся въ Россiю, вѣроят-

большинѣ, и хмѣльное и сѣнное прущеніе, и овсяной и зерновой ошкупъ, и мыльное рѣзанье, и деготь, и площадное письмо, и иные такіе и такіе промыслы, о кошорыхъ промыслахъ въ городѣхъ живущъ и кормящся, и стягло плащящъ, Посадскіе и

но, при началѣ царствованія Романовыхъ; можетъ быть, прибавлялъ онъ, что предокъ Грибоѣдовыхъ, писавшій Уложеніе, былъ нарочно вызванъ въ Россію для этого дѣла, какъ мужъ искусный въ Правовѣдѣніи. (См. Сочиненія Ф. В. Булгарина, т. XII, стр. 170). Въ новомъ сочиненіи своемъ (*Пособіа и правила изученія Россійскихъ законовъ*, М. 1831.) П. И. Дегай подтверждаетъ сіе мнѣніе (см. означ. сочиненіе, стр. 119). Въ предисловіи къ Уложенію сказано: «Указалъ Государь Царь и Великій Князь А. М. всея Руссіи, по все собраніи и въ докладъ написати, Бояромъ: Князю Н. И. Одоевскому, да Князю С. В. Прозоровскому, да Окольникову, Князю Ф. Ф. Волконскому, да Дьякамъ Гаврилу Леоньеву, да Федору Грибоѣдову». — Одоевскій, Прозоровскій и Волконскій (пожалованный за Уложеніе въ Бояре), люди — ничѣмъ не замѣтные въ Испоріи, разумѣется, только судили и толковали; дѣлали и писали Леоньевъ и Грибоѣдовъ. Но Курмышская грамата открываетъ, что Грибоѣдовъ не былъ Польскій юристъ, вызванный за обширныя свѣдѣнія въ Правахъ. Это былъ доморощенный приказный человекъ: за десять лѣтъ, въ 1639 году, онъ, какъ видимъ, дѣлалъ справки на граматахъ Царскихъ, и подписывался: *Подъягій Федька Грибоѣдовъ*, а опредѣленный, вѣроятно, за опытность, къ сочиненію Уложенія

всякіе Жилецкіе люди, а въ прежнихъ лѣтѣхъ такіе мѣлкіе промыслы николи въ ошкupu ни за кѣмъ не бывали, и нынѣ въ городѣхъ, ошъ ошкупщиковъ, за кошорыми въ ошкupu квась, сусло, брага, бошвинье, и хмѣльное и сѣнное пруженье, и овсяной и зерновой ошкупъ, и мыльное рѣзанье, и дегошъ, и площадное письмо, и иные шакіе мѣлкіе промыслы, Посадскимъ и всякимъ Жилецкимъ людѣмъ чиняшся продажи и убышки великіе, и ошъ шово Посадскіе и Жилецкіе всякіе люди въ городѣхъ ошкудѣли, а на Курмышѣ, по Курмышскому смѣшному списку, прошлаго 146-го году, мѣлкіе промыслы, площадное письмо, прудуби, извоза, ошкupu съ шѣхъ Курмышскихъ мѣлкихъ промысловъ по окладу шестъ рублей, два алшына, полпяпы деньги на годъ, и мы указали шѣ Курмышскіе мѣлкіе промыслы на Курмышѣ ошшавишъ, и шѣми Курмышскими и иными мѣлкими промыслы, кошорые мѣлкіе промыслы писаны въ сей нашей грамотѣ, на Курмышѣ промышляшъ и кормишся Посадскимъ и всякимъ Жилецкимъ людѣмъ по шаринѣ, а о зерни на Курмышѣ и въ Курмышскомъ уѣздѣ учинишъ закасъ крѣпкой; чшобъ на Курмышѣ и въ Курмышскомъ уѣздѣ по кабакамъ, и нигдѣ, ни кто зерню не игралъ, для шого, чш ошъ зерни въ городѣхъ чинишся многое воровство, и многіе люди зерню проигрывающся; и какъ къ

черезъ десять лѣтъ, ш. е. въ 1649 году, былъ уже *Дьяколб.* подробности, любопытныя въ историческомъ отношеніи! *Изд. Тел.*

тебѣ ся наша грамота придетъ, и шы-бъ на Курмышѣ Курмышскимъ Посадскимъ и всякимъ Жидецкимъ людѣмъ сказала наше жалованье, что мы ихъ пожаловали мѣлками ошкupy, кошорые ошкupy писаны въ сей нашей грамотѣ, велѣли ими кормиться и промышляшь безъ ошкupy, и впредь тѣхъ ошкуповъ на ошкupy ошдаваши не велѣли, и сказавъ имъ по наше жалованье, на Курмышѣ, Курмышскіе мѣлкіе ошкupy, площадное письмо, и пролуби, и извось ошспавишь, и изъ окладу тѣ ошкupy выложишь, и тѣми промыслы велѣшь промышляшь и кормишь Курмышскимъ Посадскимъ и Жидецкимъ всякимъ людѣмъ, и впередь-бы еси тѣхъ, и иныхъ шакихъ мѣлкихъ промысловъ, кошорые мѣлкіе промыслы писаны въ сей нашей грамотѣ, въ ошкupy не ошдавалъ ни кому, чтобъ на Курмышѣ ошъ шакихъ ошкуповъ Курмышскимъ и Посадскимъ и всякимъ Жидецкимъ людѣмъ городскихъ промысловъ не ошбышь, и упѣсненія-бъ и продажъ и никакихъ налоговъ ошъ ошкупщиковъ не было, а о зерни учинилъ бы еси на Курмышѣ и въ Курмышскомъ уѣздѣ по кабакамъ и нигдѣ ни какіе люди зерню не играли, чтобъ ошъ зерни на Курмышѣ и въ Курмышскомъ уѣздѣ ни какого воровства не было, и никто зерню не проигрывался, а кто учнешь воровашъ зерню и играть, и шыбъ тѣхъ людей велѣлъ иначе приводишь къ себѣ въ сѣзжую избу, и по сыску тѣхъ людей, кто учнешь зерню играть, чинилъ наказаніе: велѣлъ ихъ биши кнушомъ, по шоргомъ, нещадно, и ималъ бы еси на нихъ заповѣди прошивъ корчемной выемки, и тѣ заповѣдные деньги въ Курмышскіе приходные книги и въ смѣшные списки ве-

лѣль писаша себѣ спашьею. Писанъ на Москвѣ, Лѣта 7147, Августа въ 23-й день.

На оборотѣ въ срединѣ граматы, на склейкѣ :
Дьякъ Сергей Матвѣевъ.

На оборотѣ, къ концу граматы, написано :
Справилъ подъякій Федька Грибоѣдовъ.

Надпись возлѣ восковой печаша : «*На Курмышъ, Воеводѣ нашему Федору Ивановичу Философову.*

148. Сентября въ 28 день.

II.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, Всея Русси, на Курмышъ, Воеводѣ нашему Федору Ивановичу Философову, въ прошломъ во 143-мъ году былъ въ Чебоксарѣхъ, у нашего у таможеннаго и у кабацкаго сбору вѣрной голова, Свѣжень, Посадской человекъ Олфимко Рогожкинъ, а съ нимъ были въ цѣловальникахъ Чебоксарянъ Посадскіе люди, и пошъ Олфимко и цѣловальники, будучи у нашего, у таможеннаго и у кабацкаго сбору, воровали, имали себѣ у торговыхъ людей не явленныя шовары, и въ пишьє заклады, перстни золошые и жемчугъ, и креспы серебряные, и памяши долговые, винныя продажи съ шѣхъ закладовъ въ книги не записывали, и многіе заклады валялись у нихъ подъ таможенною безъ ермыковъ, и пишуховъ закладовъ на выкупъ не выдавали, а сказывали, что будшо у нихъ ушерялись, а на иныхъ пишуховъ приписывали лишніе деньги, и для того де морожшва всякимъ закладомъ записки и книгъ подѣ-

лчнмъ завесшь не велѣли, и винную раздачу на кабацкѣ писали на доскушкахъ, а повары, гдѣ взяшь меньшая пошлина, и шо писали въ книги, а гдѣ взяшь большая пошлина, и шо писано на доскушкахъ, а же въ книгахъ, а кабацкіе де запасы писали дорогою цѣною, большими спаями, а у кого именемъ купленъ шого не написано; и какъ къ шебѣ ся наша грамоша придетъ, и шибѣ на кабацкіе покупные запасы и всякое питье велѣлъ сдѣлашь книги, да шѣ книги по листомъ закрѣпилъ своею рукою да и кабацкому головѣ и цѣловальникомъ къ шѣмъ книгамъ по листомъ велѣлъ рукижъ свои приложитъ, да и впередъ во вся годы велѣлъ кабацкіе книги дѣлашь съ Семена дни, и закрѣплялъ шѣ книги по листомъ своею рукою, и кабацкимъ головамъ и цѣловальникомъ къ шѣмъ книгамъ велѣлъ руки жъ свои прикладывашъ, и велѣлъ въ шѣхъ книгахъ кабацкому головѣ и цѣловальникомъ записывашъ кабацкіе всякіе заводы и оштасочные запасы и питье, что у кошорога головы изъ году въ годъ ошанется, и что шѣмъ заводомъ и оштасочнымъ запасомъ и ншпью цѣна, и что кошорова мѣсяца и числа и у кого имянемъ какихъ кабацкихъ запасовъ купитъ, и что за запасы денегъ дадутъ, и съ шѣхъ запасовъ вина укурятъ, и пива сварятъ, и меду поспавятъ, и что шого кабацкаго питья въ кошоромъ мѣсяцѣ продамо будеть, и денегъ за шо питье возмутъ, истины и прибыли, и изъ медвеныхъ спавокъ воску выдешъ, и что изъ мѣсяца въ мѣсяцъ какихъ кабацкихъ запасовъ и питья ошанется, и что въ кошоромъ мѣсяцѣ кабацкихъ денегъ въ расходъ выдешъ, и на какіе расходы шѣ деньги да-

душъ , по все велѣлъ бы еси имъ въ шѣхъ книгахъ записывашы , и имянно для шого , чшобъ и кабацкіе головы и цѣловальники шѣхъ книгъ не переписывали , и лисшовъ не перемѣняли , и изъ мѣсяца въ мѣсяць никакихъ денегъ и воску не оставливали , а приносили бъ кабацкіе сборные деньги и воскъ въ съѣзжую избу помѣсячно , а кошорые люди учнушъ въ пишьяхъ закладывашъ плашье , и кузнъ , и жемчугъ , и ружье , и всякую рухледъ , и шыбъ шѣ заклады пошому жъ велѣлъ записывашъ въ особные книги , безъ приписки , а шѣ книги велѣлъ держашъ за своею и кабацкаго головы и цѣловальниковъ за руками , чшобъ шѣ заклады безъ записки не пропадали , и пишуховъ бы шѣхъ не ошогнали , и головыбъ , и цѣловальники , и подьячіе , и никшо шѣми заклады не корыетовалъсь , а приходы и расходы велѣлъ вѣдашь головѣ и цѣловальникомъ всѣмъ вмѣстѣ , а самъ бы еси ты нашего никакова пишья и запасовъ съ кабака безъ денегъ не ималъ , и подьячимъ и инымъ никакимъ людѣмъ кабацкихъ ни какихъ запасовъ давашь не велѣлъ , и кабацкіе всякіе запасы кабацкому головѣ и цѣловальникомъ велѣлъ покупашъ во время , какъ бываешъ дешеваѣ , и въ книги записывашъ имянно , кошорова мѣсяца , и числа , и у кого имянемъ , и сколько какихъ запасовъ купяшь , и чшо за шѣ запасы по цѣнѣ денегъ дадушъ , а деньги за шѣ запасы по цѣнѣ велѣшь давашь въ шу пору , какъ у кого какіе запасы купяшь , чшобъ въ шомъ нашей казнѣ иштери не было , а шѣмъ людѣмъ , у кого запасы куяшь , въ шомъ напрасные волокишы и убышковъ не было жъ , а какъ кабацкоѣ голова и цѣловальники годъ ошси-

дять, и шыбъ по шѣмъ княгамъ, въ приходѣ и въ расходѣ, ихъ счишаль, да чшо на нихъ взочшешъ и шыбъ шо велѣлъ на нихъ доправиль, въ нашу казну да на шомъ писалъ; и кабацкихъ головъ, съ кабацкими съ перечневыми, по годомъ присылалъ къ намъ, къ Москвѣ, а на Москвѣ опписки и перечневые книги велѣлъ подашъ, и кабацкому головѣ явиться, въ приказѣ Казанскаго Дворца, Боярину нашему Князю Борису Михайловичу Лыкову, Дьякомъ нашимъ: Федору Попову, да Сергѣю Машвѣву. Писанъ на Москвѣ, Лѣша 7148, Оксября въ 24-й день.

На оборотѣ надпись: « На Курмышъ, Воеводѣ нашему, Федору Ивановичу Философову, 148-го Ноября въ 9-й день; подаль сю Государеву грамошу Казанецъ, сынъ Боярской, Федоръ Оборнениковъ. « По склейкамъ: *Дьякъ Сергѣй Матвѣевъ.* — « Внизу: *Справиль Подъягій Петрушко Степановъ.*»

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Съ благодарностію печашаемъ въ Телеграфѣ ниже-
сѣдующія, присланная къ намъ замѣчанія Н. И. Бояр-
кина, прося, какъ его, такъ и другихъ соотечествен-
никовъ нашихъ, сообщать намъ и впредь подобныя
извѣстія, служація къ поясненію отечественной
Исторіи и Географіи. Мы всегда примемъ и напеча-
таемъ оныя охотно, хотя-бы ими обличена была
собственная наша ошибка. Истина всего дороже!

— *Исторіи Г. Р. Карамзина*, томъ III, примѣч.
154. «Юрьи же приде къ Росшову и бишася о рѣ-
ку *Ишшу* (Вексу), и села пожгоша.»

Это рѣка *Ишня*, въ 3-хъ верстахъ ошъ Росхова,
пересѣкающая Московскую дорогу и впекающая въ
Неро. Съ чего Исторіографъ могъ прибавить сло-
во: *Вексу*, не знасмъ. Ташищевъ имя рѣки написалъ:
Ишка.

— *Карамзина И. Г. Р.* томъ III, примѣч. 81,
выписка изъ Лѣтописи: «Князь Всеволодъ посла
Кыеву къ Свяшославу и къ Мишрополишу прося
Епископа, хошя поставити Луку, кропкаго Игу-
мена Св. Спаса на Берешовѣмъ. Мишрополишъ же
не хошяше: се бо на мзду поставилъ Николу Гръчи-
на, Всеволоду не хошящу его. Нѣсмъ бо достойно-

наскакаши на Свяшительскій чинъ *намъ здѣ*, но его же Богъ позовешъ, Князь всхочешъ и людемъ.»

«Слово: *намъ*, доказываетъ, что Лѣтописецъ былъ духовнаго сана,» говоритъ Карамзинъ. Но это несправедливо, и, кажется, ясно, что слова: *намъ здѣ*, значашъ просто: *на мздѣ*. Буква *з*, и неправильная разстановка словъ повлекли Исторіографа нашего въ заблужденіе.

— Карамзинъ, (ш. III, пр. 164) писавши о *Холохолнѣ*, сказалъ, что сіе мѣсто, *нынѣ неизвѣстное*, находилось въ Тверской губерніи. Напрощивъ: это селеніе *Колокольня*, и нынѣ очень извѣстное. Каждый житель Торжка и Вышняго Волочка можешъ указать это село, знакомое всѣмъ плававшимъ изъ Твери въ Волочекъ водою.

— *Исторія Русскаго народа* (томъ I-й стр. 340): «Утробу неопально образуютъ опроковицы, иже въ вѣпсѣмъ опаляемій юноши, преестествомъ рождающую, запечашлѣнну, обоя же содѣвающи чудодѣйство едино, люди къ пѣнію восшавляешъ благодать.»

«Любиши убо намъ яко безбѣдное спрахомъ удобѣе молчаніе любовію же дѣво, пѣсни шкати спрощенно сложенныя, неудобно естъ: но и наши силу, елико естъ произволеніе даждь.»

Сіи два сшиха изъ *нынѣшнихъ* книгъ церковныхъ поставлены въ образецъ *стариннаго* церковнаго языка. Не говоря о многихъ переправкахъ, Максимомъ Грекомъ и другими въ разныхъ вѣкахъ произведенныхъ, полагаю, что выписку наддежало предсша-

вишь изъ древнѣйшихъ церковныхъ книгъ, и выпи-
ваю сіи самыя списки изъ Миней Общей, при Царѣ
Алексѣ Михайловичѣ и Пашіархѣ Іосифѣ 7158 (1650
года) напечатанной, гдѣ вспрѣяшся отличія отъ
приведеннаго примѣра.

«Ушробу неопалиму прообразують дѣвичу, иже
въ вѣсѣ огнемъ палимыя юноши. Превышше раж-
дающую, запечашлѣнну. Обоя же содѣвая чюдодѣй-
ства единѣ, люди къ пѣнію восставляешъ благо-
дашель.

«Подобаше убо намъ, яко безъ бѣды спрахомъ,
удобъ молчашаи. Любовію же дѣво, пѣсни сосшавиши
согласно сложены, дѣло естѣ драго. Но о маши си-
лу, елико же бышъ изволеніе даждь.»

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ (*).

Любопышно сличить съ каршиною Сальватора Ро-
зы (Телеграфа, № 12, стр. 522) другое произве-
деніе сего художника, въ одномъ и томъ-же родѣ.
Ошибки гениальнаго человѣка особенно поучительны.

(*) При описаніи картинки въ № 12 Телеграфа
(стр. 522) сдѣлана ошибка, по недосмотру Издаше-
ля. Видѣніе св. Антонія названо — каршиною Рафаэ-
ля! Просимъ читателей поправить сію ошибку, чи-
стая слѣдующимъ образомъ, отъ почки на 18-й спро-

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ очеркъ съ картины С. Розы: *Видѣніе св. Антонія.*

Каполическія легенды повѣствуютъ множество подробностей о жизни сего свяаго опшельника, и ужасныхъ мученіяхъ и искушеніяхъ, коими хотѣлъ поколебать вѣру его Духъ шмы. Онъ, по обольщаль его самыми соблазнительными, роскошными видѣніями, по возбуждалъ его спрасши, по представлялъ ему оспавленныхъ имъ родныхъ, и шерзала сердце пустытника ихъ горесью и бѣдствіями. Опшельникъ былъ швердъ; восемнадцати лѣтъ заключился онъ въ мрачной своей пещерѣ, и до староспи провелъ въ ней жизнь, непоколебимый въ шерпѣніи. Однажды шолько, Демоны явились ему, въ шоль ужасающихъ образахъ, вопя шакими шрашными голосами, что св. Антоній содрогнулся, и безъ чувствъ найденъ былъ на другой день въ своей пещерѣ.

Испышывая силы свои въ изображеніи ужаснаго, адскаго, С. Роза рѣшился, кажешся, представить, именно сіе мгновение. Онъ хотѣлъ изобразить всю гнусность, весь ужась адскихъ привидѣній. Каполическія легенды говоряшь, что словами сего выразишь было не можно; успѣлъ-ли С. Роза выразишь,

къ: « Мы выбрали къ сему двѣ картины Сальватора Розы: *Эндорскую волшебницу* и *Видѣніе св. Антонія.*» — А въ примѣчаніи на той-же страницѣ: « Очеркъ съ другой картины будетъ при № 14-мъ Телеграфа. »
Изд.

нѣ къ снѣ? Нѣтъ; и въ мысли его, кажешься, главная ошибка картины!

Въ *Эндорской Волшебницѣ* главнѣйшій ужасъ разлитъ въ общности картины, въ положеніяхъ лицъ, въ сгруппированіи души чловѣка. Здѣсь, напротивъ, художникъ обратилъ все вниманіе на безобразность привидѣній — и только! Огромное привидѣніе сползло по срединѣ картины, занимая почти все ея пространство. Черепъ носорога, съ яркими глазами въ глазныхъ, космическихъ впадинахъ, какое-то смѣшеніе шла и космической, и длинный хвостъ, составляющій чудовище, величиною почти равняющееся дикимъ, окрестнымъ утесамъ. Скажемъ-ли? Воображеніе живописца въ семъ изображеніи не достигло цѣли: чудовище является болѣе каррикатурно, нежели ужасно! Между тѣмъ, ему пожертвовано все остальное. Св. Антоній не представляетъ никакого величія въры и швердости чловѣка: это старикъ, маленькій, ничтожный; положеніе его несущественно — напичнуто! Другія привидѣнія походятъ на лешучихъ мышей, а не на грозныхъ духовъ ада.

Сія картина С. Розы находится во Флорентійской галереѣ. Вышина ея 2 футовъ, ширина 1 ф. 6 дюймовъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Августа 13-го, сего 1831 года, въ Совѣщѣ Кредитныхъ установленій, Его Сіятельства, Г-нъ Министръ Финансовъ представилъ отчеты по Государственнымъ кредитнымъ оборотамъ и дѣламъ.

Упомянувъ въ рѣчи своей, при открытіи застѣданій, о благопріятномъ состояніи финансовыхъ дѣлъ Россіи въ 1829 году, Г-нъ Министръ продолжалъ: «Вопреки всѣхъ соображеній человеческой предусмотрительности, всѣ виды кредитныхъ дѣлъ въ Европѣ перемѣнились. Въспомо того, что фонды передъ тѣмъ дошли до невѣроятной почти степени возвышенія, они внезапно понизились въ неожиданной вовсе соразмѣрности. Министръ Финансовъ не оставилъ воспользоваться тѣмъ пониженіемъ для усиленія выкупа; но едва приступилъ къ сему, какъ послѣдовавшія въ исходѣ 1830 года происшествія возложили на него непремѣнную обязанность пещись о сохраненіи, и даже объ увеличеніи нужнаго для военныхъ издержекъ денежнаго запаса. Посему —

«Съ одной стороны выкупъ произведенъ былъ шокмо въ самомъ ограниченномъ количествѣ;

«Съ другой, приступлено въ настоящемъ году къ учрежденію Билетовъ Государственнаго Казначейства. Цѣль сей мѣры состояла главнѣйше въ

облегченіи оборотовъ Государственнаго Казначейства въ настоящее время. Сіе доказываетъ крайне умеренная сумма, *тридцать милліоновъ* рублей, кошорая, безъ важнаго запаса драгоценныхъ металловъ, остающихся на Монетномъ Дворѣ, не могла бы покрывать нераздѣльныхъ съ войною, разнородныхъ, чрезвычайныхъ издержекъ.

«Однакожь, издержки сіи, будучи послѣдствіемъ необходимости, и даже вѣщія, если-бы впредь были нужны, при извѣстныхъ ресурсахъ Государства, и при хозяйственномъ устройствѣ финансовъ, не могутъ дать ни малѣйшаго повода къ сомнѣніямъ, ибо, святое повиновѣніе исполненіе всѣхъ кредитныхъ обязанностей Россіи, ручается за шакое-жъ и впоследствии, и сохранить швердосшь Государственнаго кредита.» —

Билеты Государственнаго Казначейства, о коихъ упоминаеть Г-нъ Министръ, суть шѣ облигаціи, въ 250 рублей каждая, выпускъ коихъ определенъ былъ Высочайшимъ Манифестомъ, отъ 13-го Іюля. Они должны быть выкуплены черезъ четыре года, составляя частный, временный внутрешній заемъ, по коему Правительство платишь по $4\frac{12}{100}$ процента въ годъ, облегал обороты Государственнаго Казначейства въ настоящее время, какъ объявляеть Г-нъ Министръ Финансовъ.

Г-нъ Предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Государственныхъ кредитныхъ постановленій, Графъ Липша, изъяснилъ, послѣ рѣчи Г-на Министра Финансовъ, достоинство положенія Россійскаго государства по управленію финансовъ. «Военныя дѣйствія;

замѣшательство и разстройство въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ; жестокая эпидемическая болѣзнь, во всемъ почши Государствѣ свирѣпствующая — не могли не уменьшить Государственныхъ доходовъ, и между шѣмъ не умножишь внезапныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ. Но за всеѣмъ шѣмъ, силою благоразумныхъ мѣръ Правительства, 1-е фонды наши, между многими другими въ Европѣ, не только не понизились, но устояли въ своемъ достоинствѣ, и даже предпочитаемы были; 2-е вексельный биржевой нашъ курсъ, въ обращеніяхъ своихъ, чувствительныхъ убыточныхъ измѣненій не показалъ; 3-е, въ столицахъ, и разныхъ городахъ Государства, продолжалась постройка великолѣпныхъ и полезныхъ зданій; 4-е, при всеѣхъ мѣрахъ, какія необходимы къ общему устройству, и для удовлетворенія всеѣхъ Государственныхъ нуждъ, Правительство не приступило ни къ какимъ новымъ налогамъ.»

Операціи Государственныхъ кредитныхъ дѣлъ производятся, по —

Государственной Коммиссіи погашенія долговъ;

Ассигнаціонному Банку;

Заемному Банку;

Коммерческому Банку.

Всѣ сіи мѣста объемлешь собою опчетъ Г-на Министра Финансовъ, въ любопытныхъ Статистическихкихъ подробностяхъ.

Долги по *Государственной долговой книгѣ*, къ 1-му Января 1831 года, сосставляли:

Июль 1831.

49

А. *Срогныя*, два вѣншія Голландскіе, 85,491,060 гульденовъ; внутренніе: серебромъ 2,016,000 рубль., ассигнаціями 36,532,826 р. —

Б. *Безсрогныя*, шести-процентныя, золотомъ 14,220 р., серебромъ 6,921,452 р. 93 $\frac{1}{2}$ к., ассигнаціями 230,330,171 рубль. — Пяти-процентныя, серебромъ 68,180,560 р. —

А всего, на ассигнаціи, 723,234,259 р. 24 к.

На обороты *Коммисіи погашенія долговъ* поступило въ 1830 году 53,286,354 р. 77 $\frac{1}{4}$ к. —

По *Ассигнаціонному Банку*, масса выпущенныхъ ассигнацій оставалась безъ всякаго умноженія, прежняя — 595,776,319 рублей.

Для *Завнаго Банка* въ 1830-мъ году были столь огромны, что всѣ обороты Банка простирались на сумму 365,064,784 р. 61 $\frac{1}{2}$ к. асс. и на 336,185 руб. 53 к. звонкою монетою.

Вклады въ сей Банкъ, для обращенія капитала изъ процентовъ, къ 1830 году состояло:

Изъ разныхъ *казенныхъ мѣстъ*, сер. 26,981 р. 33 к., ассигн. 150,214,228 р. 73 $\frac{1}{2}$ к. (въ семь чиселъ, суммъ Коммерческаго Банка, изъ 5 $\frac{1}{2}$ проц. 89,736,228 руб. 81 к. — Суммъ Спбургскаго Опекунскаго Совѣща 10,017,225 р.)

Отъ *частныхъ лицъ*, ассигн. 109,087,147 р. 11 к., серебр. 1840 р. 48 к., золотомъ 1545 р. 75 к.

Послѣ принятія новыхъ вкладовъ, и уплаты по другимъ, къ 1831 г. осталось въ Банкѣ вкладовъ —

Разныхъ казенныхъ мѣстъ, серебромъ 28,330 р. 32 к., асс. 158,585,094 р. 29½ к. (въ семь числъ, Гос. Комм. Банка, изъ 5½ и 4½ проц., 97,171,721 р. 16 к., и Спбургскаго Опекунскаго Совѣта, изъ 5½ проц., 6,165,000 р. —

Частныхъ лицъ, асс. 117,079,242 р. 15½ к., зол. 254 р. 97 к., сер. 591 р. 59 к.

Выданныхъ изъ Банка въ ссуду, къ 1830 году состояло:

На казенныхъ мѣстахъ, сер. 130,000 р., ассигн. 152,601,833 р. 49¾ к. (въ семь числъ долгъ на Коммисіи погашенія долговъ 53,690,100 р. асс.; да на Главномъ Казначействѣ, 130,000 р. сер. и 88,677,171 р. 33 к. асс.

На частныхъ заемщикахъ было, асс. 123,705,431 р. 78¾ к., зол. 17,194 р. 54½ к., серебр. 445,584 р. 54½ к.

Въ 1830 году, выдано вновь и пересрочено Банкомъ 25,984,729 р. 46¼ к. (въ семь числъ Казеннымъ мѣстамъ, на постройку, а наиболѣе на военныя издержки 14,093,255 р. 39¾ к.) —

Къ 1831 году, долги Банку, казенные и частныхъ заемщиковъ, составляли, асс. 294,295,586 р. 51½ к., серебромъ 551,592 руб. 37½ коп., золошомъ 16,712 р. 9 к.

Чистой прибыли Банкъ въ 1830 году прибрѣлъ асс. 2,551,792 р. 39¾ к., серебромъ 35,084 р. 70 к., золошомъ 1,015 р.

Капиталъ Коммерческаго Банка заключается въ 30 милльонахъ рублей.

Но съ оставшимися отъ 1829 года, и поступившими въ 1830 году, трансфертными, переводными, и изъ обращенія въ процентахъ, вкладами, Банкъ и его Коншоры имѣли капишала въ приходѣ 319,641,480 р. 9 к.

Трансфертныхъ вкладовъ было, сереб. 1,107,527 р. 72 к., асс. 86,487,819 р. 11 к.

Для *обращенія изъ процентовъ* находилось, ассигн. 203,153,660 р. 98 к., сер. 6,878,658 р. 18 к., золотомъ 799,856 руб. 59 к. — Выдачи было, ассигн. 65,407,016 р. 84 коп., серебр. 2,382,899 р. 33 коп., золотомъ 15,720 р.

Переводы изъ одного города въ другой, сосставляли 56,134,908 р. 20 к.

Переводныя тратты 9,932,763 р. 87 к.

Выдача подъ уготъ векселей, 72,110,897 р. 6 к.

Выдача подъ залогъ товаровъ, 3,999,535 р.

Выдача Государственному Казначейству, подъ залогъ мѣдной монеты, 22,000,000 р. —

Всѣ *обороты* Банка и его Коншоръ составляли въ 1830 году, сумму 946,753,368 р. 80 коп. ассигн., и 14,615,065 р. 38 к. звонкою монешою.

Чистой *прибыли* приобрьшено Коммерческимъ Банкомъ, и его Коншорами, 1,960,647 р. 78 к.

Къ важнѣйшимъ кредитнымъ оборотамъ сего 1831 года, кромѣ выпуска Билетовъ Государственнаго Казначейства, принадлежишь, ушвержденный Высочайшимъ Рескриптомъ, на имя Г-на Министра

Финансовъ, отъ 14 Мая 1831 года, новый внутр-
нній заемъ, кошорый, съ 5 Августа, открытъ въ
Амстердамъ, Банкиромъ Гоге и Комп., «для по-
крышя чрезвычайныхъ расходовъ, и для возме-
ненія Государственному Казначейству запасныхъ
суммъ, понынѣ на оныя употребленныхъ.»

Сей заемъ составитъ сумму, *нарицательную*,
до 20 милльоновъ серебромъ; онъ, внесется въ Го-
сударственную долговую книгу, подъ именемъ *третья-*
го займа; билеты его будутъ по 500 рублей сере-
бромъ; они приносятъ по 5 проц. въ годъ, и про-
центы сіи выдаются за каждые полгода. Для выку-
па билетовъ сего займа предназначается особый
капиталъ погашенія.

С М Ъ С Ъ.

Въ Германіи сосзавилось, въ 1829 году, обще-
ство, подъ названіемъ: Der thüringisch-sächsische Mu-
sikverein. Цѣль его: поддерживать и распростра-
нять основательныя музыкальныя свѣдѣнія въ Гер-
маніи. Для сего опредѣлено, каждый годъ, всѣмъ
членамъ общества, съѣзжаться въ одинъ городъ,
для взаимныхъ совѣщаній, свиданій, показанія но-
выхъ пьесъ, сообщенія свѣдѣній. При сихъ съездахъ
члены-артисты разыгрываютъ разныя знаменитыя
музыкальныя шворенія. На нынѣшній годъ мѣсто

създа назначено было въ Эрфуртѣ , и 2-е, 3, 4 и 5 Августа , предназначались обществомъ , такъ называемые , *большіе музыкальные праздники* (grosses Musikfest). Положено , *съ 1-й день* разыграть *Salvum fac regem* , соч. Науе (Naue); *Опче нашъ* , соч. Мальмана и Шпора ; гимнь , соч. Гуммеля , и большую *Sinfonia eroica* , соч. Бешховена; *со 2-й день* , разныя пьесы , по выбору членовъ , и большую симфонію Шпора ; *съ 3-й день* , *Сотвореніе міра* , Гайдена ; въ 4-й разныя пьесы , по выбору членовъ .

Другое общественное учрежденіе у Германцевъ , есть собраніе естествоиспытателей и врачей (*Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte*) , которые , по предварительному за годъ назначенію , собираются въ одинъ изъ Нѣмецкихъ городовъ , для взаимной бесѣды , сообщенія новыхъ идей и открытій , чтенія ученыхъ диссертацій , и личнаго другъ съ другомъ ознакомленія . Въ 1829 г. съездъ сего общества былъ въ Берлинѣ ; въ 1830 г. (*девятый*) въ Гамбургѣ ; на нынѣшній годъ съездъ назначенъ былъ въ Вѣнѣ , съ 18 Сентября , какъ обыкновенно бывающъ , но — ошложенъ . . . Въ прошлогоднемъ собраніи находилось присутствующихъ 412. Въ числѣ ихъ было : 154 Гамбургскихъ жителей , 67 пріѣхавшихъ изъ Даніи , 58 изъ Пруссіи , 22 изъ Ганновера , 12 изъ Швеціи , 12 изъ Саксоніи , 9 изъ Австріи , 9 изъ Россіи , 8 изъ Англіи , 2 изъ Франціи , 2 изъ Америки . Общество обыкновенно избираетъ за годъ прежде , на время своихъ засѣданій , двухъ главныхъ Президентовъ , а по собраніи своемъ , раздѣляясь на 8 ошдѣленій , опредѣляетъ изъ числа

присущствующихъ членовъ по два Президента въ каждое Отдѣленіе. Въ собраніи 1830 года были въ сихъ достоинствахъ сѣдующія особы :

Общіе Президенты. Бургомистръ Баршельсъ , и Д. Фрике.

Отдѣленіе Физиковъ. Президенты : Ст. Сов. Пфафъ , изъ Киля , и Эрседшъ , изъ Копенгагена.

Отдѣленіе Фармацевтиковъ. Президенты : Надв. Сов. Троммсдорфъ , изъ Эрфурша , и Проф. Гейгеръ , изъ Гейдельберга.

Отдѣленіе Минералоговъ. Президенты : Ст. Сов. Шпруве , изъ Гамбурга , и Гаршманъ , изъ Бланкенбурга.

Отдѣленіе Ботаниковъ. Президенты : Мерпенсъ , изъ Бремена , и Симерсъ , изъ Гамбурга.

Отдѣленіе Медиковъ. Президенты : Тайн. Совѣшн. Фогель , изъ Ростока , и Крюкенбергъ , изъ Галле.

Отдѣленіе Зоологовъ. Президенты : Д. Ст. Сов. Гр. Ив. Фишеръ , изъ Москвы , и Леукартъ , изъ Гейдельберга.

Кромъ частныхъ засѣданій въ Отдѣленіяхъ , были чешыре общія засѣданія. Члены дружески обѣдали нѣсколько разъ , всѣ вмѣстѣ. Туземцы старались угощать пріѣзжихъ , завтраками , вечерами , прогулками по морю , и проч.

Эшо напоминаетъ что-то древнее Германское ! Польза подобныхъ собраній , гдѣ цѣлю — однѣ науки , неоспорима , и какъ хорошо было-бы учредить шакія ежегодныя собранія для ученыхъ людей и по

другимъ знаніямъ! Но кромѣ добродушныхъ Германцевъ, кто въ состояніи эшо сдѣлать? Въ прежнія собранія Германскихъ Естествоиспытателей и Врачей являлось много Французовъ. Въ 1830-мъ году — Французскимъ ученымъ было не до шого! — Къ большому сожалѣнію, нынѣшній съѣздъ въ Вѣнѣ, какъ мы выше сказали, вовсе не состоялся... Въ Вѣнѣ — *Холера!*

Графъ Сень-Лё, бывший Король Голландскій, братель Наполеона, перевелъ на Французскій языкъ, и напечаталъ во Флоренціи, любопытное описаніе взятія Рима Императорскими войсками, въ 1587 году, составленное очевидцемъ, предкомъ Бонапартовъ, Іаковомъ Бонапарте (*Sac de Rome, écrit en 1527, par Jacques Bonaparte, témoin oculaire, trad. de l'italien par N. L. B.*). Любопытны генеалогическія изслѣдованія о родѣ Бонапартовъ, при сей книгѣ приложенныя. Первый извѣстный Бонапарте, Джіованни, былъ Посломъ Тревизы въ Падуѣ, въ 1478 году; онъ былъ также однимъ изъ первоначальныхъ кавалеровъ Испанскаго ордена Св. Іакова, учрежденнаго въ 1470 г., и основалъ больницу сего ордена въ Тревизѣ. Его имя находится подъ мирнымъ трактатомъ, который въ 1208 г. заключенъ былъ между Падуею, Вероною, Виченцою и Тревизою. Сынъ его, *Бонисперіо*, означенъ въ числѣ дворянъ Тревизскихъ, въ 1219 году. *Марталло* Бонапарте, въ 1271 году, былъ Суданкомъ, а въ 1272 Судьею (*podestà*) Тревизы, и умеръ въ 1290 г. — Въ 1312 г. братель его, *Піетро*, сражался съ пришельцами ошечества, избранъ въ Судьи,

и наконецъ былъ Посломъ при Дворѣ Фридриха Австрійскаго. Пошомъ фамилія Бонапартовъ являешся въ Тосканѣ, принадлежащею къ партіи Гибеллиновъ. *Николо* Бонапарте былъ Профессоромъ Правъ въ Пизѣ. Другой Бонапарте былъ Секретаремъ Духовной Коллегіи, и гробъ его донынѣ сохранился въ церкви Св. Франциска, въ С. Миніато. *Іаковъ* Бонапарте жилъ въ Римѣ въ 1527 году, и описалъ взятіе его, какъ самовидѣцъ. — Замѣчательно, что *въ 1612 году*, *Людовикъ Маріа, Фортуна* Бонапарте, во время войны съ Генуэзцами, переселился въ Корсику, и былъ родоначальникомъ ошрасли Бонапартовъ, отъ которой произошелъ Наполеонъ.

Въ прошломъ году изданы были: *Philosophische Vorlesungen, insbesondere über Philosophie der Sprache und des Wortes*. Соч. Фридриха Шлегеля; Вѣна, 1830 г. у Шаумбурга и К., VIII и 320 стр. in-8. — Книга должна быть любопытна, хотя Фр. Шлегель, подъ конецъ жизни, сбивался съ прямой дороги.

Кометы, кошорая должна явиться въ 1834 году, вѣроятно бояшся многіе Нѣмцы. По крайней мѣрѣ, подъ названіемъ (въ особой шпрукѣ) *грезвычайно любопытной для всякаго книги* (Höchst interessante Schrift für Jedermann) объявляютъ Нѣмецкіе книгопродавцы о книгѣ Д. Гаршмана: *Was hat die Welt zu fürchten von dem Kometen des Jahres 1834?* — Авторъ опровергаетъ мнѣніе шѣхъ, кошорые дума-

юшь , что комѣна *расшибеть* нашу землю въ 1834 году.

Каролина Пихлеръ (урожд. фонъ-Грейнеръ) изда-
ла новый романъ — *Историческій: Friedrich der Streit-
bare*, въ 4 томахъ , in-8. — На Русскомъ языкѣ мы
знаемъ изъ ея сочиненій едва-ли не одного только
Агаоклеса, и , можеть быть , многимъ чинаше-
лямъ нашимъ вовсе неизвѣстно , что Г-жа Пихлеръ
есть одна изъ плодовишыхъ сочинительницъ. Вошь
что составляетъ донынѣ *полное собраніе* ея сочи-
неній :

Leonore	2 тома.
Agathocles	3 »
Die Grafen von Hohenberg	2 »
Olivier	1 томъ.
Die Nebenbuhler	2 тома.
Frauenwürde	4 »
Idyllea	1 томъ.
Dramatische Dichtungen	3 тома.
Prosaische Aufsätze	2 тома.
<i>Kleine Erzählungen</i>	11 томовъ.
Gedichte	1 томъ.
Die Belagerung Wiens	3 тома.
Die Schweden in Prag	3 »
Die Wiedereroberung von Ofen	2 »
Friedrich der Streitbare	4 »

Ишого , прозы и стиховъ ужасная громада — 44
тома !!

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 14. *Июль* 1831.

К О Н Т О Р А

МАКЛЕРА И НОТАРИУСА.

(*Статья 2-я.*)

Не успѣлъ я успѣться, какъ дверь бмспро
распворилась. Почши вбѣжалъ, человекъ высо-
каго росла, съ румяными щеками, рыжею, под-
сприженною бородкою. На немъ было *то-то* въ
родѣ сюршука, на головѣ дорогая, пуховая
шляпа, на ногахъ лакированные сапоги, на ру-
кахъ цвѣпныя перчатшкн, на шеѣ песпрый шел-
ковый, а въ карманѣ другой песпрый, Персид-
скій плашокъ. «Ну, что?» вскричалъ онъ, обра-
щаясь къ моему Маклеру — «нѣтъ еще моего
благодѣтели-шо?» — Нѣтъ. — «О, шупъ его
побери: рѣжешъ, да и польке! ну, ужъ, поч-
теннѣйшій! жома онъ, нечего сказать!» — Сша-
раго вѣка человекъ. — «Самъ посуди: вѣдь хо-
ченъ данъ денегъ; но вотъ при дни волочинъ:
сегодня, завшра, послѣ завтра. Какъ береша

на огнь вершился ; видно не хочется изъ рукъ выпускашь.» — Да развѣ вамъ очень нужно ?

— Смерить ! Зайду еще . . . »

Что это такое ? спросилъ я , когда щеголеватый молодчикъ хлопнулъ дверью и убѣжалъ. Это *разживающійся* купецъ — опивчалъ мнѣ мой другъ. Надобно вамъ знать , что разживающихся дѣляшъ на двѣ часни. Одни начинаютъ съ копѣйки , часто съ прилавочныхъ мальчиковъ ; переходяшъ потомъ въ помощники , въ прикащики , въ сидѣльцевъ *на отгетъ* , въ сидѣльцевъ *изъ гости* , и попомъ заводяшъ сами торговлю , маленькую , гдѣ нибудь въ уголку , и въ этомъ уголку скоро ошмыскиваетъ ихъ множество покупателей , знакомыхъ имъ по прежней ихъ *хозяйской* , торговлѣ. Обыкновенно , новый торговецъ бываетъ ко всякому услужливъ , ласковъ , стоворчивъ , покоренъ , шихъ , кланяется низко , крѣпко торгуется покупая поваря , и шѣмъ полагаетъ основаніе кредита своего между большими торговцами ; одѣвается онъ бѣдно ; дрожитъ надъ каждымъ грошемъ ; самъ замѣняетъ всѣхъ въ своей лавкѣ — и работника , и мальчика , и хозяина ; чаю пьетъ въ шракширъ не ходишъ , а покупаетъ воду въ мѣдный чайничекъ , и пьетъ у себя , въ лавкѣ , бросивъ нѣсколько крупинокъ чайной пыли въ чайничекъ свой. Обѣдъ его составляетъ калачъ , огурецъ , порція икры ,

или вещины. Рано по утру, поздно въ вечеру — онъ все въ лавкѣ. И хошя шорговля его часшо изумляепъ живостію сосѣдей, но онъ хнычетъ; жалуешся, споришь за всякую копѣйку, и шолько покупашель его находишь въ немъ самую скромную, услужливую овечку; поварищи, напропивъ, бранишь его, какъ скупца, Ирода, мѣлочника. Но богачи любяшь пакія брани, и часто, проговоривъ съ улыбкою: «Да, онъ чоршомъ смотришь — Жидъ настоящей!» богашый шоргашъ, мимоходомъ, подходитъ къ его прилавку, и самъ говоришь ему: «Здорово, брашь Ванюша! Ну что шы? Еспъ шоваръ на швою руку — не купишь-ли? — «Ахъ! башюшка, да время-шо плохое; денегъ нѣпъ» — Подожду! — «Охъ, да нынѣшнее-ли время въ долги покупашъ!» — Все Богъ; приди-ка, дружище, да посмотри. Сойдемся!» — И въ шуже время, вы увидише, что къ эшому богачу подходитъ прекрасно одѣшый *рядовигъ*, спрашиваешъ шовару, и получаешъ въ ошвѣшь: «Не знаю; еспъ, да еще не разбиралъ!» Сухая улыбка сопровождаешъ шакой неласковый ошвѣшь.

Другой родъ разживающихся, *скоробогатые*, совсѣмъ ошличень. Большешю часшію, они неожиданно, какъ снѣгъ на голову, падаюшь среди шоварищей. Вдругъ являетя новый шоргашъ,

одѣваенся, какъ вы сей часъ видѣли, нанимаешъ лучшую лавку, сиплешъ деньгами. Всегда веселъ, всегда хвастаетъ барышами, и дивится, что у него въ долгахъ ничего не пропадаетъ; всегда въ шракширѣ, за чаемъ, называетъ по именамъ каждого шракширнаго мальчика, какъ знакома; часто является у него и домъ, записанный на жену, и въ домъ все новенькое, съ иглочки; прекрасный экипажъ подъ Новинскимъ, большое знакомство, честь. Покупщиковъ и у этого поргаша бываетъ много, но ихъ привлекаетъ только *либеральность*, шакъ сказать, новаго купца: бери — все дешево; даешъ и въ долгъ! Одна мысль: продашь больше, скорѣе шоваръ съ рукъ! Богачи обходятся съ шакими людьми дружески, продающъ имъ, только сами на нихъ съ шоваромъ не навязываются: за шо и эти шоргаша много съ богачами не спорящъ; давай только въ кредитъ!

— Чтожъ бываетъ слѣдствіемъ шого и другаго рода посмунковъ? спросилъ я.

« Обыкновенно шо, что хныкающій, черезъ нѣсколько лѣтъ, надѣваетъ лисью шубу; еще черезъ нѣсколько лѣтъ покупаетъ домикъ, или обгорѣлое мѣспо, и самъ шпроишъ; лавка его распрощраняется, шорговля увеличивается, и лѣтъ черезъ шридцать — вы его не узнаете: онъ уже почешный богачъ, съ обширною шорговлею, съ окладистой рожею.

« Скоробогатый, большею частію, кончить плохо. Заведя большое колесо, онъ вертитъ его сильно, но скоро начинаешь чувствовать, что у него недоснаешь масла для смазки, по ешь — денегъ, чтобы поддержать свой оборотъ. Онъ лезетъ въ дальнѣйшій кредитъ, покупаетъ уже безъ разсчета, гдѣ шолько можно; беретъ займы, кто шолько дастъ, а о процентахъ не споритъ. Наконецъ — онъ *лопается*, какъ говорять купцы. Эшо значить, что вдругъ его не видно ни въ лавкѣ, ни дома; векселя же его являюща у насъ, Маклеровъ; лавка забирается. Тутъ идешь совсѣмъ особенный порядокъ дѣлъ, о которомъ надобно вамъ разсказывать особенно, долго и подробно: эшоный порядокъ называется *банкрутство*, которому родной бранъ — *конкурсъ*.

— Если такъ просна теорія всѣхъ эшихъ дѣлъ, шо, мнѣ кажется, примѣры скоробогатыхъ должны бы испребишья?

« Просна теорія, да практика-шо не просна, а весьма затруднительна, какъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ. Во-первыхъ, часшо случается на оборотъ: хныкающій хнычетъ, хнычетъ, да шѣтъ и кончитъ! Либо умретъ онъ не перерядясь въ лисью шубу изъ волчьей, или мерлузчашой, либо — совсѣмъ неожиданно, ^{как} ищашешь за своимъ прилавкомъ, какъ восковал

свѣчка, и кончипъ конкурсомъ штычь въ десятокъ. А эпо хуже смерши: если долговъ не окажешся 100,000, шо не спойшъ банкротипшься! Скоробогашый-же, особливо если у него совѣшь смирная, не боипшь ни коншрабанды, и ни какой другой дрянн — годъ опъ году болѣе и болѣе спановипшься богашымъ, начинаешъ скромничашъ, сжимашъся, и кончипъ пѣмъ, что дѣлаешся совершеннымъ скрягою, спановипшься въ рядъ спарыхъ богачей, и о шомъ, какъ онъ началъ, всѣ позабываюшъ.

Во впорыхъ, не можеше предспавипшь всѣхъ хипсростей, ловкостей, испушва, какія упошребляюшся для денегъ. Какъ часто вексель, заплаченный богачу впору, давалъ новую жизнь дѣламъ, ибо не шолько сомнѣнне испчезаешъ, но всѣ получаюшъ о плашельщнкѣ крѣпкое увѣренне; какъ, иногда, одно кспашн сказанное слово, даже спо рублей, проигранные въ ламушъ, давали человѣку кредитъ!

Въ прешпыхъ, спраспн людскія развѣ бездѣлица? Кому продашь не хочешся? Кому больше барыша не желаетъся? А если Русское: *авось*, вмѣшалось въ дѣло, шо самый ошпорожный и скупой попадешся.

Наконецъ — шма ошпошеней. Иной нарочно жерпвуешъ своимъ, чтобы упопипшь другаго. Есть еще множешво переходовъ въ кредитъ,

и есть такі степені, гдѣ просто, кажется, жадность кредитуетъ безстыдство, надѣясь, что хоть *свое* не пропадешь; иногда кажется, что люди только и хохлятъ хлопотъ. Кто идець дальше, а иной нарочно подходитъ ближе. Я укажу вамъ даже такихъ людей, которые ищутъ одолжить только шѣхъ, отъ кого уже всё отказались, которые нарочно скупаютъ векселя, въ воспоргѣ отъ курапорства, и всю дѣятельность жизни ограничиваютъ только конкурсами.

« Вообразите весь этотъ міръ сплетней, измѣненій, поддѣлокъ, хитросостей, ловкостей, жадности, обмана, и вы согласитесь, что практика не легка, хоть теорія и весьма проста кажется. А вотъ и нашъ молодчикъ, *скоробогатый*, и тузъ съ нимъ.

— Ухъ! сказалъ шузъ, вваливаясь въ коншорру. Это былъ спарикъ, съ краснымъ, пьянымъ лицомъ, въ засаленномъ сюршукѣ, замаранномъ башисповомъ галспухѣ, нечищенныхъ сапогахъ, съ клѣпчатымъ носовымъ платкомъ въ карманѣ, изорванной шляпѣ.

— Ухъ! повшорилъ онъ, садясь на спулъ — черпяка шы — уморилъ! Голова смерть большъ — шушка-ли пащилъ въ городъ? —

« Хе, хе, хе! » подхватилъ молодчикъ, уви-

взясь вокругъ него. «Видно изволили-съ подгулять вчера?»

— Подгулять? Како подгулянь: нарѣзались мы, словно свиньи! Компания была честная, круглая — шакъ, все дрянъ народъ... (Онъ улыбнулся, съ видомъ самодовольствія) Тугосумовъ, Золошохвостовъ, ну я, Мѣшковъ...

«Видно миллиончиковъ пять сидѣло за бутылкою — ха, ха, ха!»

— Нѣтъ, и побольше, хе, хе, хе! Дай-ка шабачку, Вася! — продолжалъ шутъ, просягивая руку къ старому весельчаку, писцу Маклера. — Эпощъ вспалъ, и, подчивая шабакомъ, замѣшилъ, что, вѣроятно, своя шабакерка забыта дома.

— Нѣтъ! пошерялъ, да все не сберусь купить...

«Да чай, я не на что?» сказалъ скоробогатый, усмѣхаясь.

— И шо правда: подарика, братъ! — Улыбка самодовольствія и скрышнаго презрѣнія мелькнула на лицѣ шуза.

«Да извольте-съ! Какъ вамъ благодареню не подслужитесь...»

— Ну, что свои Французскіе сипцы?

«Слава Богу! всѣ сбѣлъ! пшсичи при зарабовалъ,

— Лихой! Прощайте-же, брашцы, ребянишки! пойдши было къ Мѣшкову...

Изумленіе изобразилось на лицѣ скоробогатаго. «А что-же, почтеннѣйшій...» промолвилъ онъ заикаясь.

— Да! вскричалъ грубо старикъ. — Право нѣту — чершяки, изволишь видѣшь, вовсе не плапашь; надо получишь — за Шилопашакинымъ ешь съ пысячу: сегодня хопѣлъ опдашь.

«Ужь у васъ будшо нѣтъ? Трахнаше ножкой, такъ пысячи полешашь...»

— Тысячи! Да, вонъ проклятаго-то купилъ, домину: вѣдь *триста* — числоганомъ — хе, хе, хе! — Онъ поглядѣлъ горделиво.

«Говорятъ: многонько шаки вы дали...» лукаво сказалъ скоробогатый.

— Многонько! вскричалъ старикъ — плюнушь бы имъ на языкъ, болшунамъ! Что за много, коли больше оспалось — домъ спойнѣ полмилльона: вѣдь былъ Графскій, пошолки какіе, какъ размазаны, съ золошомъ — однихъ кресель спаринныхъ дюжинъ пашьдесять, съ Французскимъ бархашомъ, да шпофомъ. Да кто говоритъ? кому нужда? чершяки!

«Мое дѣло спорона, сударь; я вѣдь изъ одного моего почшенія къ вамъ, что слышу, сказываю...»

— А кто-же говорил? — спрашивал спарикъ, съ любопытствомъ и злобою.

« Вы ужь одолжите меня, почтеннѣйшій благодѣтель? »

— Ну, ну! Вѣдь шебѣ *четыре* ?

« Нѣтъ, пять... Вы изволили обѣщать мнѣ... »

— Какъ? А кто-же говорил? А?

« Я ужь шакъ и бумажку написалъ, » сказалъ скоробогатый, отдавая спарику вексель, и перебивая его рѣчи.

Спарикъ доспалъ старые, большіе серебряные очки, въ вѣшномъ фулярѣ, вздѣлъ ихъ на носъ, и яспребинные глаза его успремились на вексель, который дрожалъ въ рукахъ его; казалось — онъ хошѣлъ съсѣсть его глазами.

« Такъ, кажешся? »

— Да! — глухо проговорилъ спарикъ, пряча вексель въ огромный бумажникъ, набитый ассигнаціями, ошъ чего боковой карманъ его опшопыривался безобразно. Онъ опуспилъ попомъ руки, и съ дрожащею опъ злоспи нижнею губою, ворчалъ: « Дорогъ! чершяки! ужь допеку, когда дознаюсь! Чшо? Развѣ не засядешъ у меня въ Третьемъ Департаментѣ? Хошъ нынѣ не прежнее время, а шакже пакки вцашимъ — чершяки, изволишь видѣть! Кто-

же эно брешешъ?—спросилъ онъ вдругъ, быстро оборотясь къ скоробогашому.

Тотъ будто не понялъ. « Сей часъ изволише мнѣ пожаловать , или повременить прикажеша ? »

Грубо ударилъ его спарикъ по плечу. « Да поди, хошь наспойки подай! Экой — сказалъ онъ , съ усмѣшкою — злой языкъ ! »

Скоробогашый поморщился , улыбнулся. « Господа ! » сказалъ онъ , обращаясь ко всѣмъ намъ — « не угодно-ли ? по чашкѣ теплой воды ? »

— Извольте, Гуръ Филашьевичъ ! — ошвѣчалъ спарикъ , писавшій за большимъ столомъ , и подчивавшій пуза шабакомъ , снимая съ носа большіе очки , безъ оправы , ибо ихъ соспавляли два стекла , обогнутыя проволокою , и обмотанныя шелкомъ. — Можно-съ? — спросилъ онъ пихонько у моего друга. — « Можно » — ошвѣчалъ шотъ , не оставляя своего дѣла , « полько , пожалуста , приходи скорѣе. »

— Ты что , Федуль , губу-шо надуль? — сказалъ пузь , надѣвая шляпу , и обращаясь съ рѣчью къ моему приятелю.

« Ничего , Фока Фомичъ , » ошвѣчалъ онъ , положивъ перо , и съ улыбкою смотря на пуза.

— Дай-ка шабачку ! » Только и вылилось изъ его головы. Онъ , скоробогашый и писарь пошли вонъ.

« Вы видѣли прии́търъ, какъ даю́тъ въ заемъ богачи скоробогашимъ, и какъ шѣ подличаю́тъ передъ ними, наущничаю́тъ имъ, угождаю́тъ, подчиваю́тъ, снося́тъ всѣ ихъ глупыя капризы и хвастовство. Теперь, спарикъ напѣпился на счепъ его, еще будещъ хвасташъ часа съ два, и на-конецъ дасшъ ему денегъ.»

— А вашъ писарь зачѣмъ пошелъ?

« Эпошъ добрый спарикъ помѣшанъ на пишѣ чаю, и на бесѣдахъ съ богачами. Чшобы сказа́тъ: я пилъ чай съ Фокою Фомичемъ, онъ готовъ идти въ Нѣмецкую Слободу, бросивъ дѣло.

« Развѣ эпошъ запачканный, грубый спарикъ большой богачъ?

— Милльонщикъ. Потому-шо онъ и дурачипся, коверкается, ѣздишъ на волочкѣ, когда въ карманѣ у него бываешъ на сошни пшисячъ векселей. Онъ былъ подрядчикъ на плошничную рабшу, простшой мужикъ, плошникъ, и разжился послѣ неприатели, но сохранилъ всѣ свойства плошника, пьяниды и грубияна. — А вопъ и новое явленіе, которое васъ порадуетъ!

Вошли: человекъ среднихъ лѣтъ, одежда и видъ котораго показывали опрятное довольство, и мужикъ, просто одѣтый, съдой, съ добрымъ, ошкровеннымъ, веселымъ видомъ. — Маклеръ мой ушниво раскланивался съ обоими, жалъ имъ руки, просилъ садиться.

Мужикъ прежде всего помолился, раскланялся, и потомъ сѣлъ.

— Что, бапюшка, Анципъ Левлевичъ? — началъ мой пріятель, обращаясь къ нему.

« Да что, родимый; вонъ попорговались съ неопѣненнымъ-то пріятелемъ. Начерни-ко ты намъ бумажки.

Онъ развязалъ простой кожанный бумажникъ, замопаный ремнемъ; въ бумажникѣ было у него множество векселей, денегъ.

— Одну? — спросилъ мой Маклеръ.

« Нѣтъ, три; двѣ по 10, а одну въ пять. »

— Да возьми оспальное, Анципъ Левлевичъ! — сказалъ поварищъ мужика — право, слово, барыша не беру.

« Какой-же ты купецъ? — сказалъ ему смѣясь Анципъ Левлевичъ: — какъ безъ барыша порговашь? Ну, шакъ и бышь: если съ вычетомъ наличныя возьмешь, шакъ еще на десяшь онложи.

— Куда мнѣ съ ними! Возьми все; всего-то на 15; напишемъ ужъ еще бумагу: будетъ всего на 40.

« Охъ! бумагу! мы люди безграмотные, боимся энихъ бумагъ. . . Нѣтъ! родимый! ужъ шакъ? »

— Какъ хочешь; принужденъя нѣтъ, а я не согласенъ.

Они начали полковашь попихоньку. Между шѣмъ, одинъ изъ писарей писалъ векселя. — «Понимаете-ли вы разговоръ ихъ, и что это за люди?» спросилъ меня мой пріятель.

— Почти нѣшъ — ошвѣчалъ я.

«Одинъ старинный, почтенный Московскій фабриканшъ, человекъ весьма доспапочный; а другой, честнѣйшій человекъ, Суздалецъ, бывший господскій крестьянинъ. Онъ заплашилъ за себя господину 400,000 рублей, не знаетъ грамотъ, и пошому записываетъ свои векселя у Маклеровъ, и обыкновенно у меня. Теперь, онъ уже 4-й гильдіи купецъ, и шоргуешъ, конечно, на два мильона. — Пріѣхавъ за покупкой шовара съ деньгами, онъ любитъ купить въ срокъ, чтошбы заплашилъ наличными, съ вычетомъ проценшвъ. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня эша просшота, доброта, эшотъ Руссизмъ — прелесшъ! Умный мужикъ, шакъ, какъ онъ еспь. Двое сыношей его ходяшъ съ бородами, но образованы опличено, не по ученому, но по книжному. Библиошека у нихъ состоишъ вѣрно изъ 40,000 шомовъ. Шпарикъ самъ все еще шрудишся, не перемѣняешъ своего костюма и разговора; но живешъ онъ въ своемъ городѣ какъ древній Русскій Госшъ, и, конечно, повезешъ дѣшамъ своимъ въ подарокъ книгъ изъ Москвы, или по образу.

— А что, родимый — началъ Аншицъ Іев-

левичъ, моему пришелю — какъ ты поживаешь ?

« По маленьку, сударь, Аншинъ Гевлевичъ.

— А не возьмешь-ли ты на себя шруда — тебѣ вѣдь много знакомыхъ — купишь ребяшинкамъ моимъ, вѣшь по запискѣ, книжонокъ — сошни на двѣ; да попоргуйся: вѣдь усупушь, я думаю ?

Я заглянулъ въ записку: Испорія Карамзина, новое изданіе, Географія Малшебрёня, Выжигинъ П. И., Рославлевъ, Геометрія Дюпена, Царствованіе Царя Алексія Михайловича, Гречева Грамматика, и проч.

— Охопники смершныя! — продолжалъ Аншинъ Гевлевичъ — я и не запрещаю. Пусть чипающъ: меньше шалишь молодежь, когда больше сидишь дома; полько у меня своего дѣла не забывай, да не опспавай опъ божеспвеннаго. А шо учишь, какъ хочешь. И слава Богу! мой Гришущка, живущи въ Пешербургъ, какъ развѣ по-Нѣмецки научился, а всегда на клиросѣ въ своемъ приходѣ поешъ, и кругъ церковный весь знаешъ.

Въ словахъ спарика не видно было никакого фанатическаго суевѣрія, и проспаша, добросердечіе выражались на его лицѣ.

Тутъ вдругъ загремѣла кареша и оспановилась у дверей конторы. Высокій лакей съ шумомъ ошворялъ двери, пока другой лакей помогаль вылѣзашъ изъ карешы чему-шо похожему

на чело́вѣка, худому, сухому, блѣдному, капляющему, напудренному, запынутому въ модный фракъ, съ двумя звѣздами на обѣихъ спорахъ груди. Пока это живое привидѣніе ползло на рукахъ лакея въ двери коншоры, выскочилъ изъ карепы еще чело́вѣкъ, кошораго я назваль-бы деревяннымъ мужичкомъ: пакъ недвижны были его члены; шолько рука его безпрестанно поправляла длинныя усы.

Спарикъ былъ Князь Пустозвоновъ, а деревянный мужичекъ — его, какъ-бы назвашь... шо, что называется у спарыхъ дамъ *компаньѣнка*: прислужникъ, подслужникъ, прихвостень, родъ слуги, кошораго однакожь не бьютъ, хошь и называютъ иногда *болваномъ* и *дуракомъ*.

Всѣ всинали; начали кланяться Князю; особливо въ глазахъ Антипа Іевлевича изобразилось что-то спранные, какъ будто робость. Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

Не снимая шляпы, Князь обратился къ моему пріятелю Маклеру. *Parlez-vous français?* — *Oui, mon Prince.* — *On ne nous comprendra pas?* — *Personne!* отвѣчалъ мой пріятель, давая мнѣ знакъ слушать внимательнѣе.

Вотъ разговоръ Сямельнаго, который я разскажу читателямъ по-Русски.

(До слѣд. №).

Handwritten scribbles